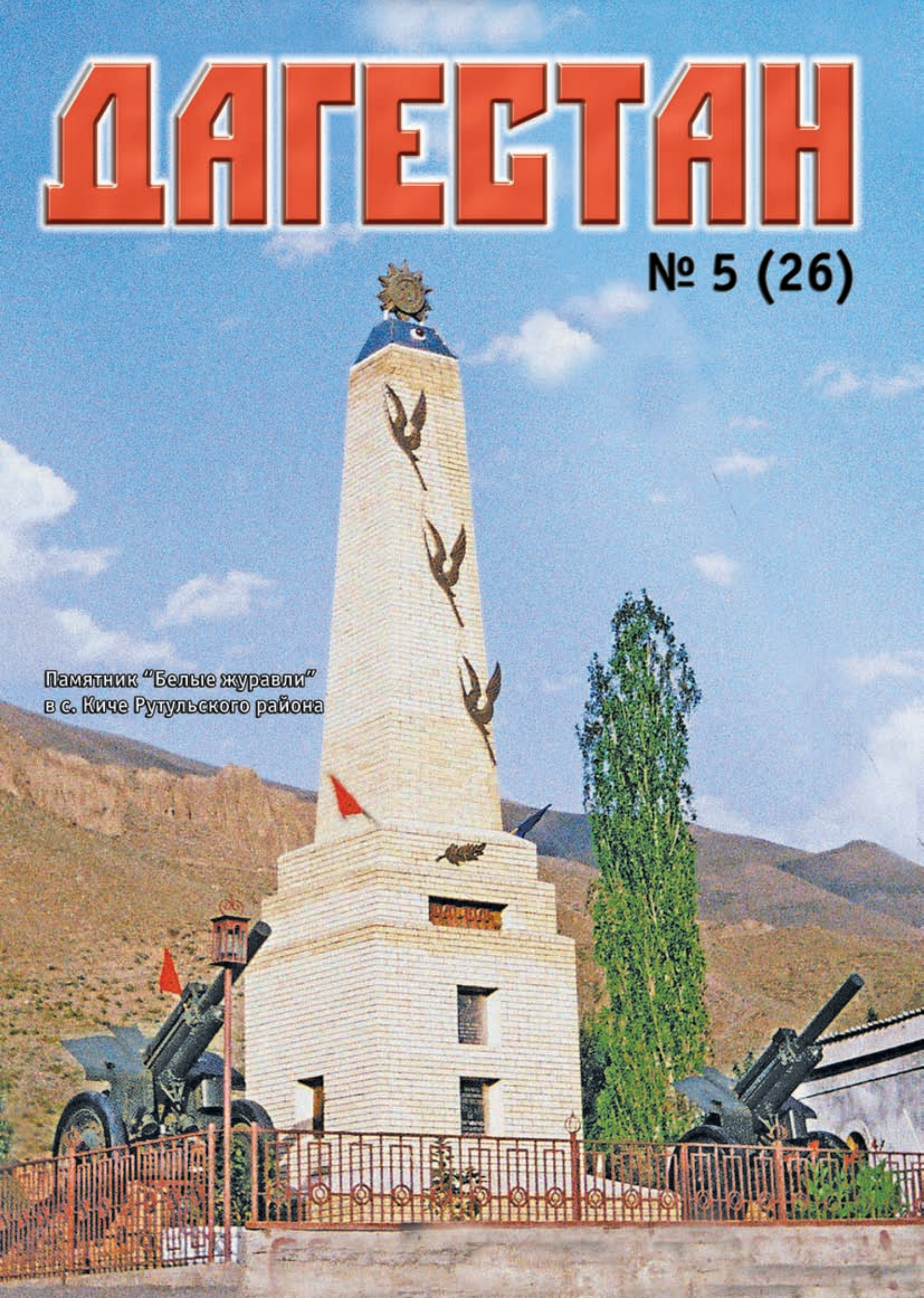
ДАГЕСТАН

№ 5 (26)



Памятник "Белые журавли"
в с. Киче Рутульского района

ГАМЗАТОВ РАСУЛ

В двадцатый раз прошли в республике Гамзатовские дни «Белые журавли», и в первый раз они приобрели статус государственного торжества. В день рождения Расула Гамзатова в республиканском Русском театре состоялось торжественное собрание представителей дагестанской общественности.

Теперь этот необычный праздник в честь знаменитого произведения будет проходить ежегодно и приобретет общероссийское звучание. Публикуемый на первой странице обложки фотоснимок мемориала «Белые журавли», воздвигнутого джамаатом селения Киче Рутульского района по инициативе Гасангусейна Абдулжелилова, тому свидетельство.

Это один из более чем тридцати памятников гамзатовским «Журавлям». Воздвигаются они в память о погибших в боях за Родину земляках. А у стелы в Киче высотой 15 метров стоят по обе стороны две пушки Великой отечественной войны, доставленной сюда Минобороны РФ по распоряжению премьер-министра М.Е. Фрадкова.

РЕСПУБЛИКАНСКИЙ ХУДОЖЕСТВЕННО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 5(26)

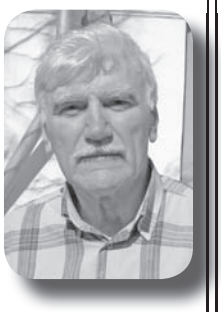
ДАГЕСТАН

сентябрь/октябрь 2006

Выходит с августа 2002 года. Периодичность – 6 раз в год.

УЧРЕДИТЕЛИ: Министерство по национальной политике, информации и внешним связям РД, Союз писателей РД

Расул сказал…



Да, уже прошло три года. Наверное, как бы ни была велика прижизненная слава, истинный масштаб личности начинаешь осознавать с каждым годом, прошедшим после расставания с человеком.

Мало кто в мире удостаивался такого народного признания, чтобы произнесенные им слова воплощались в памятники. Расул Гамзатов такую любовь завоевал. На первой странице нашей обложки один из таких памятников – в ауле Киче Агульского района. А на соседней слева странице запечатленные на фото мгновения торжества по случаю Гамзатовских дней «Белые журавли». Но не только своим поэтическим словом велик наш Расул. Все, кто поэта знал лично, не забудут искрящееся тонким юмором общение с ним.

Как всякое остроумное слово, этот юмор трудно передаваем, ибо всегда несет в себе интонацию устной речи, характер собеседника, атмосферу дня и даже минуты. И все же! Недавно в редакцию зашел Иззет Алиев. Близко зная поэта, он рассказывал о его реакции во множестве различных бытовых ситуациях, я изредка вставлял свои эпизоды, и мы долго смеялись, вспоминая остроумные слова Расула. Не буду пытаться что-то пересказать, у Иззета получается лучше.

Но не только в быту смеялся поэт. Расул Гамзатов в советские времена позволял себе то, что другие себе позволить не могли и не смели. Например, говоря о том, что дружба народов у нас есть, а дружбы людей нет. Не конкретных людей, конечно. Помню, однажды спросил его об отношении к литературной критике, а он возразил: «Что? Разве у нас есть критика?». Высказывался он сатирически и на политическом поле, но без злобы, а просто констатируя факт. Вот и о роли в истории наших бывших вождей он, видимо, думал иначе, чем большинство. По крайней мере, по его реплике в разговоре со мной незадолго до его ухода, прочитав следующую страницу журнала, об этом можно судить.

Да, это наш великий поэт, наш герой, «глыба» нашего народа. И что тоже незабываемо – жизнелюб и остроумец.

Далгат АХМЕДХАНОВ,
гл. редактор

СОДЕРЖАНИЕ:

ОБЩЕСТВО

Виктор МОРОЗОВ
Какой дорогой идем……2
Далгат АХМЕДХАНОВ
Кто – скифы и азиаты, кто – европейцы, кто – рабы……4
Марьям ХАЛИМБЕКОВА
Шалбуздаг: мой путь к Нему……8
Хайбулла АБДУЛГАПУРОВ
Воздать художнику……12
Магомед ГАЗАЛИЕВ
«Учительница русская моя…»……14
Джонрид АХМЕДОВ
Свидетельство заместителя маршала……16
Булач ГАДЖИЕВ
Дагестанки……18
Шапи КАЗИЕВ
Гаремные страсти……24

ЛИТЕРАТУРА

Вадим КЕРАМОВ
Отчего растут деревья……30
Заира ГАДЖИБАЛАЕВА
Тополя……32
Магомед-Расул МУРСАЛОВ
…Театр абсурда……40
Лариса ШАРИПОВА
Восьмая нота……42
Сугури УВАЙСОВ
Маркс и Бобик……44
Константин ЗАЧЕСОВ
Стихи……46
Магомед-Наби ХАЛИЛОВ
Кочап Камав……48
Зарема КАЗБЕКОВА
Мир любви, добра и боли……52
Фатима АБАКАРОВА
«Снежные люди»……54
МАГОМЕД-РАСУЛ
Слово о «Чеканщике слова»……56
Айша КУРБАНОВА
О зайце……58

В КОНЦЕ НОМЕРА

Светлана АНОХИНА
Экстрим в небе над Гинта……60

Редакция рассматривает рукописи не более одного печатного листа. Присланные материалы не рецензируются и не возвращаются. Ответственность за точность цитат, фактов, названий, имен несут авторы.

Мнение редакции не всегда совпадает с точкой зрения автора материала.

Редакция вступает в переписку по своему усмотрению.

При перепечатке ссылка на «Дагестан» обязательна.

Адрес редакции:
367000, г. Махачкала, ул. Буйнакского, 4, 2-й этаж (в здании Союза писателей Дагестана).
Телефоны: **67-02-03** (главный редактор),
67-02-08 (зам. гл. редактора, отделы публицистики, культуры и литературы).
E-mail: dagjur@mail.ru

Банковские реквизиты:
Р/с 40603810602800140487 в Махачкалинском филиале МАКБ «Возрождение» г. Махачкала,
К/с 30101810500000000882,
БИК: 048209882, ИНН: 0562053040
КПП 056201001
ГУ Редакция журнала «Дагестан»

Журнал зарегистрирован 23 июля 2002 года Южным окружным межрегиональным территориальным управлением Министерства РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации – ПИ № 10-4793.

Номер набран и сверстан на компьютерной базе журнала «Дагестан». Отпечатан в Республиканской государственной газетно-журнальной типографии.

Адрес типографии: г. Махачкала, пр. Петра I, 61.

Усл. п. л. – 7,5.
Тираж – 1000 экз.
Номер заказа –

Подписной индекс – 78434.

Цена номера в киосках «Роспечати» – 20 руб., у общественных распространителей – свободная.

ОБЩЕСТВО

ПОЛИТИКА

Публикуемое ниже письмо с неожиданным мнением о роли В.И. Ленина и И.В. Сталина в истории России пришло в редакцию больше трех лет назад. Узнав о нем, Расул Гамзатов сказал мне: «Не торопись печатать, еще не время…». Я послушался нашего незабвенного поэта. Не знаю, что сказал бы он сейчас: пришло время или еще нет. Но повод к публикации появился будто в поддержку письма пенсионера – на привокзальной площади Махачкалы открылась мемориальная доска в память о приезде в Дагестан И.В. Сталина.

Автор письма высказывает, конечно, спорное соображение, идущее вразрез с общепринятым постулатом: И.В. Сталин является верным продолжателем дела В. И. Ленина. Но каковы его аргументы!.. В общем, молчание – не всегда золото. Думается, имеет смысл читателям высказаться. Пишите. Ждем.

Д. Ахмедханов

Виктор МОРОЗОВ,
пенсионер

КАКОЙ ДОРОГОЙ ИДЕМ…

Общеизвестно, что степень цивилизованности народа, государства, уровень его культуры определяется не только отношением к людям преклонного возраста и женщинам, но и к памятникам тем, кто оставил глубокий след в истории этих народов. В этом отношении демократическая Россия и нынешний Дагестан стоят на недосягаемой высоте. В России и в Дагестане, в частности, с трогательной нежностью, огромной любовью относятся к многочисленным памятникам Ленину. В Москве существует его Мавзолей, а в Махачкале стоят его памятники, его именем названы улицы, площади, да и по всей стране – тоже. Для такого отношения к памяти о Ленине нужно обладать не только высоким уровнем культуры, но и очень высоким интеллектуальным уровнем, позволяющим оценить тот бесценный вклад в историю и, в частности, в развитие демократии в России, который внес Владимир Ленин.

На фоне этого благородного российского отношения к памятникам историческим лицам жалко, неумно, примитивно выглядят государства, которые не только не создают памятники историческим деятелям, оставившим глубокий след в их истории, но в которых даже снесли те, которые были. Такие, например, как Болгария, страны Прибалтики и другие. И уж совсем дико выглядит третья категория стран, которые никогда за всю свою историю не устанавливали памятники отдельным выдающимся историческим личностям, оставившим глубокий след в их истории.

Вот, например, Германия. Что-то не видно на улицах ее городов памятников Гитлеру. Или еще пример: Израиль. Евреи всегда считались одной из самых цивилизованных наций в мире, но и у них нет памятников историческим личностям, внесшим огромный вклад в историю Израиля, начиная от египетского фараона Рамзеса II и кончая Адольфом Гитлером, который внес бессмертный вклад в историю евреев. Его именем не названа ни одна улица, ни одна площадь, ни один город в Израиле.

Некоторые ограниченные люди могут сказать, что А. Гитлер оставил в истории евреев негативный след и не достоин памятника. Но умные народы не придают никакого значения тому – позитивный или негативный след оставил человек. Например, в Российской Федерации: какая

разница, какой след оставил в России Ленин – тот или другой. На это никто не обращает внимания. Факт, что оставил, и этого достаточно. Израилю и Германии нужно брать пример с Российской Федерации, которая является маяком для всего прогрессивного человечества. Вот и выходит, что Израиль и Германия вовсе не цивилизованные страны. К тому же, и неблагодарные.

Но давайте вернемся в Россию и в наш Дагестан. Насколько мы цивилизованы? И тут уж не до иронии.

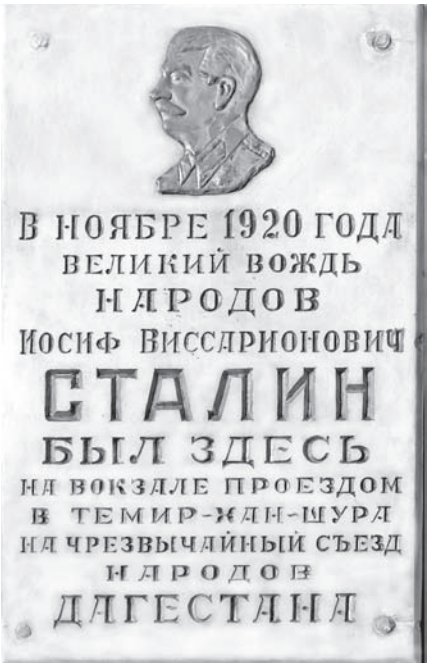
Благодарные граждане Дагестана решили на главной площади Махачкалы установить памятник выдающемуся деятелю советского государства Иосифу Виссарионовичу Сталину. Антисталинисты-ленинцы

встретили это желание в штыки, обвиняя И. Сталина во всех смертных грехах, а Ленина обожествили, установив его статуи в столице республики, и поклоняются ему как языческому богу.

Но обратимся к фактам и посмотрим, достоин ли кумир ленинцев быть богом?

Факты свидетельствуют, что Ленин, который по национальности скорее всего юрист, родился и вырос в России, получил в ней образование и профессию, но в критическое для России время, когда она находилась в состоянии войны с Германией, не взял в свои руки оружие для защиты своей родины и своего народа, а наоборот: с группой своих сообщников, называвшихся большевиками, пробрался на территорию воюющего с Россией государства, установил с германским военным командованием контакт, добился от него финансовой поддержки и на немецкие деньги занялся подрывной деятельностью против России. Если это не предательство своей страны, своего народа, то как еще это можно назвать? Как сказал классик: «...даже тифозная вошь обидится, если ее сравнить с предателем».

После февральской революции в России в 1917 году Ленин со своей группой большевиков германским военным командованием забрасывается для подрывной деятельности в Россию, в которой они активно занимаются антироссийской агитацией, разложением российской армии, подрывом основ государственного строя. Большевики действовали так успешно (правда, им очень способствовали и объективные факторы), что уже в октябре 1917 года незаконно созданные (выражаясь современным языком) ленинцами бандформирования, состоящие из дезертиров, уголовников и других отморозков, вооруженным путем захватывают Зимний Дворец в Петрограде, резиденцию российского правительства и незаконно объявляют себя коммунистическим правительством во главе с Лениным.



Таким образом, выстрелы по Зимнему Дворцу фактически были первыми выстрелами гражданской войны, развязанной большевиками-ленинцами. Это же тягчайшее преступление против народа России, принесшее ему неисчислимые страдания, разрушение государства, утрату им огромных и невосполнимых материальных и духовных ценностей, принесшее обнищание и смерть миллионам невинных людей. В январе 1918 года большевиками-ленинцами было расстреляно избранное в России демократическим, законным путем Учредительное собрание. Депутатов расстреливали даже по квартирам и были случаи – даже в больнице.

Ленин заключил 3 марта 1918 года с Германией Брест-Литовский договор, который вывел Россию из войны к великой радости Германии и отдал ей в знак благодарности за финансовую поддержку большевистского переворота огромные территории с населением в 50 млн человек – все, что Германия пожелала. И только поражение Германии на западном фронте заставило ее уйти с этих российских территорий.

В ноябре 1917 года большевики-ленинцы создают террористический карательный орган – ВЧК, главной функцией которого была борьба с их врагами. А поскольку все трезвомыслящее и свободолюбивое, честное и наиболее образованное население, представителями которого была прежде всего интеллигенция, оказалось против построения нового мира, то интеллектуальный авангард страны стал врагом, и потому безжалостно физически уничтожался. Людей расстреливали даже только потому, что носили галстук. Уцелели только те, кто успел скрыться за границей. Как, например, М. Горький, И. Эренбург, М. Цветаева, которые, между прочим, вернулись в Россию во время И. Сталина. А вот поэту Н. Гумилеву не удалось скрыться за границей, и он был расстрелян ленинцами-большевиками.

В функцию ВЧК входило также добывание средств для осуществления мировой революции, для чего требовались огромные капиталы. Для этого, не стесняясь, грабили музеи, церкви, гражданское население. Награбленные материальные ценности и бесценные художественные, исторические, культурные шедевры, созданные народом России, направлялись за границу, часто за бесценок, и вырученные деньги направлялись на подрывную деятельность, в первую очередь – в Германию, в результате чего в Германии в 1919 году возникла «национал-социалистическая немецкая рабочая партия» во главе с А. Гитлером. Неправда, что она возникла как реакция на поражение Германии в первой мировой войне. Правда в том, что она затем стала противовесом экспорту в Германию из России коммунистических идей. Если бы возникновение НСНРП было реакцией на поражение Германии в первой мировой войне, то эта партия не имела бы антисемитской направленности. Антисемитизм А. Гитлера и НСНРП заключался в их убеждении, что коммунизация России происходила под руководством и в интересах евреев. Поэтому для них коммунист был идентичен еврею, они считали, что если их не уничтожить, то они уничтожат Германию, превратят ее во вторую Россию. Нет нужды доказывать ошибочность подобной идеологии, но факт остается фактом: большевики-ленинцы уничтожили великую Россию, нанесли ее культуре огромный урон. То же самое, но по масштабам куда меньшим, сделали фашисты в Германии.

Таким образом, семена второй мировой войны были посеяны ленинцами-большевиками еще в 1919 году. Коммунизация России сопровождалась также еще и страшным голодом, в результате которого погибли десятки миллионов невинных людей. Кто же в этом виноват? Сталин? А Ленин ни при чем?

Теперь посмотрим, кто те люди, которые при И. Сталине подвергались массовым репрессиям. Оказывается, это вся элита: партийная, советская, военная, карательная – от районного уровня и до всесоюзного. Среди них такие «герои», как Троцкий, Ягода, Ежов, Блюхер, Тухачевский, Якир, Гамарник, Зиновьев и другие, которые принимали самое активное участие в коммунизации России, насильственном навязывании массам коммунистических идей. Вместе с этими идеями они принесли народу России гражданскую войну, террор, неисчислимые страдания, слезы и смерть миллионов невинных людей. Факты неопровержимо доказывают, что эти люди были преступниками, убийцами, палачами. Так, может, за это Сталину надо спасибо сказать и поставить ему памятник вместо Ленина?

Читатель может подумать, что автор этой статьи был, наверное, обласкан при сталинском правлении. Нет, все было с точностью до наоборот. При Сталине вместе с преступниками репрессировались и невинные люди. Автор этой статьи был репрессирован в 1951 году и отбыл в местах не столь отдаленных 30 лет с гаком. И сейчас в реабилитации мне отказали, так что до сегодняшнего дня я являюсь врагом народа и, следовательно, мирового пролетариата. Но я смотрю на действительность объективно и вижу, что минусов у И. Сталина в тысячу раз меньше, чем у В. Ленина. Но памятников Сталину нет, а памятники Ленину стоят.

Кто может объяснить, почему? Только не говорите, что Ленин – вождь мирового пролетариата. На примере нашей бедной Родины мы видим, какой он был вождь ,и что он сделал для мирового пролетариата, который от него все годы шарахался, как черт от ладана.

Далгат АХМЕДХАНОВ

КТО – СКИФЫ И АЗИАТЫ, КТО – ЕВРОПЕЙЦЫ, КТО – РАБЫ...

«Да, скифы мы, да, азиаты мы…» – писал Блок. А отовсюду слышим, что мы – Европа, и без нас она ни туда и ни сюда. Так кто же мы на самом деле? Прав ли знаменитый поэт?

Вопросом «Кто мы?» общественность в последнее время задается подозрительно часто. Ну, для нас, дагестанцев, вопроса нет. Какие проблемы! Мы, конечно, самые-самые… А вот остальные россияне?.. Они-то кто? Не случайно, видно, вопрос звучит с телеэкрана в рамках одноименной программы на канале «Культура». Да и в других передачах по тому или иному поводу опосредованно присутствует. В пишущей прессе тоже проскальзывает. Есть, значит, проблема.

Не все так просто и с нами, дагестанцами. Мы, конечно, – о-го-го! Однако мы часть россиян. Может, и самая лучшая, но жить в обществе и быть свободным от общества нельзя, как сказал классик, товарищ Ленин. Хотя бы в этом справедлив был, между прочим. И народная пословица гласит: с кем поведешься – от того и наберешься. Поскольку я со своей, дагестанской, колокольни сужу, то процесс шел обоюдный: мы от остальных россиян всего набираемся, остальные россияне чего-то набираются от нас. А на заре прошлого века после катаклизма 17-го года родилась неожиданная субстанция – советский человек. И затем через 70 лет началось постепенное его испарение. Так и получилось, что сегодня мы имеем не очень ясно – кого.

Поскольку всякая столица – визитная карточка страны, давайте для удобства при выяснении «кто есть кто» опираться на москвичей и махачкалинцев.

Кто из нас, не очень толстокожих, не ощущал на себе снисходительный, не очень это скрываемый, прищур столичных глаз: провинция… да еще отягощенная Кавказом. Лишь доказав, что не верблюд, человек с периферии с натугой, и то не всегда, воспринимается в Москве как равный. К какой культуре – не по этнической принадлежности, а по духовной – принадлежат в этом случае москвичи? К европейской или азиатской? А к какой культуре принадлежат те наши земляки, что переселились из сельской местности в город и стали через несколько лет махачкалинцами – уже конкретными. Как правило, это бывшая сельская молодежь – особенно та ее часть, что считает всех горожан слабаками и чуть ли не трусами, недостойными гордого звания «горец». Почему так считают? Объяснение простое: разговоры горожане ведут вежливо, негромко, в общественных местах не гогочут, не орут по поводу и без повода. Так к какой культуре принадлежит эта новая городская популяция – азиатской или европейской? Причем, заметьте, приезжая в родной район, аул, эти новые горожане возвращаются в изначальное состояние.

В любом разбирательстве начинать следует с терминологии: что понимать под тем или иным словом. Понятно, что и у европейца, и у азиата есть общепризнанные достоинства и недостатки. Ну, например.

Европеец, как правило, вежлив, обходителен, достаточно эрудирован, внутренне раскован, но его свобода кончается там, где начинается свобода другого. Он не орет на улице и не включает по ночам в машине или в квартире громкую музыку и не плюет на тротуар. Разнузданность части футбольных и иных фанатов в расчет не берем – без идиотов, как в Европе, так и в Азии, пока не обходятся. А к недостаткам можно отнести показную доброжелательность, которая на поверку порой лопается, как мыльный пузырь, холодную внутреннюю закрытость (мой дом – моя крепость), сквозящее в поведении, хотя и тщетно скрываемое, превосходство по отношению к чужакам. Впрочем, эту скрываемость можно отнести и к достоинствам.

Можно так считать, ибо демонстрация своего превосходства над чужаками из махрового азиата так и прет, что является его недостатком. А что же еще? Азиатская самоуверенность в своем превосходстве над иноземцами и иноверцами граничит часто с невежеством. И в то же время готовность довольствоваться малым граничит с рабской покорностью более сильному, богатому, успешному. Даже зависть, столь присущая азиатскому характеру, желание переплюнуть соседа или, по крайней мере, «быть не хуже других», не служит стимулом для избавления от этой покорности. Присовокупляется и мелкотравчатая хитрость, которая, переплавляясь в коварство, иногда заменяет собой ум. Зато достоинства... О, достоинства тоже велики. Готовность прийти на помощь, единение во имя общей цели, благожелательность в быту, трудолюбие, ответственность за семью, обеспеченная не документом, а чувством долга, присущи азиатскому

менталитету в полной мере.

Все мы знаем массу примеров, опровергающих все вышесказанное. Но примеры ничего не доказывают. Они – исключение из правила. Правилом же служит поведение миллионов людей. Их психологические установки «не высовываются» из миллионной массы, а посему считаются само собой разумеющимися, являются правилом.

Что, исходя из такой беглой, далеко не полной классификации, выходит? Чем характеризуются и объясняются взаимоотношения дагестанцев и москвичей, скажем, в столице? Возьмем их поведение за точку отсчета. Естественно, обсуждению могут подлежать только отдельные общеизвестные факты, которые хотя и не являются правилом, но тень их падает на каждого москвича в восприятии среднестатистического дагестанца, и на каждого дагестанца в восприятии среднестатистического москвича. В этой тени и рождаются определения типа «лица кавказской национальности», «чурка», «славянская склонность к иждивенчеству», «столичный снобизм», «российская надежда на «авось»» и т.п. Попробуем выйти из тени на свет, чтобы попытаться ответить: кто и в чем европеец, а кто азиат.

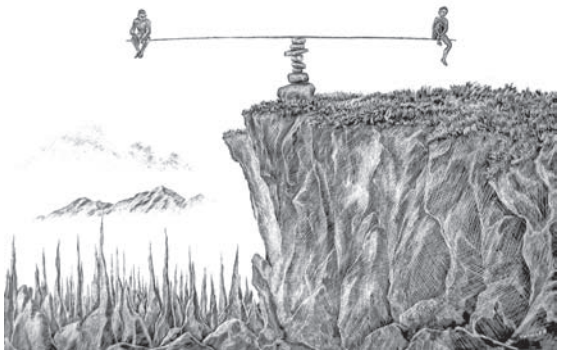
Только, пожалуйста, не надо искать в слове «азиат» признания априори в нем дикости, а в слове «европеец» – цивилизованности. Хотя исторически сложилось, что подобное распределение качеств имеет место быть, но сегодня общественный прогресс сильно поколебал чаши нравственных весов. Взгляните хотя бы на Японию. И еще одно уточнение. Те, кто осваивают новые земли, строят новые города, отправляются завоевывать столицы, первыми открывают свое дело, кто первыми наживают или добывают порой любыми способами свои миллионы, – это наиболее предприимчивые, рисковые, сильные духовно люди. И среди этих инициативных людей обязательно находятся, как правило, проходимцы всех мастей. В том числе и воры. Это естественно, так было, есть и будет, поскольку эта порода людей обладает всеми перечисленными качествами и, кроме того, игнорирует законы, что развязывает им руки. Поэтому не стоит удивляться и возмущаться, что на вершине материального благополучия оказался среди прочих именно этот пласт общества.

Помнится, гасконец д'Артаньян отправился завоевывать Париж своей шпагой. Наши земляки утверждаются в Москве кто чем. В необходимый набор человеческих качеств, требуемых для достижения цели, входят, наряду с умом, культурой, профессионализмом, нередко и кулаки. А то и что еще покруче. Это последнее достоинств человеку не прибавляет, напротив – уничтожает все остальные. И бросает тень на все землячество. Но задумаемся: почему она, эта тень, неизбежно падает на всех «лиц кавказской национальности»? Ответ до банальности прост: потому, что тем, кто видит всех этих «лиц» в тени, не достает культуры. Вы скажете: при чем тут культура? Просто человеку свойственен инстинкт самосохранения. Да, конечно: у страха глаза велики. Но человек должного уровня культуры не может безоговорочно причислять к преступникам любого другого человека, исходя из его внешности: цвета волос, разреза глаз, формы носа, овала лица и т.п. Не достает культуры и тем, кто считает себя выше горожан в силу своего горского происхождения. И не только. Не буду ломиться в открытую дверь, доказывая, что любой, кто мнит себя лучше остальных, в сущности, является дикарем. Пусть и в галстуке, и в «мерседесе» – в Москве, Махачкале, Лондоне или на улочке горного аула.

Знаю не понаслышке, что в советские времена на стоянке большегрузных автомобилей в Москве клиенты предпочитали нанимать для перевозки своих товаров дагестанских дальнобойщиков. Мотив был таков: слово держат, водкой его не меряют, трудолюбивы, профессиональны, не капризны, одним словом – порядочные, надежные люди. Надеюсь, представление о дагестанских водителях с тех пор не изменилось. Но общество состоит не только из перевозчиков и владельцев товара. На собственном опыте раньше не раз также убеждался, как высоко котировалась принадлежность к дагестанской культуре в кругу людей, в котором доводилось вращаться хоть кому-либо из дагестанцев. Без обиняков принимали и привечали и

москвичи и жители других российских городов незнакомого им прежде дагестанца только потому, что до него в их сознании отпечаталось с самой высокой пробой знакомство с другим его земляком. Но вот теперь из-за поведения отдельных наших «д'артаньянов», завоевывающих место под солнцем не умом и не шпагой на честной дуэли, а кулаками в подворотне, эта высокая планка дагестанского характера в представлении московского (читай – российского) общества заколебалась.

Причины известны. Не буду их перечислять – уже и в ушах звенит, и оскомину набило. Но одну, имеющую отношение к теме нашего разговора, назову. Это все тот же «пустячок» – недостаток культуры. Не образования, не эрудиции, не наличия хорошо подвешенного грамотного языка, а той неуловимой тонкой субстанции, что рождается и поселяется в душе человека благодаря воспитанию в семье, в школе, благодаря влиянию умных и порядочных людей. Такой культурой может не обладать академик, но может обладать чабан. У москвичей недостаток такой культуры ярче всего выражается в том, что негативные поступки всякого рода отморозков многие считают неизбежным следствием этнической принадлежности. Исходя из такого посыла, что тогда говорить о немцах, русских, англичанах, о любом народе, численность которого велика и преступников среди которого, разумеется, больше, чем среди дагестанцев. Наш же недостаток ярче всего выражается в негативном поведении в незнакомом обществе. К сожалению, не во всех семьях культивируется, видимо, уважение к чужой собственности, чужому достоинству, к свободе других. Получается – баш на баш. Но страдают из-за полуевропейцев и полуазиатов все: и нормальные европейцы и нормальные азиаты. Пожалуй, я бы ввел еще определение «нормальный полуевропеец и полуазиат». Подразумеваю под ним человека, который вобрал в себя лучшее из европейской и азиатской культуры и избавился от всего отжившего, архаичного, что, несомненно, присутствует и в той, и в другой. Впрочем, это словосочетание по содержанию хромает. Речь идет не о «полу-» того и другого, а о гармоничной, цельной личности, носителе лучших человеческих качеств, выработанных в процессе эволюции и европейской и азиатской культурами.



Сегодня мы уже наблюдаем их позитивное сочетание. Но и смешное, даже порой уродливое, тоже, без чего, пусть и временно, всякая трансформация никогда не обходится. В доказательство можно было бы привести невероятные прежде сочетания нравственных качеств такого «евроазиата» – как со знаком «плюс», так и со знаком «минус». Но подобная попытка заняла бы слишком много места, ввергнув в пучину весьма непростого психологического анализа и философских размышлений. Не будем влезать в эти дебри. Есть куда более простое и наглядное свидетельство – наша одежда.

То, как мы одеваемся, очень откровенно говорит о нашем характере, вкусах, жизненном кредо, даже о политических предпочтениях, если хотите. Не буду выстраивать параллели, доказывая. Задумайтесь на полминутки, прислушайтесь к возникающим у вас ассоциациям и убедитесь сами. Еще несколько десятилетий назад у мужчин в ходу были брюки-галифе, сапоги, рубашка из тонкой шерсти с высоким стоячим воротом вокруг шеи, с малюсенькими, связанными из шелковых ниток якобы пуговками. Она надевалась под черкеску и подпоясывалась ремнем. Но черкески уже не носят. Теперь атрибуты национальной одежды востребованы только на театральной и эстрадной сцене. Горожане одеваются на европейский манер, как и во многих азиатских странах. Это естественно, потому что практично: условия изменяющегося быта диктуют формат одежды. Но возникла вместе с этим удивительная униформа: пиджачная пара, галстук, штиблеты, а на голове… папаха. При всем уважении к папахе, как предмету особой мужской гордости, никак она не вяжется с галстуком и пиджаком. Папаха в ансамбле с дубленкой, полушубком, пусть и с теплым пальто – да. Но с галстуком! Действительно, полуевроазиатский «прикид». Разве он не говорит о характере, вкусах, жизненном кредо и даже о политических предпочтениях своего владельца? Еще как! Кричит даже.

Если это устраивает – пусть, я ничего не имею против. Но быть «полу…», на мой взгляд, некрасиво, безвкусно, чтобы не сказать большего. А быть азиатом на полную катушку – хорошо. Или европейцем. Или в полной мере сочетать в себе их качества и вкусы, но с чувством меры и правильно понимаемого собственного достоинства. Не стремиться выпячивать, к изумлению окружающих, свою то ли европейскую, то ли азиатскую принадлежность. Подобное некстати выпячивание вносит диссонанс в облик личности, вмиг теряющей привлекательность. Кстати, за рубежом в азиатских и в европейских странах люди тоже появляются в обществе в национальной одежде. Но подобной эклектики, как правило, не допускают. Или – или. Впрочем, у них нет позади такой истории, как у нас… Наверное, это все объясняет.

А посмотрим на женский наряд. В Дагестане, как известно, женщины никогда не закрывали лица. Сейчас, хотя и очень редко, но такое можно увидеть. В других мусульманских странах, где это было принято, идет процесс (хотя и с зигзагами) к тому, как было принято в Дагестане. А у нас он вроде наметился идти назад. Немало сегодня женщин у нас одевается традиционно по-мусульмански: открыты только лицо и кисти рук. Красиво и экзотично. Но сегодня немало можно увидеть и девушек с голыми полосками живота и чуть ли не до самой нижней границы спины. М-м-м… не сказал бы, что красиво у всех, но в глаза бросается, что, вероятно, и является целью. В общем, кому что нравится. Однако вот идет молодая женщина – платок обрамляет миловидное лицо, по традиции на ней длинное платье, которое сзади огромным разрезом оголяет ноги до колен или даже чуть выше. Чем вызван такой невообразимый «прикид»? Той же целью?

Невольно задаешься вопросом: является ли такое смешение европейских и азиатских предпочтений устойчивым веянием текущего дня или это явление временное? Говорит ли оно об искреннем стремлении людей к вроде утраченным прежним приоритетам,

или объясняется эффектом внезапно откупоренного сосуда, в котором эти приоритеты так долго содержались взаперти? Не знаю. Но думаю, что второе. А современные приоритеты, наверное, в том, чтобы прошлое помогало, а не мешало двигаться вперед.

Я не забыл о москвичах. О сравнении их с нами. О нашей общей или разной культуре. Не совсем правомерно, конечно, сличать поведение людей, живущих в столь разных по статусу городах. Как и личностные характеристики отдельных москвичей и махачкалинцев, каждый индивидуален. Но культура каждого измеряется в том числе и тем, какой мерой собственного достоинства диктуется его поведение в обществе. Увы, зло всегда громче добра. Десяток преступлений заслоняет тысячи благочестивых деяний. Ложка дегтя портит бочку меда. Такова природа человеческого сознания. Мы пожинаем его плоды.

Вернемся к Блоку. Помню, в школе учили, что Европа на востоке ограничивается Уралом, на юге европейской части страны – Куро-Манычской впадиной, которая по диагонали идет сверху вниз от Азовского моря до Каспия, отделяя от остальной части России Северный Кавказ. Считалось, что он уже в Азии, вместе с Закавказьем. Сегодня Северный Кавказ считается вроде бы Европой. Да и Закавказье тоже в нее стремится, вплоть до вступления в Европейский Союз. Однако если границы можно перемещать, названия переделывать, а в книжке, как сказал другой поэт, мало ли что можно намолоть, как быть с характерами, вкусами, традициями человеческого сообщества. Они если и меняются, то очень медленно, процесс этот зависит от многих условий. И история России поработала над населением страны так, что мало не покажется. Но вместе с минусами есть и плюсы. Самый главный среди них – сближение разных народов, взаимопроникновение их культур. Наряду с другими народами благотворное влияние этого процесса ощущают на себе и дагестанцы.

Так кто же мы теперь – благодаря плюсам и вопреки минусам? Я уже сказал – кто. Мы – самые-самые, мы – о-го-го! А если без шуток, то мы такие потому, что Россия – это Европа и Азия, а мы, дагестанцы, живем на границе – между Европой и Азией. Мы – пограничные люди. А на границе, как поется в известной песне, «тучи ходят хмуро». Следует это помнить.

В июле на первом телеканале в известной программе В. Познера «Времена» вновь обсуждался этот треклятый вопрос «Кто мы?». Разгорелся спор: европейцы мы или нет, а если да, то в какой степени, а если нет, то почему? И вообще, что понимать под культурой Запада и культурой России, идем ли мы к Европе, или у нас все же какой-то особый, хотя в принципе и европейский, статус? И что ждет нас дальше? И почему все так получается: и не Европа мы и не Азия? И даже мостом между этими культурами участники спора – ведущие, между прочим, политологи страны – не очень жаждали Россию считать. Дискуссия упиралась в поиски тому причин. Высказывались разные объяснения. А я сидел, слушал и без всякой скромности думал: меня бы туда за круглый стол пригласили – я бы вмиг объяснил, что к чему. И попробовали бы обличенные высокими должностями и званиями политологи со мной не согласиться. Себе бы им вышло дороже.

А аргументы у меня простые, но непробиваемые по своей убедительности, потому как исторически оправданы и доказаны. Они в том, что Россия (следовательно, и Дагестан в ее составе) на протяжении всей своей истории отставала от Европы в развитии культуры. Не в том дело, в какой руке держать вилку или нож за обеденным столом (хотя и в этом тоже), а в уровне общественного сознания. Политологи постоянно отвлекались на сопутствующие параметры этого развития: литературу, музыку и т.п. А ведь та же литература заметила, что разруха в стране начинается не с экономики, а с разрухи в головах. Состояние же людского сознания определяется мерой личной свободы человека. Российское общество (и даже элита в своем большинстве) пребывало в рабстве не только до отмены крепостного права, не только до столыпинских реформ, а до февраля 1917 года, тогда как Европа, а вслед за ней и Америка уже давно от него избавились. Но Россия в 17-м году не использовала представившийся ей шанс. Всего через несколько месяцев с приходом к власти большевиков страна была ввергнута в еще более неслыханное доселе по масштабам рабство. И только-только теперь начинает из него выкарабкиваться. Еще Чехов, классик мировой литературы, более ста лет назад призывал по капле выдавливать из себя раба. Что уж говорить сегодня, если с чеховских времен рабства у нас не уменьшилось, а преумножилось. И в этом первопричина всех наших бед.

Поэтому да: мы – азиаты. Но мы – смею это утверждать – уж и европейцы. Мы – уже не рабы процентов на … На сколько – не будем уточнять. Хотя во многом еще остаемся советскими людьми, в просторечии – совками. Вопрос в том, как, в какой пропорции в нас намешано – азиатского и европейского. Оптимально эта проблема решается лишь в семье и в школе. Но решается ли? Если судить по звериному реву на улицах, испускаемому школьниками после последнего звонка, или выпускниками после получения аттестатов зрелости, то вряд ли. Чем же тогда занимались родители 17 лет, воспитывая своих детей? Чем 10 лет в школе занимались педагоги? То бишь – взрослые, то бишь – мы, те, кто остается пока во многом совками? Возникает какой-то замкнутый круг!

Недавно прочел: французский историк Жак Ле Гофф утверждал, что условием всякого успешного развития являются два фактора – преемственность и перемены. При отсутствии преемственности нас ждет поражение. При отсутствии перемен – смерть на медленном огне. Поразился – какая верная мысль. И как поразительно точно ее иллюстрирует история нашей страны. Особенно новейшая. Советская власть отказалась от преемственности и потерпела поражение. А советское государство, отказавшись от диктуемых временем и мировым опытом перемен, стало медленно угасать, пока дело не завершилось новым общественным переустройством. Воистину, как сказал однажды наш академик Шамиль Гимбатович Алиев, реформы должны проводиться каждый день.

Поэтому, поскольку они, наконец, начаты, есть свет в конце туннеля. Эти заметки хочется завершить замечательными высказываниями двух классиков. Одно (не помню, правда, чье) звучит так: «Оптимизм – это аромат жизни». Прекрасно. А второе принадлежит человеку, сказавшему, что надо по капле выдавливать из себя раба. За прошедшие с тех пор более ста лет раб, повторюсь, еще больше угнездился в душах советских людей. Но тем актуальнее сегодня мысль Антона Павловича Чехова. Ну, а с тем, что жить лучше с ароматом, чем с дурно пахнущим «амбре», надеюсь, никто спорить не станет.

Иллюстрации к статье С. ТИХИЛОВА

Шалбуздаг: мой путь к Нему

Марьям ХАЛИМБЕКОВА

В поисках Бога люди подчас впадают в голый материализм, требуя от Него неоспоримые вещдоки в виде вполне осязаемых чудес. А за чудесами такие «полуверы» или «недоверы» устремляются в самые экзотические уголки, как это сделала, например, я, отправившись однажды на священную гору Шалбуздаг.

То, что вначале представлялось простой авантюрой, грозило превратиться в паломничество: я с подругой Зумруд попала в одну группу с настоящими исполнительницами мавлидов. Наше появление на остановке Карабудахкента, с которого отправлялся автобус на Шалбуздаг, вызвало настоящий переполох: городские жительницы, мы были упакованы по всем суровым канонам ислама. Путаясь в длинных платьях, беспощадно скрывавших наши формы, мы с подобающими случаю торжественностью и скромным достоинством приблизились к воззрившимся на нас старушкам. В свою очередь, мы отметили, что те были одеты не так истово неприступно: из-под их нарядов вопиюще кокетливо выглядывали ножки, облаченные в капрон, да и шеи просматривались из-под платков вполне явственно, в отличие наших, целомудренно обернутых в несколько слоев безразмерных гульмели, то и дело сползавших по самые брови.

Любопытство к нашим персонам было всеобщим и откровенным: нас испытующе прощупывало, как неведомых зверушек, несколько пар живых глаз, пока мы вразнобой бормотали заученные пожелания на арабском. Прождав на солнцепеке около часа, мы наконец погрузились в автобус, причем далекие от юности женщины проявили при этом редкую прыть, ловко атакуя посадочные места и торжествуя над своими менее скоростными ровесницами.

Произнеся традиционное «бисмилля», мы тронулись в путь с гордо развевавшимся на ветру зеленым флагом; заметно вдохновлял тот факт, что половину расходов взял на себя местный меценат. Только тут мне посчастливилось рассмотреть своих спутниц, – как на подбор, колоритных и внушительных, вооружившихся сумками пугающих размеров и расположенных к долгим житейским беседам.

Особенно выделялась запевала Мадина, с черным от загара, почти мужским лицом и звучным натренированным голосом. Все три с лишним часа пути он не смолкал, затягивая пронзительные дуа, смиренно признававшие беспомощность человека и всемогущество Аллаха. Была какая-то первозданная грусть в этом пении, подхваченном всем автобусом и разлетавшимся из окон встревоженной птичьей стаей. Женщины легко и привычно входили в религиозный экстаз, закрывали глаза, отбивая ритм тыльной стороной ладоней и медитативно раскачиваясь из стороны в сторону. Когда же отрывисто и почти агрессивно зазвучало монотонно-монолитное «ля иллаха илля ла», ранее нестройный хор обрел цельность и угрожающую силу: перед такой бескомпромиссностью должна была ретироваться любая нечисть.

За окном мелькали скудные дагестанские ландшафты, и не раз – надгробные камни, – молчаливые свидетельства бренности всего земного. Казалось, они провожали нас скорбными взглядами, отчего я поднимала ладони для их поминовения с невольным чувством вины всех живых перед всеми мертвыми.

Голоса без сопровождения инструментов были так же безутешно одиноки, как человек во вселенной, и невольно к сердцу подкрадывалась горечь. Чтобы перебить ее, я уставилась на характерный профиль с воинственно торчащим подбородком одной из бабушек: восхищал избыток жизненных сил, перенасыщавший каждый ее жест и слово. Впрочем, неистощимой энергетикой фонтанировали и все остальные попутчицы, что невыгодно оттеняло нашу городскую рафинированную вялость. Пока мы с подругой в изнеможении растекались по сидениям и старательно таращили не желавшие раскрываться глаза, старушки озорно шутили (умудряясь одновременно подпевать) и безостановочно болтали; боже! о чем же можно делиться почти четыре часа кряду тем, кто живет буквально бок о бок десятки лет?! Сия тайна велика есть…

На одной из остановок все неожиданно ринулись покупать арбузы и дыни; я ужаснулась, представляя этаких сизифов в платках, вкатывающих бахчевые глыбы на изумленные подобной дерзостью вершины. Причем простодушное желание лакомиться даже в походе под знаменем веры сочеталось у милых чревоугодниц с самой искренней набожностью, и я в очередной раз подивилась: «Аллах! Воистину Твой мир полон чудес!..»

После долгожданной остановки в чайхане, где хозяин любезно предоставил нам место для намаза и обеда, мы пересели в два тесных пазика, возраст и вид которых приводили в трепет. И тут наши машины не просто поехали – они лихо поскакали по ухабистым дорогам, как престарелые горные козлы, спотыкающиеся и дрыгающиеся на каждом шагу. Я чувствовала, как мои внутренности срываются со своих мест и круто замешиваются в какую-то безумную кашу, а голова,

словно резиновая дубинка, упруго бьется о потолок взбесившегося пазика. «И это пройдет», – вовремя вспомнила я Соломона, но когда услышала, что «это пройдет» только через два часа, совсем пала духом.

Что тут лукавить? Уже тогда я раскаялась в религиозном порыве, опрометчиво вырвавшем меня из домашнего райка в этот сотрясающийся до основания ад. Мне отчаянно хотелось выпрыгнуть на всем ходу, но останавливало знание, что я этого, конечно, никогда не сделаю. «Хочу домой, к маме!» – плаксиво кривились мои губы, но тут мой взгляд упал на бабулю, державшуюся за живот и причитавшую на ломаном русском: «Моя операция выходит, моя операция!» Вид чужих мук, столь комично выражаемых, вызвал во мне циничное успокоение: кому-то хуже, чем мне, – значит, все не так плохо.

А за пределами нашего дружно стонущего и охающего пазика выпирали из земли вздыбленными складками горы, расписанные дивными иероглифами теней; просторно расстилалось русло обмелевшей реки, изнеженно обнимавшей тела своих неласковых гигантских соседей; беззвучно и жарко дышало на все это сверху небо. Мы поднимались все выше и выше, вспарывая брюхо облакам и стараясь не глядеть на разверзавшуюся под нами пропасть; в своем духовном устремлении мы почти святотатствовали, приближаясь к Богу на непозволительно малое расстояние. Может, горы потому так царственно значительны и надменны, что с высоты все земное видится им уменьшенным и чуждым, а небесное – привычным и естественным? А люди, взбираясь на них, невольно заражаются этой манией величия, забывая, что они всего лишь пигмеи на плечах у великанов.

На подъеме одна из женщин купила барана для жертвоприношения. Связанное животное уложили прямо под моими ногами, и я с умилением городской жительницы приласкала его. Несчастный почувствовал во мне поддержку и всю оставшуюся дорогу жался к моим ногам, слюнявя их мокрой от плача, как мне показалось, мордой. Эх, брат! Тебе только кажется, что моя участь лучше: меня связывают иные, пусть и невидимые, путы, и судьба моя мне так же неведома, как и тебе, хотя и недобро предчувствуется. Связанная по рукам и ногам, я тоже силюсь подняться, и, падая, тоже ищу спасительные колени, к которым можно припасть. Жертвенным барашком ведет меня по жизни чья-то неумолимая рука, и в какой час она занесет надо мной нож, и во имя чего меня принесут на алтарь, я счастливо не знаю.

За такими философскими изысканиями меня застало прибытие на зиярат – место захоронения шейха Сулеймана. Это сооружение, похожее на склеп, окруженный забором из камня, на котором люди оставляют кусочки ткани с загаданными желаниями. Сколько же здесь чьих-то затаенных мечтаний, трагедий, надежд, тесно переплетающихся между собой концами банальных тряпочек, – пестро-матерчатый прообраз всего нашего мира, где жизненная нить одного неизменно вторгается в узор другого. И, главное, эта наивная, неистребимая людская вера в чудо как воздание за страдания, – как в сказке, где законы жанра требуют только радостного финала.

Войдя внутрь, мы расселись вокруг могилы шейха, и упомянутая Мадина обратилась к Аллаху с коллективной мольбой. Это был мощный, вольно льющийся речитатив, надрывно призывавший божью милость ко всем заблудшим душам. Даже не понимая половины слов на кумыкском, я зачарованно вслушивалась в непритязательные речи, дерзавшие пробить бюрократически непроницаемую небесную твердь напоминанием о незавидной человеческой юдоли.

Как-то неловко было в эти возвышенные мгновения обращаться к Аллаху с конкретными просьбами, которые сейчас казались ничтожно мелочными. Думалось о самом важном: о потребности в чистой, задушевной вере, которую мы извратили холодными умозаключениями, и, конечно, о здоровье и благополучии родных. Внутри меня впервые за весь день натянулась какая-то тоненькая струнка, готовая вот-вот звонко лопнуть, особенно при виде других женщин, тихо плакавших в унисон воззваниям. Да, у каждого своя боль, и каждый несет ее по-своему: кто разделяет эту ношу с Богом, а кто прогибается под ее тяжестью, один.

Мадина просила от имени всех и конкретно от каждого, как, например, от «Зумруд, дочери Абдулвагаба», сидевшей по правую руку от нее. В момент, когда я уже была близка к религиозному экстазу, Зумруд что-то шепнула Мадине, и та с новой силой возобновила дуа уже от моего имени: «Марьям, дочери Сайпутдина». Услышав знакомое сочетание звуков, гулко раздавшееся под каменным сводом, я вздрогнула: даже в очереди просителей в небесную канцелярию можно, оказывается, продвинуться вперед по знакомству, – о, этот вечный дагестанский блат! «Очередь» переполошилась и покосилась на нахальную «дочь Сайпутдина», начав торопливо напоминать запевале свои имена так, что та даже осерчала.

Наконец, паломницы погрузились в свои думы с поднятыми в мольбе ладонями. Кто-то благоговейно гладил зеленое покрывало на надгробном камне, кто-то целовал его, шепча молитвы, а потом все приехавшие украсили его головными платками. После намаза все отправились в тройной обход вокруг зиярата, во время которого следовало втискивать между кирпичами здания поднятые с земли камушки: так мы прокладывали себе путь к святому, чтобы в день Страшного Суда найти в его лице заступника. Потом мы запихивали деньги в специальную коробку, на которой лежала палочка для проталкивания в переполненную емкость купюр; интересно, что же такое пожертвования – желание помочь ближнему или больше стремление искупить свои грехи? Скорее, истина, как всегда, где-то посередине.

Под вечер наиболее мобильная часть нашей группы отправилась в гостиницу, оставив зиярат, окруженный розовыми скалами и заходящим солнцем, далеко внизу. Подъем был довольно крут и скользок, так что у меня не впервые шевельнулось сомнение в разумности предстоящей альпинистской авантюры. Настроение было подмочено окончательно, когда я увидела местный отель: это были две огромные комнаты – мужская и женская половины, где из мебели были только опорные столбы, а на полу валялись подушки и матрацы сомнительной чистоты, на которых копошились такой же сомнительной чистоты путешественники. Кроме того, с наступлением темноты установился настоящий мороз, и мы, укутавшись во все подручные средства, приготовились ко сну.

В ночлежку то и дело кто-то входил, выходил, беспардонно болтал, энергично наступал на ноги лежащих. Мне не спалось, к тому же не давали покоя еретические думы: неужели необходимо карабкаться на такую высоту, чтоб кричать с нее о своих желаниях, будто Он глуховат и не слышит молитв с земли? Неужели паломниками должно двигать стремление к исполнению своих запросов, а не бескорыстная жажда духовного очищения? Неужели Он постоянно должен доказывать свое наличие публике чудесами, наподобие заезжего фокусника? Неужели все загаданное должно сбыться, чтобы верующий не разуверился, и что же это за вера такая, если неисполненного желания для этого может быть достаточно? Неужели физические неудобства, связанные с подъемом в горы, ценятся Им больше, чем нравственные лишения, пусть и переносимые в условиях бытового комфорта? Неужели преданность Ему нужно доказывать раз в год и определенное количество раз за всю жизнь, а не всю жизнь? Неужели, в конце концов, Ему все это нужно?

В то же время я понимала, что невольно ищу оправдания своему скепсису и пессимизму. Мне было жаль себя, избалованной «квартирным вопросом», кинутой сюда, в груду чужих тел, на ледяных поднебесных широтах, с которых не было ходу назад. Я уже оплакивала свою преждевременную кончину и жалела родственников, которым пришлось бы везти мои останки по непроходимым дорогам назад, в родную Махачкалу. Обливаясь слезами, я задремала, а наутро проснулась простуженная и окончательно деморализованная: вот он, последний день моей короткой жизни (впрочем, выдающимся особам не полагается жить долго).

Наша экспедиция тронулась в путь в половине шестого. Мои онемевшие от неудобной ночной позы плечи оттягивал рюкзак, дрожащие колени подгибались, и я с тоской оглядывалась на оставленный позади лагерь. Моим товарищам по несчастью было не легче: казалось, у всех обострились застарелые болячки.

В какой-то миг я почувствовала, что мои ноги в скользких кедах разъезжаются – один раз, другой, – и меня охватила паника. Обострившееся от ужаса воображение предательски рисовало картину – разбившееся о камни тело, и столь страшная любой женщине возможность неэстетично выглядеть даже после смерти укрепила меня в решении свернуть роковую затею. Сознание тем временем с судорожной угодливостью подсовывало мне оправдания: в конце концов, мужество – предназначение мужчин, а не женственных женщин, и я не так грешна, – наверное! – чтобы доказывать обратное цирковыми трюками на скалах, причем без страховки. К тому же следует сохранить свои бесценные мозги для человечества, а не разбрасываться ими в прямом смысле. Могучий животный инстинкт самосохранения нанес сокрушительное поражение всем моим утонченным духовным притязаниям, и мне не оставалось ничего другого, как расписаться в собственном бессилии. Так, не пройдя и километра, я объявила, что иду вспять, стараясь не замечать пре-

зрительно жалостливых взглядов своих попутчиков, очевидно, не наделенных столь живым воображением, как я.

Назад я не шла, а просто парила на крыльях счастья, словно мне только что удалось спасти свою недурственную шкурку. Остальные самоубийцы из лагеря поднимались в гору, а я одна двигалась против течения, почти с гордостью чувствуя свою исключительность (о том, какого же характера эта исключительность, как-то не хотелось думать). Вскоре я лежала в полной безопасности в ненавистном бараке среди нескольких старушек, и организм, благодарный мне за подаренное спасение, охотно мне подыграл, запылав горячечным жаром простуды. Я погрузилась в сон под уже просыпавшиеся муки раскаяния.

Пробуждение было отвратительным: плоти уже ничто не угрожало, и моя пристыженная душа стала роптать все громче и громче. Я нетерпеливо ждала возвращения своих друзей, тайно надеясь, что оно будет преждевременным, как и мое, или же полным разочарований. Но проходил час за часом, и никто не появлялся.

Тем временем в комнате шла неспешная беседа: мать с грудным ребенком рассказывала, что привезла его сюда в надежде вымолить исцеление, потому что он не видит и не слышит и не держит до сих пор

спинку. Вообще, как я заметила, было много паломников с больными детьми и женщин, которые никак не могли забеременеть; родительская любовь – главная движущая сила, готовая свернуть любые горы.

Молодая мать плакала, а бабка стала горячо ее убеждать, что все исправимо, что все в руках Аллаха. Она стала читать дуа на арабском, и все присутствовавшие, совершенно чужие друг другу люди, молитвенно подняли ладони за больное дитя и за ту, которой так нужно было терпение и смирение перед лицом испытания. Потом забрел какой-то дервиш со сведенными судорогой руками и ногами и, присев возле ребенка, стал шептать что-то утешительное, и женщина опять прослезилась от благодарности. Так, один убогий просил за другого, утешая при этом человека здорового, но отчаявшегося; в одну гору складывались камушки разных судеб, и нельзя было вытащить ни один из них, чтобы не рассыпалось все это хрупкое здание; и гора эта все росла и росла вширь и ввысь.

Около трех часов полудня с Шалбуздага наконец вернулись свидетели моего малодушия. Увидев красное от священного загара лицо своей подруги Зумруд, я по-настоящему растрогалась. Захлебываясь от восторга и в полном упоении от совершенного подвига, она начала возбужденно рассказывать:

– Сначала мне было очень плохо, особенно, когда ты повернула назад, но после все как рукой сняло. Мы взбирались все выше, подъем становился все круче, а озера Зам-Зам не было видно. Только часа через четыре мы добрались до него и бросились пить его обжигающе холодную воду, набирать ее в бутылки. Озеро это покрыто льдом, а монетки, брошенные туда, не просто идут на дно, а медленно погружаются, кружась вокруг своей оси, – чудо! Потом был проход сквозь скалы «грехомер», где, как говорят, даже самый толстый, но добродетельный человек проберется без труда, а самый дистрофичный грешник может застрять намертво. Были узкие расщелины, по которым ползли на животе; гладкие, будто лакированные, скалы, на которых не за что было зацепиться, – вытягивала какая-то неведомая сила; были совершенно отвесные подъемы, которые мы одолевали Бог знает как, да и попадавшиеся на пути люди сразу спешили на помощь, обращаясь друг к другу не иначе, как «брат» и «сестра», – удивительное чувство взаимной выручки и единства! Были среди путников и старики, и увечные, и с детьми на руках, и даже женщины, явно на последних месяцах беременности. Стыдно было на их глазах показывать свою слабость, и мы нарочито храбрились, спешили вперед.

В одном месте мы легли на бок на землю и стали обкладывать себя камнями, сооружая импровизированные могилы, чтобы в день Страшного Суда оказаться рядом с шейхами. Камни были большей частью красные, словно обагренные кровью, а соседние вершины, казавшиеся снизу такими недоступными, – нежно розовые и на расстоянии вытянутой руки. Больше всего впечатлили пиры (маленькие часовни из гладкого булыжника в честь шейхов), где, совершив намаз, мы плакали, прося Аллаха не за себя, – за своих детей, родных. Я и за тебя просила и за всех подруг: мне кажется, молитва за другого гораздо сильнее обычной. Спускались довольно быстро, и, чем ниже, тем сильнее одолевала та же головная боль, что и раньше: говорят, у подножия состояние у всех ухудшается, а наверху все бесследно проходит.

Как странно, такие опасные места, а случаев падения, насколько я знаю, здесь не было: действительно, сам Бог на руках выносит. И это чувство удовлетворения, словно всю душу родниковой водой омыло, – ах, Марьяша, я опять хочу туда!

Зумруд мечтательно закатила глаза, не замечая, в какое катастрофическое состояние погрузила меня…

После того, как все садагъа в виде конфет, печенья и баранины, разделанной тут же, были розданы, вся наша группа отправилась назад. Все шумно выражали мне свое сочувствие, смачно на меня плевали, чтоб избавить от сглаза, а я не могла поднять глаз. Потом была все та же душегубка в пазике, во время которой меня мутило то ли от температуры, то ли от самой себя, и пересадка в автобус, где моя пошатнувшаяся было любовь к себе потихоньку начала возрождаться даже с новой силой, – как говорится, вопреки, а не благодаря. В конце концов, мир не рухнул, и впереди у меня еще много возможностей восстановить свое честное имя, а Бог больше любит покаявшихся грешников, чем безупречных подвижников: ни разу не упавший никогда не оценит высоты. И я воспряла.

Прощание с бабушками было сердечным, с легким налетом зависти к их ничем не замутненной вере: вот ведь, для одних вера – данность, а другие строят ее здание сами десятки лет и могут умереть в самый разгар работ с камнем в руках – так и не достроив до конца.

Дома меня ждали ехидные комментарии брата, типа «главное, не взобраться на горы, а вернуться с них», еще более оскорбительное сожаление родителей с их робким «как же так, родная?..» и расспросы знакомых, на которые я вновь и вновь отвечала заранее заготовленными речами. Что ж, я не мученик веры, и на моей могиле, наверняка, никогда не будет зиярата, но Аллах слишком велик, чтобы мстить мне за проявленную слабость.

Существует странная математика, согласно которой три восхождения на Шалбуздаг, считающихся малыми хаджами, приравниваются одному полноценному хаджу в Мекку; я же сделала по направлению к Нему всего лишь шажок, но для меня это стало личным хаджем, не сопоставимым ни с какими другими величинами.

И чья тут вина, что каждый ищет свою горную тропинку в Небо, и одного она сразу ведет наверх, а у другого долго и замысловато петляет, медленно-медленно набирая высоту?

ВОЗДАТЬ ХУДОЖНИКУ

Хайбулла АБДУЛГАПУРОВ

«Дело не в том, чтобы научиться рисовать, а в том, чтобы научиться мыслить».

Стендаль

Думаю о творчестве талантливого и разносторонне одаренного художника. Он участник республиканских, зональных и всероссийских выставок. Его произведения хранятся в Дагестанском музее изобразительных искусств, в Новосибирской картинной галерее, а также в Германии, Австрии, Израиле, США, Англии, Турции, ОАЭ, Болгарии, Польше… Одно из них – «Мать имама» – висит в моем кабинете…

Начиная с 1987 года, когда он впервые участвовал в выставке «Юг России» в Ростове-на-Дону, и кончая в 2004-м году выставкой «Дорога в Согратль» в Махачкале, у него прошло 19 выставок. Двадцатая состоялась в позапрошлом году в Москве. Почитатели его таланта помнят, какие высокие оценки его картинам на этих выставках в Махачкале, Ставрополе, Ростове-на-Дону, Новосибирске и Москве дали посетители и искусствоведы. Но Саид Тихилов, будучи истинным художником, не удовлетворен собой, он постоянно в поиске, все время старается идти все дальше и дальше… Поэтому я убежден, что в будущем он создаст еще много зрелых художественных полотен.

А пока ему сорок четыре года, и он мастер, профессионал. Он творит на своем языке. В чем ему помогают такие свойства характера, как целенаправленность, самодисциплина, умение не бояться трудностей, богатый опыт и знания, приобретенные ценою бесконечных поисков.

Для Тихилова характерна органическая взаимосвязь изобразительного языка рисунка, живописи с разнообразными техническими приемами, пристальным изучением окружающей действительности. Он постоянно путешествует, нет такого региона в Дагестане, который бы он воочию не изучал бы. Он старается все увиденное прочувствовать так, чтобы взволновалось сердце, озаботился ум. Ему близки слова поэта Гете, сказавшего: «Нет ничего ужаснее силы воображения без вкуса» и слова великого художника Ф. Гойя: «Фантазия, лишенная разума, производит чудовищ».

Он творит, соотносясь со своим временем, используя свои технические приемы. Дагестанские селения в изображении Тихилова – это желтый и голубой цвет, это небо и солнце. Домики не лепятся к скалам, а скорее парят в воздухе. Вся его живопись – это балансирование на грани между реализмом и абстракцией. Все самое талантливое, как известно, рождается именно на грани между прошлым и будущим. Картины на его выставках полны философских, лирических, грустных откровений. Порой – страшных. Упрощенные, на первый взгляд, до минимума и в цвете, и в композиции, и в сюжете, его работы, особенно графика, хранят заложенное мироощущение их создателя. Иногда его мрачноватый смысл навевает печальные мысли о бренности земного существования…

«Все художники, – писал Л. Мартынов – похожи друг на друга тем, что ни на кого не похожи, кроме как на самих себя. В том, что каждый по-своему ломал каноны, создавая новое, неповторимое, – вот в чем сходство больших художников». Он же (Л. Мартынов) говорил, что повторение – мать учения, но смертельный враг творчества. А О. Роден говорил: «Истинный художник выражает то, что думает, не страшась столкнуться с вековыми предрассудками».

В картинах «Мир», «Облака», «Один», «Стена», «Молитва», «Спина» и других ощущается некая отстраненность, какая-то тревога и щемящая боль какого-то человеческого страдания. В них особая философия мироздания, поэтическое чувство абстрактности всего окружающего. Чувствуется добрая и чистосердечная сила ассоциативного мышления творца. Обида одиночества! «Почему произведения античных художников так величавы? – спрашивает себя Д. Дидро. – Потому, что эти художники посещали философские школы».

Картины Тихилова увлекают, пробуждают в нас новые чувства и мысли, мы понимаем, что художник мудро заметил что-то ценное и величавое. Мелкотравчатых тем в его творчестве нет.

Саид Тихилов окончил художественное отделение Избербашского педагогического училища, а затем художественно-графический факультет ДГПУ. Да, это не столичные академии и иной «ценитель» может вдруг сказать: провинция… Но разве истинный художник может быть тем, кого обычно понимают под провинциалом? Автор, если он действительно художник, не имеет в своем творчестве признаков того, где он живет, где учился. Замечательный кинорежиссер С.В. Герасимов говорил, что настоящее искусство приходит только к глубокомыслящему художнику. Делакруа утверждал, что написать картину, довести ее от наброска до законченного произведения – это одновременно и наука и искусство.

Тихилов хорошо знает, что постижение грамоты изобразительного искусства неразрывно связано с исследовательской деятельностью. Он сразу понял, что основу подлинного произведения должна составлять идея, выраженная гармонией содержания и изобразительно-выразительных средств. Вот почему так важно постоянно развивать логическое, научное, образное и

творческое мышление. Ныне в Дагестане появилось направление изобразительного, с позволения сказать, искусства, приверженцы которого руководствуются одними им понятными идеями, а на мой взгляд, вообще их не имеют, а преследуют цели, к искусству отношения не имеющие. Тихилов же – художник высокой идейной убежденности. Для него без мысли нет и чувства. Его искусство художественными образами выражает идеи, помыслы, стремления – все, что волнует художника, чем ему хочется поделиться с другими. Он помогает нам осмысливать явления жизни.

Вот что пишет о Тихилове его коллега, прекрасный художник Юрий Августович в статье «Полдневные пейзажи Саида Тихилова» к каталогу персональной выставки 1997 года: «Саид Тихилов защищен от дурных напастей безвкусицы и «сюри», ставших общим местом мышления дилетантов и графоманов. Что сохраняет Саида от дурного вкуса? Мне думается, культура восприятия, воспитанная с детства в общении с природой и людьми, близкими к ней. Впрочем, эта культура – еще и защищает его от одиночества».

В полотнах Тихилова нет, как говорят, шикарных пейзажей. Он во всем лаконичен, линии его ясны, формы не перегружены излишними подробностями, краски обобщены, во всем чувствуется мужественная простота, и даже эпичность. Его не интересуют предметы второстепенные, малозначительные. Он любит природу и людей, он умеет смотреть на мир широко, масштабно, смело отображать его почти символами.

Художник разносторонне талантлив. Он и график. Работая ответственным секретарем и художественным редактором молодежной газеты, создал много графических работ. Вооружившись загадочным псевдонимом «Т. Сано», он периодически устраивал веселые разборки с читателями на страницах дагестанской прессы. И в результате стал автором сатирического альманаха карикатур «Хохмовые разборки».

«Графика дисциплинирует, – считает Саид Тихилов, – это взрыв эмоций, он определяет творчество, и у каждого художника свое ощущение цвета. Мой любимый цвет – красный, это цвет жизни, возрождения. Хотя сейчас он ассоциируется с чем-то тяжелым, часто с кровью. Черный цвет – пятно, дыра. Коричневый – слабый, расплывчатый. Зеленый – однобокий. Синий – скучный. В своих работах я стараюсь использовать как можно больше красного, своего любимого…»

Известно, что истинный художник гораздо глубже остальных воспринимает все виды искусства, в том числе, и литературу. Вот признание великого Т.Г. Шевченко, который говорил: «Странное, однако же, это всемогущее призвание. Я хорошо знал, что живопись – моя будущая профессия, мой насущный хлеб. И вместо того, чтобы изучить ее глубокие таинства, и еще под руководством такого учителя, каков был бессмертный Брюллов, я сочинял стихи, за которые мне никто ни гроша не заплатил и которые, наконец, лишили меня свободы и которые, несмотря на всемогущее бесчеловечное запрещение, я все-таки втихомолку кропаю…».

А Саид Тихилов, судя по выпущенной им книге «Притчи, эссе, стихи в прозе, рассказы», мог бы стать вполне профессиональным писателем. На презентации этой книги участники церемонии говорили, что это сборник талантливого, литературно одаренного автора. Вошедшие в книгу произведения отличаются лаконичностью, яркостью красок, метафоричностью языка, своеобразием творческого стиля. Под пером автора обыденное приобретает новое значение и этим завораживает читателя… Вот как он пишет в эссе «Родина».

«Что моя родина? Эта комната, этот дом. Эта женщина… Вот эта дверь. Вот она открылась. Это солнце, этот столб, эта улица. Вот те дворы, соседи, эта кошка. Вот тот родник у дерева, эти люди. Село… Эти тропинки, эти аулы и скалы, мосты и реки. И дальше: эти горы, равнины, море. Эти пути поездов и самолетов. Это суша, вода. Птицы и рыбы, ветер и дождь… Так что моя Родина? Где она кончается? Я не знаю. Я знаю только, что моя Родина – эта комната, моя женщина, моя дверь, которая открылась. Вот этот столб, соседи… птицы… звезды». Так он пишет. А я знаю, что его родное селение Согратль, хотя детство он провел в Махачкале, здесь у него прекрасная жена Марьям, трое дочерей… Он безумно любит свой Дагестан, свои горы, долины, и он искренний интернационалист во всем.

Таков Тихилов. Значительный художник. И невозможно представить художественную жизнь республики без его творчества. Есть у него любимый композитор – Бетховен, любимый скульптор – Алигаджи Сайгидов, любимые певцы – Даку и Синдиков. Любит он самозабвенно свой Согратль, свой район – Гунибский. Вот что пишет о нем Джамиля Дагирова:

«Тихилов Саид – патриот и подлинный художник. Родившись в городе, он знает запах и цвет горского солнца… Его пейзажи феноменальны достоверностью формы, правдивостью красок, глубиной содержания, эстетикой авторского стиля».

Саид Тихилов совершенно лишен тщеславия. Но я знаю, он страдает, что не достиг еще высоты, которая ему под силу. И он продолжает учиться. А еще он задумал написать пособие для преподавания в школе изобразительного искусства. «Формирование личности школьника, – говорит он, – осуществляется различными средствами, в том числе и средствами изобразительного искусства. Успех может быть обеспечен, когда учащиеся подготовлены к его восприятию».

Мы любим искусство за то, что оно открывает прекрасное в окружающей нас действительности, и тем делает человека богаче, его жизнь интереснее. Произведения Тихилова наполнены поэтическим чувством, мастерством, которым Саид выражает себя. Чтобы воздать должное художнику за его талант и труд, превращающие прекрасный замысел в цельное прекрасное произведение, я и взялся за перо. Чтобы передать читателю свое восприятие.

“УЧИТЕЛЬНИЦА РУССКАЯ МОЯ...”

Магомед ГАЗАЛИЕВ,
заслуженный учитель РД

Большой вклад в образование в нашем горном крае внесли русские учителя, приехавшие в Дагестан в 40–60-е годы. Нелегкий труд этих педагогов, их романтическая преданность делу, самоотверженность и целеустремленность достойны всенародной благодарности, и даже требуют глубокого изучения.

Все чаще встает вопрос о роли и месте русской интеллигенции, в частности, учителей, в истории Дагестана. Особенно остро он обозначился в последние годы на фоне массового оттока русскоязычного населения из республики, ведь многие из тех, кто когда-то приехал сюда по «зову сердца и долга», связали свои судьбы с Дагестаном. Горько осознавать, что мы не смогли предотвратить их отъезд, не поддержали в трудную минуту добрым словом и делом.

Александра Ивановна Троицкая (Нуждова) работала в школе в Андыхе в 1950-52 годах

Вот уже много лет юные ТОКСовцы нашей школы собирают материал о русских учителях, тех, кто в числе первых приехал в республику и внес свою лепту в обучение и воспитание не одного поколения жителей села. Эта работа заметно оживилась в преддверии 80-летия школы, наши педагоги совместно с учениками и их родителями готовятся торжественно отметить юбилей. Мы разослали в разные уголки республики и страны письма от имени администрации Андыхской средней школы Шамильского района, адресованные бывшим учителям школы с просьбой поделиться информацией о своей работе в 40-50-60-е годы.

Многие из наших адресатов с готовностью откликнулись на наш призыв, прислав письма с воспоминаниями и пожеланиями вместе отпраздновать юбилей. К примеру, Емельянова Альбина Георгиевна, преподававшая в начале 60-х годов в Андыхе химию и биологию, не ограничилась словами, взяла да и приехала к нам в гости из далекого Калининграда. Ее приезд очень обрадовал андыхцев, особенно коллектив школы, при встрече с которым Альбина Георгиевна восхищалась переменами, произошедшими в жизни сельчан. А те, в свою очередь, горячо благодарили её за все, что она сделала для них.

Со дня открытия школы в 1927 году в Андыхе работали 18 русских учителей. Большинство из них были совсем юными девушками – выпускницами педагогических учебных заведений России. Тогда республика остро нуждалась в квалифицированных кадрах. Русские девушки и парни совершали у нас в горах свой маленький подвиг, преодолевая многие трудности: непонимание языка, местной культуры и обычаев незнакомых людей. Свободное время они проводили за книгами, привезенными из России, испытывая радость от того, что дети учились, хотя с трудом, но с большой охотой. Вот что пишет Александра Ивановна Троицкая, работавшая у нас учительницей математики:

«… Семь лет моей работы в Дагестане прошли не зря. Увидев Рамазана Абдулатипова в правительстве страны и в Думе, я подумала, что и его обучали когда-то русские учителя. А теперь дагестанцы стали на самостоятельные ноги, обходятся своими кадрами. Это замечательно...»

Русские учителя работали самоотверженно, не

считаясь ни со временем, ни со своим здоровьем. В том же письма Александра Ивановна пишет: «... Мы трудились, считая это своим долгом. Мысленно возвращаясь в то время, думаю, что мы (русские учителя) могли бы сделать больше и лучше, если бы работали не сразу после окончания института, а имея опыт. Зато у нас был задор, энергия, молодость и работали мы самозабвенно».

Сельчане с благодарностью отзываются о русской учительнице со Ставрополья, работавшей в Андыхе в тридцатые годы, имя которой, к большому сожалению, сегодня неизвестно. В конце тридцатых и в начале 40-х годов в нашей школе работала Полина Матвеева, учительница русского языка и литературы. В трудное время она, помимо обучения горских ребятишек, выполняла и работу, которая легла на плечи горянок в отсутствии мужчин, помогала ухаживать за скотиной, собирать урожай, посылать фронтовикам посылки с продуктами. У детей не было тетрадей, ручек, учебников. В те годы правление колхоза из скудных запасов выделяло продукты для детей-сирот. Об этом заботилась русская учительница.

Закончилась война. Многие преподаватели-мужчины не вернулись с фронта. Им на смену пришли другие педагоги, приехавшие из различных уголков России: Махно Раиса и Дубовик Раиса, Анна Кравченко (Воронеж), Троицкая (Нуждова), Прохоренко Александр – математик из Брянска, Киричкова Светлана и Великороднова Мария – учителя русского языка и начальных классов из Саратова, Лысенко Ольга из Рязани, Кунцевич Лариса из Белоруссии (преподавала русский язык и литературу), Синица Вера Ивановна – филолог из Брянской области, Устенко Валентина Павловна – учительница начальных классов с Белгородщины.

Почти все они не ограничивались обязанностями педагогов: создавали кружки, проводили беседы на профилактические и политические темы, помогали в оформлении школы и села к праздникам и т.д. Примечательно, что многие из приезжих учителей овладели аварским языком, став со временем полноправными жителями села, усвоив не только язык, но и обычаи горцев.

Об этом пишет в своем письме Нуждова А. И.: «...Разговорный язык усвоила, стала понимать, что говорят, и сама, хоть и плохо, но смело стала говорить ...Осень – пора свадеб. Вот и я в первый раз после приезда была приглашена на свадьбу... Потом ходила на «гвай», где лущили кукурузу осенним лунным вечером, вместе с горянками собирала урожай в поле ...»

В конце 50-х годов в Андых прибыла новая группа русских учителей: Стригина Антонина Ивановна из Прохладного, Короткова Татьяна и Емельянова Альбина из Смоленска… Новое поколение педагогов обладало глубокими знаниями, профессиональным мышлением, большим творческим потенциалом. Способность понимать каждого ученика, разбираться в особенностях его характера умение выявлять его интересы были характерны для этих учителей. Они энергично взялись не только за обучение и воспитание детей, создали вечерние курсы по изучению русского языка, после уроков готовили девушек-горянок для поступления в вузы и техникумы, ставили спектакли, выпускали стенгазеты.

Вот что рассказывает одна из первых сельчанок, поехавшая для поступления в медтехникум, Абусова Патимат: «Антонина Ивановна в течение четырех месяцев терпеливо и настойчиво учила меня русскому языку, после занятий диктовала длинные тексты и тут же проверяла, радовалась моим успехам и этим окрыляла меня. Я в вечном долгу перед ней».

Благодаря такой работе в первый же год по окончании восьмилетки в медтехникум поступили сразу две выпускницы нашей школы – Абусова Патимат и Гаджимагомедова Патимат. А в следующем году уже 6 девушек поступили в педагогические училища. Сегодня большинство из них работают учителями в родной школе и школах района. Назову их имена: Аминова Патимат, Магомедова Муслимат, Малаева Чакар. Они продолжают традиции своих учителей, обучая новое поколение горцев «разумному, доброму, вечному».

Многолетняя безупречная работа русских учителей, приехавших в Дагестан в далекие 40-50-60-е годы прошлого века, дала свои плоды. Ныне их ученики трудятся во всех отраслях народного хозяйства, науки, культуры, достойно продолжая традиции бескорыстия, преданности долгу, просветительства своих учителей.

Думаю, что в каждом Управлении образования каждого района необходимо создать «Уголки Памяти» с именами русских учителей, работавших в наших селах. И как замечательно, что в Махачкале построен мемориальный комплекс, посвященный русской интеллигенции, внесшей большой вклад в развитие экономики и культуры Дагестана.

В ноябре этого года исполняется 110 лет со дня рождения выдающегося советского полководца маршала Советского Союза Г.К. Жукова. Он, почти как генералиссимус А.В. Суворов, не терпел поражений. Правда, не так берег солдат, как его великий предшественник. Новые штрихи к портрету прославленного военачальника предлагает вниманию читателя дагестанский журналист.

СВИДЕТЕЛЬСТВО ЗАМЕСТИТЕЛЯ МАРШАЛА

Джонрид АХМЕДОВ

Летом 1975 года по приглашению первого секретаря Дагестанского обкома КПСС Магомед-Салама Ильясовича Умаханова в Дагестане гостил генерал-лейтенант, доктор исторических наук, бывший заместитель маршала Г.К. Жукова Николай Александрович Антипенко с супругой Еленой Дмитриевной.

По поручению М.-С.И. Умаханова я сопровождал чету в поездке по Дагестану, побывал с ними в разных уголках нашей республики, два дня отдыхали в Верхнем Гунибе, побывали они в гостях у Расула Гамзатова и выступили по махачкалинскому телевидению. В Гунибе Н.А. Антипенко был удостоен звания «Почетный гражданин Гуниба», чем очень гордился.

Можно рассказать много интересного о пребывании Николая Александровича и его супруги в нашей республике. Но мне кажется, что самое главное – это то, что рассказывал он о годах Великой Отечественной войны, о маршале Жукове. Предлагаю читателям полную запись этого его рассказа.

«Сначала я был заместителем по тылу командующего 1-м Белорусским фронтом Рокоссовского. Это был очень интеллигентный человек, никогда не повышал тона на подчиненных. Мы, все его заместители, были влюблены в него за его тактичность, знание дела, высокую культуру. Его очень любили женщины – таким статным, красивым был он.

И вот однажды узнаем, что командующего фронтом меняют. На место Рокоссовского прибывает Жуков. Мы до этого были немало наслышаны о твердом, жестком характере Жукова; естественно, услышав весть, собрали свои чемоданы, чтобы поехать туда, куда Рокоссовский собирается держать путь. Но… Приехал Жуков, огляделся, почувствовал наше настроение и, собрав всех, сказал: «Командующим фронтом с сегодняшнего дня буду я. Товарищу Рокоссовскому разрешено взять с собой: автомобиль, одного шофера, адъютанта и повара». И нам пришлось распаковывать чемоданы.

Многие говорят о грубости, порой жестокости Жукова. Я бы сказал так: это был твердой воли человек, великий человек, прекрасно знавший военное дело, чувствовавший интересы народа, заботящийся о судьбах социалистической Родины, железный коммунист, пламенный патриот. Это один из самых выдающихся полководцев, каких знала история нашей страны.

В фильме «Блокада» есть эпизод, как на Военном совете он отстраняет Ворошилова. В действительности было несколько по-другому. Во-первых, Жуков не был направлен в Ленинград – он сам вызвался поехать в осажденный город. Когда его вызвал Сталин и предложил поехать командующим на Западный фронт, полем действия которого была Украина, он сказал:

– Туда должен ехать не я, а человек с фамилией на «о», например, Тимошенко.

– А вы куда? – спросил Сталин.

– А я бы поехал в Ленинград.

Услышав слово «Ленинград», стоявший рядом Маленков махнул рукой, как бы говоря, что Ленинград – дело гиблое. Сталина заинтересовало предложение Жукова, и он попросил Георгия Константиновича выйти в соседнюю комнату, а через 10 минут снова пригласил его и сказал: «Езжайте в Ленинград и сделайте все возможное».

Но положение там было критическим. И тот Военный совет, куда явился, причем неожиданно для всех, Жуков, обсуждал вопрос, как сдать Ленинград: что взорвать, что затопить, как отойти и т.д. Узнав повестку дня, Жуков тут же отменил Совет и поручил всем подумать, что сделать, чтобы удержать Ленинград. А если говорить о Ворошилове, то Жуков не очень высокого мнения был о нем. Он прекрасно знал, какую роль сыграл Ворошилов во время репрессий военных деятелей в довоенный период: Тухачевского, Якира, Егорова и многих других. На всех смертных приговорах есть его подпись.

Во время пребывания в Ленинграде Жуков издал всего лишь один приказ о том, что если кто-либо из солдат отступит на шаг от занимаемых позиций, то тут же без суда и следствия будет расстрелян командир роты. Приказ был жестким, но он диктовался кризисным положением. Даже Жданов – первый секретарь Ленинградского ГК КПСС не подписал его. Он должен был пойти за двумя подписями. Жуков подписал и послал его по всем ротам. Один экземпляр приказа был отослан Сталину.

Удивительное дело: приказ сделал свое дело, ни один солдат не отступил, ни один командир роты не был расстрелян.

Через 8 дней Сталин позвонил Жданову и заставил его задним числом подписать приказ.

Решительные действия Жукова изменили положение в Ленинграде, враг после неудачных атак вынужден был окопаться.

И тогда Сталин велел Жукову вернуться в Москву, где положение было очень неважным. Не имея каких-либо естественных препятствий, не встречая глубокой обороны, враг со всех сторон по прямой наступал на столицу. И здесь Жуков сделал все, чтобы отстоять Москву. Многое значило и то, что в Москве оставался Сталин, хотя многие ведомства выехали в Куйбышев.

С Жуковым я работал почти два года, будучи его заместителем по тылу. Он высоко ставил тыл фронта, даже выше штаба. И поэтому, когда задумывал какую-нибудь операцию, прежде всего привлекал меня.

Помнится, когда готовилась Висла-Одерская операция, нам кое-чего не хватало. Он взял меня с собой в Москву и сказал:

– Вот что, товарищ Антипенко. Я буду у Главнокомандующего выколачивать дивизии, а вы для них снаряжение и продовольствие – во всех возможных ведомствах.

Приехали в Москву, сначала он говорит, что Сталин дал одну дивизию – я позаботился обо всем для нее; на следующий день – еще две дивизии. Несмотря на многие хлопоты, мне удалось выполнить поручение маршала. И Висла-Одерская операция по всеобщему признанию считается классической.

А вот еще один штрих. Когда в Карлхорсте (предместье Берлина) готовилась процедура капитуляции 8 мая 1945 года, утром меня вызвал Жуков и сказал, чтобы к двум часам дня подготовили небольшой обед по случаю капитуляции немцев, и предупредил, чтобы «никаких западных, капиталистических» блюд не было. Я вызвал повара, дал соответствующее поручение, и когда к 14.00 все было готово (русские щи и другие наши блюда), я позвонил Жукову и доложил о готовности. Но он сказал:

– Да подожди ты, тут такое творится, что неизвестно, когда будет конец.

В действительности, разгорелся спор: кому принимать капитуляцию? Западные представители говорят: американцу. Звонят Сталину, а он: только маршалу Жукову. Потом пытались выдвинуть идею: капитуляцию принимать всем делегациям сразу. Сталин: только Жукову. Спор затянулся до 12 часов ночи. И, наконец, пришли к согласию: капитуляцию принимает Жуков, ибо мы победители, а американцы, англичане и французы присутствуют при этом. В 00.43 утра 9 мая 1945 года Кейтель подписал акт о безоговорочной капитуляции. Его и сопровождающих увели.

А потом где-то около двух часов утра начался «обед» (или ужин и завтрак все вместе). К этому обеду из Москвы прислали целый самолет, нагруженный водкой. Все пили и ели с большим удовольствием, а американцы попросили дать им несколько бутылок «на дом». После первых тостов заиграла музыка. Жуков пошел танцевать плясовую, и французский генерал Делатр де Тасиньи, с голодухи хвативший в самом начале обеда целый граненый стакан армянского коньяка, тоже (может, из престижных соображений – мол, я танцевал с самим Жуковым!) пустился в пляс и где-то после двух кругов свалился. Я в своей книге написал, что он упал. Редактор книги говорит мне: сейчас наши отношения с Францией улучшаются, надо ли, чтобы мы указывали, что их генерал упал. И тогда мы заменили: «он чуть не потерял равновесие».

Позже, когда Жуков был министром обороны, членом Политбюро, я работал в других учреждениях, и мы несколько отдалились. В это время он многим помогал, вокруг него крутилось немало «друзей». Но вдруг его сослали в Одесский военный округ. Дело вот в чем. Предполагалось направить Жукова в Америку. Была договоренность о его поездке. В связи с этим в американской печати поднялся огромный шум: «В Америку собирается спаситель России». Но все знали, что спасителем России был один, поэтому второй уже мешал первому. И вот под разными предлогами Жукова посылают в Одессу, а потом в Свердловск (под видом того, что ему небезопасно рядом с границей).

Особенно тяжело переживал Жуков обвинения в бонапартизме. В это время от него отреклись многие его бывшие друзья, люди, которых он поддерживал, помогал. Это было время, когда Жуков проверял всех своих знакомых. И вот однажды, будучи в аптеке на ул. Горького, я встретил Жукова. Он обрадовался встрече и спросил:

– Николай Александрович, не побоишься зайти ко мне в гости?

– Буду рад зайти и пригласить вас к себе, – сказал я.

И с тех пор около 20 лет наши семьи дружили. В самые тяжелые дни хрущевской опалы я был чуть ли не единственным человеком, который развеивал его нелегкие настроения. Позже, когда стали снова его поднимать, особенно в связи с 25-летием Победы, многие снова хотели установить с ним дружеские связи. Но Жуков был непреклонен: он никого не принимал, не хотел видеть. Эта участь выпала на долю многих, даже маршала Василевского. Когда Георгий Константинович праздновал свое семидесятилетие, он собрал самых близких, самых преданных людей. Я тогда за столом был тамадой. Там, где маршалы, мне, генерал-лейтенанту, было несколько неловко, но все же я сказал:

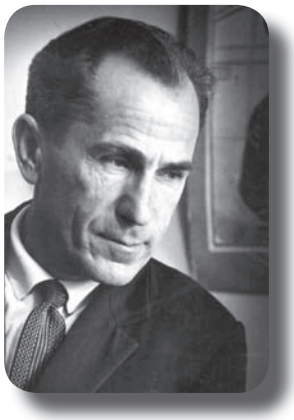
– Удивительный и счастливый месяц декабрь. В декабре родился Сталин и в этот день – Рокоссовский. В декабре родился Баграмян. В декабре родился я. В этом месяце родился и наш дорогой Георгий Константинович Жуков.

Мне выпала честь быть в последние дни Жукова рядом с ним. В кремлевской больнице на улице Грановского, в палате № 15 лежал я, он – в палате № 16. И мы вдоволь наговорились.

Умер он в июне 1974 года. Вспоминаю, как его хоронили. Урну с прахом Жукова несли Суслов и Епишев – люди, сделавшие все возможное, чтобы унизить маршала. Это было форменное издевательство над прахом великого, мужественного человека, гражданина и полководца Родины».

…Но история все и всех расставляет по своим местам. Ныне в центре Москвы, рядом с Кремлем возвышается конная статуя маршала Жукова – любимца народа и страны.

Маршал Г.К. Жуков (слева) с Н.А. Антипенко



ДАГЕСТАНКИ

Булач ГАДЖИЕВ

РОЗА ЛЮКСЕМБУРГ ЦУДАХАРСКАЯ

В сентябре 1924 года в Цудахар к секретарю партячейки Идрисову из Махачкалы приехали два ответственных комсомольских работника Эфендиев и Цимоненко. И выдали по случаю родившейся у него накануне дочери два любопытных документа. Один назывался «Грамота» и начинался со слов «Дочери Октябрьской революции – от комсомола». А дальше шел текст: «Принимаем тебя в ряды Ленинского комсомола. Обещаем из тебя сделать стойкую работницу за дело революции и защитницу интересов пролетарок от империалистического ига, которым и твой родной отец был угнетен…». Затем следовали пространное антикапиталистическое заявление, панегирик в честь вождя мирового пролетариата В.И. Ленина и заканчивался текст словами: «Ты, конечно, еще мала и не имеешь представления о капитале. Пока тебя отдаем обратно отцу-коммунисту, который воспитает тебя в коммунистическом духе… Даем тебе имя Розы Люксембург – это вождь пролетариата Германии, где еще свирепствуют эксплуататоры, капиталисты… Мы возлагаем на тебя такое великое дело – быть второй Розой Люксембург. С Розой Люксембург работал Ленин… Ты должна гордо нести это имя. Ты должна стать символом и маяком, указывающим путь и дающим свет обиженным пролетариям всего Земного шара».

Во втором документе говорилось: «Предъявитель сего тов. Роза Люксембург Идрисова действительно есть кандидат Российского Ленинского Союза молодежи и даргинской организации, принята в день десятого международного юношеского дня, т.е. 5 сентября 1924 года, что подписями и приложением печати удостоверяем.

Ответственный секретарь Даргинского окружкома ЛКСМ – Эфендиев.

Член президиума окружкома – Цимоненко».

Как сложилась судьба Розы Люксембург Идрисовой? Где-то в 3-м или 4-м классе девочка стала сознавать, чье имя носит она. «Комсомолка» со дня рождения, будучи еще ученицей начальной школы, присутствовала на всех собраниях и хотя изо всех сил старалась, однако не могла понять, чего хотят комсомольцы и против кого они борются. Когда в Цудахаре проводились субботники, еще можно было сообразить, что к чему. Но когда приезжий оратор говорил, об империалистах, готовых покорить весь мир, в том числе и их маленький Цудахар, Розе Люксембург делалось страшно и она терялась.

В 1950 году Роза вступила в партию. Работала колхозницей, техническим секретарем райкома партии, секретарем сельсовета, заведующей библиотекой. Была отмечена Орденом Трудового Красного Знамени и медалями. Делегировалась в Москву на совещание председателей Советов, была избрана в Верховный Совет Дагестана.

И в личном плане у Розы Люксембург все складывалось как нельзя удачно. У нее было не только необычное имя, но и броская внешность. Мимо такой девушки, не заметив ее, никак нельзя было пройти. И голос у нее был мягкий, ласковый, а улыбка потрясающая. Розу Люксембург выдали замуж за двоюродного брата. Остается тайной, почему он, женившись на первой красавице аула, завел в Москве новую семью и переехал туда. Цудахаринка осталась одна с дочерью и дала себе клятву, что отчима для дочери в дом не приведет. Кто только не домогался ее руки. Но она не дрогнула, и не решилась испытать судьбу во второй раз. Жители аула считали, что она настоящая цудахаринка. В ауле повторное замужество считалось чуть ли не позором.

Летом 1978 года при нашем знакомстве в Цудахаре в канцелярии сельсовета передо мною сидела средних лет усталая женщина. Но ее лицо без единой морщинки сохранило идеальные черты, с нее можно было рисовать цудахаринскую мадонну. Я наговорил ей кучу комплиментов и в конце беседы спросил:

– Какой день для вас был самым счастливым?

– У меня, – неожиданно произнесла она так, будто стон вырвался из ее груди, – не было ни одного счастливого дня…

Роза Люксембург Цудахарская в своем кабинете

СЧАСТЬЕ ХАДИЙ

По возрасту она должна была быть бабушкой. Хадий могла и памяти лишиться, так как в книге Эфенди Капиева говорилось, что муж часто бил ее по голове, издевался как мог…

В Хасавюрте, на Московской улице, на стук в ворота дома № 89 вышла худенькая девочка лет 14-15 и на вопрос, живет ли здесь Хадий, ответила:

– Это моя бабушка.

Хадий вовсе не такая, какой она представлялась. Среднего роста, плотного сложения, хотя волосы тронуты серебром, но лицо без единой морщинки. Чеченка, она походила на русскую женщину: светлое лицо и голубые глаза.

В гостях у Хадий

Она хорошо помнит Эфенди, называя его на свой лад – Апанди. Он квартировал у нее в Аксае вместе с учителем Назаровым. Муж был очень горяч, нетерпелив, часто безо всякой причины бил ее. Временами казалось, что жизнь покидает ее. Но боль проходила, заживали раны и она говорила себе: терпят же соседки такие побои, потерплю и я. Но когда Хадий узнала, что Алимпаша бесчестен, она покинула его, ушла с детьми из дому. Это случилось в 1932 году, через 4 года после отъезда Капиева.

– Я бежала из Аксая, – рассказывала Хадий, – в Хасавюрт, где проживала мама. Лишь в сумерках постучалась с детьми к родным. Нас приняли, обогрели, пожалели, посетовали на жизнь. А меня «царапает» мысль: что дальше? И вдруг вспомнила Апанди. Надо стать, как и он, учителем, это самые участливые, справедливые люди, защитники детей, – сказала я себе. – Окончила курсы, затем 4 года училась в педучилище. Особенно оберегала девочек, никому обидеть не давала…

В 1936-м году мужа ее по какой-то причине изолировали и более о нем она ничего не слыхала и слышать не хотела. Через год Хадий вышла замуж за Алиева Шихаммата, жителя Эрпели. Хадий, вспоминая Капиева, говорит:

– Иногда в газетах встречаю фотографии Апанди и всякий раз слезы наворачиваются на глаза. Может, от того, что он оказался мне ближе, чем муж, мать, отец. Неужели он помнил меня, даже написал обо мне? – и ее голубые глаза засветились. Улыбка заиграла на ее губах. И она рассказала, как ее постоялец недоумевал, почему она терпит издевательства мужа, как она пробовала оправдать его, как дни сменяли друг друга, а побои повторялись. Однажды муж устроил в доме ад. Хадий громко плакала и звала на помощь. Спасаясь, она убежала в комнату учителя. За нею ворвался и муж с поленом в руке. Эфенди бросился защищать, но тот оказался сильнее. Когда на шум прибежали соседи, муж стоял у порога с винтовкой в руке…

Через 35 лет старшая дочь Хадий – Резада после окончания ДГУ работала учительницей в Махачкале. Сын Нариман после окончания вуза тоже учительствовал. У Хадий 6 внуков и внучек, которыми она занимается не только как бабушка, но и как учительница. В этом ее счастье.

«ДА ВОЗДАСТ АЛЛАХ…»

Чиркеец Абдулла Абакаров слыл состоятельным человеком. В Темир-Хан-Шуре имел магазин и поставлял овес для кавалерийских частей, дислоцированных здесь. Но после революции принял сторону красных, прятал большевиков, участвовал в гражданской войне и был отмечен орденом Боевого Красного Знамени.

Но еще до того, будучи в Нижнем Казанище, он приглядел рыжеволосую, голубоглазую красавицу Рабият. Она была из семьи среднего достатка, а ее двоюродные братья, Мамма и Имаммурза, попеременно исполняли должность бегаула в родном селе. Женитьбе Абдуллы на Рабият ничто не препятствовало. Казанищенка переехала в Темир-Хан-Шуру и поселилась в доме у мужа по улице Каравансараевской.

Вскоре у них родилась дочь, которую нарекли Умукусюм. Шли годы, и со временем у родителей стала расти тревога: как бы девушку не похитили. И было от чего переживать. Умукусюм выросла очаровательной: среднего роста, стройная, каштановые волосы, красивое лицо, карие глаза, лебединая шея. Умукусюм сознавала свою привлекательность. Однако одевалась скромно. Смышленая, любознательная, она прилично окончила темирханшуринскую женскую гимназию, в совершенстве владела русским языком, увлекалась музыкой, научилась у матери хорошо готовить разнообразные блюда.

И с замужеством у Умукусюм сложилось неплохо. Ее выдали за духовное лицо, Гаджикади Абакарова. Муж был атлетически сложен, красивое лицо обрамляли небольшая бородка и усы. У них родились четверо детей: Абакар, Ахмат-Рашад, Магомед-Рашад и дочь Анав. Семья не знала забот, пока среди ясного неба не грянул гром. Да еще какой!

То ли в 1927 году, то ли в 1928-м Гаджикади репрессировали. Он сидел в махачкалинской тюрьме. Говорят, что там его и расстреляли как духовное лицо. Пришла беда – отворяй ворота. В начале 30-х арестовали братьев Мамму и Имаммурзу. В подвалах чекистов они также были убиты. И Умукусюм с четырьмя детьми осталась одна. Вдова проживала тогда в Буйнакске по ул. Хизроева.

Вот в ее дом однажды и вселили политрука 83-го горно-стрелкового полка Алексея Мельникова. Он с утра выходил во двор, делал зарядку, обливался холодной водой по пояс. С хозяйкой подчеркнуто вежливо здоровался, а с детьми всегда находил общий язык. Они от него всегда узнавали что-то такое, о чем раньше и не подозревали, а для маленькой Анав у него всегда были припасены то конфеты, то печенье, а иногда и плитка шоколада, которого в тогдашнем Буйнакске и днем с огнем нельзя было найти. Что еще привлекало детей и мать к политруку, так это то, что он изо всех сил старался выучить кумыкский язык. Все это не могло пройти мимо внимания Умукусюм. Мельников был привлекателен, сложен на славу, отличался аккуратностью, чистоплотностью. Внутренний голос шептал вдове, что Мельников – это ее судьба. А вскоре по городу уже прошел слух, что вдова вселила

к себе русского командира, и это, мол, неспроста. Умукусюм при случае парировала: «Во-первых, его вселили городские власти, меня не спросив. И, во-вторых, дети мои в нем души не чают». А про себя думала: почему бы мне не выйти за него замуж…

И вышла. Чего это ей стоило, только она сама знает. Мать ее, Рабият, в это время была еще жива. «Опозорила», – в сердцах говорила она. Однако на Мельникова долго невозможно было сердиться. Доброжелательный, контактный, добродушный, беззаветно любящий Умукусюм, ласковый к ее детям, он быстро завоевал сердце и тещи. А когда Рабият побывала в Москве и увидела, в какой роскоши и внимании живет ее дочь, сама поездила на персональной машине зятя – и вовсе растаяла. «Да воздаст тебе Аллах за твою заботу о моей дочери», – сказала она ему.

А Мельникова переводили из города в город, из одного гарнизона в другой. Умукусюм с четырьмя детьми следовала за ним. Так они исколесили полстраны. Там, где служил Алексей Мельников, когда он появлялся под руку с Умукусюм, все интересовались: «Кто эта изумительная красавица?». И им рассказывали романтическую историю, как красный командир служил в 20-х годах в Дагестане, встретил Умукусюм и увез ее в Россию. И добавляли, что Мельников воспитывает, холит и лелеет ее детей, как своих.

Во время войны с фашистами Мельников служил представителем генштаба Советской армии в Югославии при штабе повстанческой армии И. Тито, который в знак признания высоких заслуг прикрепил к груди Мельникова «Орден храбрости». Всю войну Умукусюм с детьми оставалась в Москве. После возвращения из Югославии ее муж, уже генерал-майор, читал курс лекций в военно-дипломатической академии. А во время отпуска Мельников с супругой не раз бывал за границей. В Югославии он показывал Умукусюм, где партизанил при штабе Броз Тито. Приезжали они и в Дагестан, останавливались, то в Махачкале, то в Буйнакске. Ездили в Гуниб. Но одно место Умукусюм нарочно избегала – Нижнее Казанище. Не хотела огорчать тех из своих родственников, которые никак не могли смириться, что она вышла за человека другой веры. Рассуждения о том, что у всех бог один, ими не воспринимались.

Умукусюм Абакарова пережила своего мужа на 5 лет. Ей перевалило за 70, но она по-прежнему была хороша. Судьба детей такова: Абакар окончил вуз, работал в Москве. Погиб на фронте в первые дни войны. Ахмад-Рашад – работал на разных должностях, участвовал в самодеятельности. Как и брат, воевал, был разведчиком. После ранения лечился в Буйнакске. Снова ушел на фронт и погиб. Магомед-Рашад окончил академию им. Жуковского, служил в секретном отделе Министерства обороны. Имел звание полковника. Перед смертью командовал дивизией особого назначения. Умер от тяжелой болезни. Но еще до него от той же болезни не стало Анав. В Буйнакске она училась в школе №1. В Москве окончила вуз, преподавала иностранцам.

ОБРУЧЕНИЕ КАК ДОЛГ

После 90-дневных боев у горы Ахульго между мюридами Шамиля и солдатами генерала Граббе многие из дагестанцев погибли, были ранены или взяты в плен. Среди коих оказалась и девочка по имени Узу из Ашильта. Ее увезли в Россию, и там она у какого-то барина стала прислугой. За ней очень тосковал ахульгинец Карамагомед-Али.

Ашильтинка почти забыла родной язык, зато знала русский, научилась хорошим манерам, овладела профессией швеи, превратилась в красавицу и вернулась домой. За нею толпами ходили молодые люди, предлагая руку и сердце, но девушка отвечала, что, будучи ребенком, была обручена с Карамагомедом-Али. И добавляла: «Если он откажется от моей руки, то сама сделаю выбор». Герой Ахульго женился на красавице Узу и они вместе прожили почти 100 лет и умерли уже в наше время.

«БЭЛА» ИЗ ЧИРАГА

Какие только истории не происходили на земле Дагестана. Одна из них описана в романе М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». Книга повествует о том, как русский офицер похитил девушку Бэлу и держал ее в крепости.

На первый взгляд сюжет этот кажется вымышленным. Я считаю, что великий поэт непременно слышал немало подобных историй, их которых возникла удивительная «Бэла».

А они не однажды происходили на дагестанской земле в разное время. Например, в 1912 году в Ботлихе стояла рота 207-го Ново-Баязетского полка. Некий поручик, красавец, увлекся местной девушкой Патал-Баху. Любовь оказалась взаимной. Она ушла к нему. Легко понять, что день возвращения домой для красавицы Патал-Баху был бы для нее и последним днем.

Но и в крепости девушка оставаться не могла, не могла заглушить укоры совести. Родственники ее не трогали поручика до поры до времени. Ждали удобного случая. Узел был до того крепко затянут, что распутать его никто бы не смог. И не найдя выхода, возлюбленные покончили жизнь самоубийством.

«Бэлу» нашел я и в Чираге. Директор местной школы Магомед Курбанисмаилович Мамацев рассказал мне, что, будучи в гостях у даргинского композитора Магомеда Касумова, слышал из уст его супруги такую историю.

В годы Кавказской войны в Чираге жила редкой красоты девушка. Она, конечно, не могла остаться не замеченной офицерами Чирагского укрепления. Двое из них, понимая, что родители девушки ни за какие блага не выдадут ее за иноверца, решили девушку похитить. Решив отвезти ее в Тифлис, они пошли даже на такой шаг, как дезертирство.

Узнав о происшествии, в крепости забили тревогу. За беглецами была устроена погоня, и в перестрелке

«Бэла». Ил. Е.Е. Лансере. 1918

тяжело ранило того, кто собирался сделать беглянку своей супругой. Умирая, он завещал товарищу, чтобы тот в Тифлисе передал ее высокопоставленному родственнику. И так как после случившегося горянка не может вернуться домой, то пусть живет у его близких. Как просил умирающий, так и произошло. В Тифлисе, кроме прочих интереснейших людей, беглянка познакомилась с А.С. Грибоедовым и его милой женой, княжной Ниной…

Судьба так распорядилась, что дагестанка оказалась затем в Москве. На одном балу все обращали внимание на броскую внешность дагестанки. Присутствовал там и А. Пушкин. Приключения горянки так заинтересовали Александра Сергеевича, что он, говорят, задумал написать о ней. Может, только гибель помешала выполнить это желание великому поэту.

А девушка испытывала нестерпимую тоску по родине. Она возвратилась в Тифлис. Но и здесь она не нашла успокоения. В один осенний день, когда над городом нависли тучи и стал накрапывать дождь, чирагчанка промчалась по улицам Тифлиса и не раздумывая бросилась с моста в Куру…

С ПЕРВОГО ВЗГЛЯДА

В боях на стороне Шамиля, оставив в Чираге жену и дочь, участвовал Шейх-Шихали. Война войною, но через какое-то время он поймал себя на мысли, что скучает по дому. И однажды с позволения наиба, когда луна находилась в своей первой четверти, поскакал к Чирагу, чтобы забрать жену и дочь и непременно вернуться под знамена Шамиля. Когда доехал до первой мельницы со стороны Хосреха, его стали одолевать сомнения. Семья, конечно, обрадуется, но, узнав, что Шейх-Шихали вскоре соберется в обратную дорогу, заохает, запричитает и станет уговаривать этого не делать. Женские слезы он не переносил.

В таком раздумье находился он, когда из грохочущей мельницы вышли две женщины. Одна из них была в положении, а другая – молоденькая, с соблазнительной талией и очень пригожая лицом. Каштановые волосы мягко оттеняли нежную кожу ее белой шеи. Глаза Шейх-Шихали заблестели, его бросило в жар. В первую минуту женщины испугались. Горец объяснил, что держит путь к мюридам. Та, что постарше, поморщилась, но попридержала язык. Чирагец подумал, что допустил ошибку, но, встретив взгляд девушки, понял, что та не разделяет мнение товарки. Она не только не отвела взгляд, а неожиданно сказала, что готова идти с ним хоть на край света!

От этих слов он совсем потерял голову и, ни минуты не раздумывая, повернул коня в сторону, откуда час назад ехал с совершенно другими намерениями.

Перестук мельничных жерновов остался позади.

Что и говорить: это была любовь с первого взгляда. Девушка была верна своей клятве. Когда один сельский донжуан, в отсутствии Шейх-Шихали вздумал за ней поухаживать, она закатила ему такую оплеуху, что нахал понял, что этим дело не кончится, и испарился из аула.

А мужу и жене выпала честь не только видеться с Шамилем, но и воевать под его началом. Обвязав свою прелестную голову чалмой, жена Шейх-Шихали заряжала ружья мюридам, сбрасывала камни на атакующих Гуниб царских солдат, перевязывала раненых. Многодневный голод и лишения превратили ее, от которой еще недавно трудно было оторвать взгляд, в изможденное существо. Несчастный Шейх-Шихали что только ни делал, чтобы спасти ее: приносил зерна поджаренной ржи, запоздалые ягоды из леса. Рука отощавшей женщины наконец затихла в его руке. И красавицы не стало. Случилось это на Гуниб-горе в августе 1859 года.

ПЕРВАЯ СРЕДИ ТАТОК

Гимназистка Рахиль Анисимова. 25 января 1904 года

Отца звали Иосиф. Иосиф Анисимов. Торговец мануфактурой, каких в ту пору много было в Темир-Хан-Шуре. Лавки, магазины, лабазы купцов-торговцев тянулись по обе стороны улицы от Церковной площади до самого базара.

Своей судьбой Анисимов не был доволен, потому и хотел дать своим детям светское образование. И прежде всего, дочери Рахиль. Когда слух об этом разнесся по еврейским кварталам, многие от него отвернулись. Невежественные люди не понимали, какую выгоду сулит желание купца обучить дочь наукам, светским манерам, музыке.

Как раз в ту пору разразился экономический кризис. Разорил он и темирханшуринских купцов, среди них и Иосифа Анисимова. Все считали, что из-за него бог покарал еврейское население города. А Анисимов как будто не слышал проклятий и не видел озлобленных лиц, он отдал дочь в гимназию. Отец был счастлив, а дочь страдала от того, что не знала русского языка. Два года пришлось отсидеть в первом классе. И вот такой парадокс: гимназию Рахиль Анисимова окончила в числе лучших. Таковы были ее усердие, честолюбие, гордость. Сыграло роль и влияние старшего брата Ирмие, учащегося реального училища.

По просьбе Ирмие отец одну из комнат дома уступил Петру Ковалеву, будущему члену подпольного обкома партии большевиков. Его влияние испытала на себе и Рахиль. А тут еще выпал такой случай: 31 декабря небольшая группа реалистов и гимназисток собралась в доме Анисимовых встречать новый 1900-й год. Среди гостей находился и квартирант Петр Ковалев.

Говорили о положении дел в городе, в учебных заведениях Темир-Хан-Шуры. Затем стали петь революционные песни. Нагрянула полиция, и всей компании Новый год пришлось встречать в полицейском околотке. П. Ковалева судили, дом Анисимовых оказался под наблюдением.

Когда Рахиль обучалась в предпоследнем классе, прошел слух, что гимназию посетит некий парижанин. Им оказался Д. Коркмасов. Представительный, одетый в безукоризненный европейский костюм, чем-то похожий на А.С. Пушкина. Преподавательницу французского языка Коркмасов поверг в смущение: все поняли, насколько слабо владеет она языком, который преподает.

Д. Коркмасов интересовался жизнью и бытом учениц, делал шутливые замечания, чем сразу расположил к себе девушек. И все были удивлены, когда через несколько дней директриса А.И. Поликострицкая получила выговор от инспектора народных училищ за то, что допустила прогуливаться по казенному учреждению человека, находящегося под надзором полиции…

Экономический кризис вконец разорил Иосифа Анисимова. Ирмие перевелся в Баку. Жить стало труднее. Ежегодная плата за учебу, 60 рублей, сказывалась на бюджете семьи. Рахиль стала давать частные уроки. Лучшей подругой Рахиль в гимназии была аварка Салимат, дочь инженера Амирова. Салимат владела татским языком и, когда хотелось посекретничать от подруг-гимназисток, на нем говорила с подругой. В 1906 году гимназия окончена, 8 классов позади. Рахиль Иосифовна имела право вести уроки в начальных классах. Но в Темир-Хан-Шуре вакансий не было. Предложили поехать в г. Дербент. Поехала. Молодая учительница и представления не имела, куда попала. Бедность, болезни, цепкие традиции старины, патриархальщина. Чей-то заброшенный, развалившийся склад назывался шко-лой. Вместо стекла на окнах – бумага. Учащиеся – дети рабочих, рыбаков – раздеты и разуты. У многих от недоедания – рахит. Она старалась все сделать, чтобы как-нибудь облегчить их жизнь. Кого подкармливала из своих скудных средств, кого у себя спать оставляла, кому покупала рубашку или штаны на деньги, выпрошенные в синагоге. Раввин, хотя и был против светского образования, но оказался человеком жалостливым, удовлетворял просьбы молодой учительницы.

Как-то из Порт-Петровска прибыл инспектор народных училищ господин Замятин. Замятин остался доволен, но, уезжая, сказал: «Это место не для девушки, уезжай, пока не поздно!» Рахиль ответила, что знала, куда ехала. Замятин только пожал плечами.

Прошло полтора года. Может, так и работала бы Рахиль, как и обещала инспектору, но вдруг из Темир-Хан-Шуры прибыли родичи. Как на пожар повезли домой и …выдали замуж. Пошли дети. Не до школы было.

Началась первая мировая война. Рахиль помнили в Дербенте, ее звали вернуться. Говорили, что школа новая, дети уже не те, ей дадут комнату при учебном заведении. Риск был большой. Своих трое детей на руках. Поехала. Правду говорили. Но вот беда: приходилось на время работы своих детей оставлять под замком. Облегчало чуткое отношение коллег, особенно заведующего школой, который, как позже узнала Рахиль, оказался членом партии большевиков.

Февральская революция застала учительницу там же, в Дербенте. Начались митинги, собрания, совещания, демонстрации. Но они так же быстро окончились, как и начались. Произошло столкновение между армянами и азербайджанцами. Порт-Петровск, куда сумела уехать Рахиль, был запружен беженцами из Баку и Дербента. Не ходили поезда. С большими трудностями на фургоне через атлыбоюнский перевал учительница вернулась в родной город Темир-Хан-Шуру.

В 1918 году пришла печальная весть о гибели младшего брата Аиви. В Моздоке его задержали белые, высадили из вагона и расстреляли. За его телом поехал Ирмие, но и его схватили враги. И он был бы убит, если бы не товарищ по реальному училищу, чохинец

Выпускной класс женской гимназии в Темир-Хан-Шуре

Нахибашев. Он забрал Ирмие к себе в воинскую часть. Обо всем этом Ирмие известил родственников. Теперь в дорогу собралась Рахиль. Она взяла рекомендательное письмо к князю Тарковскому, которого застала в Кисловодске.

Встречу с Тарковским устроила одноклассница по гимназии княжна Гульбике Ибрагимбекова. Князь советовал немедленно вернуться в Дагестан. Она не послушалась. Отправилась в Пятигорск, в контрразведку. Там ей сказали, что таких людей, как Ирмие, они каждый день расстреливают десятками. Оказалось, что ее брат пробрался в белую армию в качестве разведчика, был опознан и расстрелян. Что добавило седины Рахиль Иосифовне…

Еще в горах Дагестана гремели выстрелы, а школы Темир-Хан-Шуры начали функционировать. Сейчас даже трудно определить, что в те годы являлось главным: общественная деятельность или работа, за которую давали зарплату. Рахиль Иосифовна предоставляла квартиру в распоряжение красноармейцам, стирала им белье, сочиняла письма, дежурила в госпитале. Она еще находила время, чтобы работать с неграмотным населением города и красноармейцами. В общем, делала все возможное, чтобы оправдать имя сестры красного разведчика Ирмие.

Каждый следующий год был отмечен важными событиями в жизни учительницы. Среди них были и такие, что оставили след на всю жизнь. В 1920-м году Рахиль Иосифовну командировали на педагогические курсы в Пятигорск. Здесь она видела и слушала А. Луначарского. В 1921 году только чудом можно объяснить, что она осталась жива. От голода умерло много близких людей и среди них несколько ее учеников. Она узнала дорогу на все три темирханшуринских кладбища.

Летом 1922 года, повезла школьников в Верхнее Казанище, где организовала им отдых, играла с ними в «красных» и «синих», помогала крестьянам в их нелегком труде, а полученные от них продукты использовала для подкармливания детей.

В 1923 году в школе № 1 им. Ленина была создана первая в Буйнакске пионерская организация. В нее вошли и дети Р.И. Анисимовой. А когда в январе 1924 года страна прощалась с Лениным, то в городском театре у знамени, окаймленного черным крепом, Рахиль Иосифовна плакала со своими детьми.

В ее жизни 1926 год отмечен поездкой на Волховстрой. В 1927 году она делегат первого съезда учителей-татов Дагестана. Рахиль Иосифовне была представлена честь огласить телеграмму от Н.К. Крупской в адрес съезда…

Обо всем не расскажешь. По семейным обстоятельствам Р.И. Анисимовой пришлось выехать в г. Кизляр, где она преподавала в интернациональной четырехклассной школе. В 1933 году она переехала в Ташкент, где проработала в одной из школ города до пенсии. Неоднократно награждалась грамотами республики и получила высокое звание Заслуженной учительницы Узбекской ССР.

…В 1955 году Рахиль Иосифовна в последний раз приехала на родину, в Темир-Хан-Шуру – Буйнакск. Посетила до боли знакомые места, ходила по излюбленным улицам, зашла в школу им. В.И. Ленина, где прошли годы ее ученичества в женской гимназии, и где работала в качестве учительницы. Побывала на скале «Кавалер-Батарея», на которой после выпускного бала она и ее подруга Салимат давали друг другу клятву в дружбе и верности… Сколько было волнующих встреч!

Поезд «Буйнакск–Махачкала» увозил постаревшую учительницу. На глазах у нее стояли слезы. Вот первый мост, сразу за Буйнакском над железной дорогой, вот второй. За поворотом открылись амфитеатром сакли Кафыркумуха. Паровоз давал протяжные гудки в капчугайской теснине, чтобы с разбега остановиться у кумторкалинской песчаной горы «Сары-Кум». Вспомнилось, как однажды целый вагон гимназисток и реалистов с классными дамами и наставниками приезжали сюда, чтобы взобраться на бархан. Счастливая юность!

Рахиль Иосифовна навсегда покинула Дагестан…

Буйнакская средняя школа № 1 в здании бывшей темирханшуринской женской гимназии

В нескольких номерах журнала наши читатели и журналисты с жаром обсуждали тему многоженства. Высветили, вроде бы, все стороны этой, как оказалось, злободневной проблемы. Но вот мы получили статью дагестанского писателя Шапи Казиева, который, думается, поставил еще одну точку над i. Предлагаем ее вашему вниманию.

ГАРЕМНЫЕ СТРАСТИ

Шапи КАЗИЕВ

Гарем... На свете не так много слов, которые могли бы соперничать с этим, таким невыносимо притягательным и невыразимо таинственным.

Гарем (харам) – слово арабское, обозначает оно все, что запретно, а также сокрыто и защищено, тайно и недоступно для посторонних. Когда имеется ввиду восточный дом прошлых веков, то харам – это та его часть, где жили женщины – матери, жены, малолетние дети, наложницы, рабыни, а также и евнухи.

Европейский синоним гарема – французское слово «сераль», происходящее от схожих по звучанию персидского и турецкого слов (serui, saray), обозначающих большой дом или дворец. В представлении европейцев сераль – это внутренние покои восточных владык и их семей. От гарема произошло и русское слово «хоромы».

Но если кто-то полагает, что гаремы – всего лишь пикантная экзотика из далекого прошлого, то рискует ошибиться. Оглянитесь, они вокруг вас.

Гаремы существуют, просто они обрели новые, порой гротескные формы, как и все остальное в нашем мире.

Для одних это символ власти, для других – предмет изощренной роскоши, для третьих – модная «тема». Есть и другие варианты: национальные традиции, подпитываемые женской неустроенностью, любовные неудачи вкупе с некоторой ответственностью перед бывшими женами и даже банальное мошенничество альфонсов, которых содержат их наивные жены.

Однако теперь, на фоне ужасающей демографической ситуации, эта деликатная проблема взволновала и высшие политические сферы страны. Вот уже и Государственная Дума озаботилась проблемой полигамии. Предложение В. Жириновского ввести многоженство вызвало такую бурную реакцию, что поначалу могло показаться, будто у нас пруд пруди специалистов по столь щепетильному вопросу. Откуда столько – непонятно, но то, что вопрос волнует широкие слои, стало очевидно. Владимир Вольфович попал в одну из самых болевых точек наших демографических проблем. «Плодиться и размножаться», причем ударными темпами, – государственная необходимость. Но как этого добиться на практике, неизвестно. В. Жириновский предложил свой вариант.

Законопроект не прошел, хотя 21 депутат и несколько регионов его все же поддержали. Но и убедительных аргументов против института полигамии оппоненты не привели. В основном ссылались на традиции и менталитет. Но традиции у нас были разные, а менталитет как то не мешает развалу чуть ли не каждого второго брака, безотцовщине, прелюбодеяниям, проституции и работорговле.

Зато процветают агентства, подыскивающие российским дамам женихов за рубежом, танец живота лидирует по популярности, а столичные рестораны обещают окружить клиентов наложницами и дать почувствовать себя восточным шейхом.

И что-то не видно, чтобы кто-то вдохновенно ратовал за чистую любовь и крепкие семейные узы. Или за отмену абортов, наносящих демографии непоправимый ущерб, и которые запрещены во всех религиях и во многих развитых странах. Зачастую половое просвещение сводится к рекламе защитных средств под угрозой СПИДа.

Относительный прогресс случился лишь однажды, когда после Октябрьского переворота 1917 г. был принят декрет «О Гражданском браке», и «сожительницы» превратились в «гражданских жен». Будто обычные жены – не гражданки.

Можно по разному относиться к предложению В. Жириновского, но он вовсе не предлагал насаждать гаремы, а пытался защитить членов полигамных семей, которых у нас немало. То есть разрешить регистрировать новый брак, не расторгая прежний, и не всем подряд, а при определенных условиях. Это, действительно, сняло бы много проблем и могло положительно сказаться на росте рождаемости. Сегодня у «неофициальных» жен и их детей возникают серьезные трудности с правами на наследство, раздел имущества и т.д. Кроме того, дамы вне официальной семьи редко склонны заводить детей, да и их «мужчины сердца» обычно не настаивают.

В такой ситуации быть против многоженства – все равно, что быть против гриппа или коррупции: все против, а они свирепствуют.

Против гаремов выступают, в основном, замужние женщины. Оно и понятно, вторая жена – конкурентка, и придется потрудиться, чтобы оставаться любимой и единственной. Интересно бы узнать, что думает по этому поводу Министерство по антимонопольной политике?

Может, вторые жены смогли бы несколько взбодрить первых, особенно когда муж не прочь завести еще детей, а жена не желает себя утруждать, больше заботясь о своей фигуре, чем о приумножении потомства? Тогда бы и демографические показатели двинулись в лучшую сторону. Некоторые ссылаются на экономические условия и нежелание «плодить нищету». Но

в восточных многодетных семьях условия отнюдь не лучше. Кстати, у моих московских знакомых, исповедующих православие не на словах, а на деле, тоже помногу детей, несмотря на экономические трудности.

В жизни бывает всякое. Думаю, любой знает семьи, где отец один, а матерей две или даже три. Пусть они живут по отдельности, но порядочный человек старается заботиться о тех и других. Почему бы ни уровнять эти семьи в правах?

Гарем может стать спасением и для части бездетных женщин, опасающихся потерять супруга, который вынужден разводиться, чтобы попытать счастья с другой.

Разумеется, нет ничего лучше крепкой семьи, где царит любовь и согласие. Но наивно опасаться, что если узаконить и без того существующую практику многоженства, все тут же бросятся в гаремный омут. Каждому свое.

Однако страсти по-прежнему кипят. И в дискуссию включились даже высшие круги религиозных конфессий. Глава Совета муфтиев России Равиль Гайнутдин считает, что законодателям пора подумать о том, чтобы официально разрешить многоженство в России. «В наше время, – считает муфтий, – светский человек имеет хоть 40 жен, но все они незаконные. Если же мусульманин женится по шариату, он берет на себя ответственность за каждую свою семью. ...Если оставить все как есть, то у российских мужчин будет по-прежнему куча женщин на стороне, и в результате мы получим новые аборты, новых детей, которые не нужны своим родителям, живут на улицах, в подвалах, а вырастая, становятся преступниками».

Несколько раньше, в бытность свою президентом Ингушетии, эту тему в контексте местных традиций поднимал и Р. Аушев. Из свежих примеров – вопрос о многоженстве, поднятый депутатом Свердловской областной Думы.

Процесс набирает обороты, чему немало способствует и стремительное социальное расслоение общества. Рискну предположить, что вопрос этот будет подниматься еще не раз. И кое-где, хотя и полуофициально, заводить гаремы будет разрешено. Но до общефедерального закона дело вряд ли дойдет. Во всяком случае – в обозримом будущем.

Быть или не быть многоженству в России – вопрос сложный, но имеющий богатую национальную историю.

Впечатляющие примеры многоженства приводятся еще в Библии.

В гареме многомудрого царя Соломона было 700 жен и 300 наложниц. Древняя традиция. У отца Соломона – Давида жен было 100.

Жены патриарха Иакова, родоначальника двенадцати колен Израиля, поначалу были бесплодны, и сами уговорили мужа принять на ложе своих служанок, которые родили им детей. Сохранили семью, а позже и сами разродились.

Фараон Рамзес II, «царь царей», имел 60 жен и 100 детей.

На Руси формально гаремов не было, но в реальности в них состояла значительная часть женского населения. Феодальное право первой ночи цвело на необъятных просторах пышным цветом. Сенные девушки и прочие крестьянки и заикаться не смели о каких либо правах, покорно исполняя прихоти господ. Добавим, что у некоторых народов, входивших в империю, многоженство, а порой и многомужество, было самым обычным явлением, отчасти сохранившимся и до наших дней.

«Вторым Соломоном в женолюбии» называл летописец князя Владимира. Как сообщает Н. Карамзин в «Предании веков» «Владимирова набожность не препятствовала ему утопать в наслаждениях чувственных. ...Сверх того, было у него 300 наложниц в Вышегороде, 300 в нынешнем Белогородке (близ Киева) и 200 в селе Берестове. Всякая прелестная жена и девица страшилась его любострастного взора: он презирал святость брачных союзов и невинности».

Жертвы сладострастия царя Ивана Грозного исчислялись сотнями, если не тысячами. Историк С. Соловьев писал: «В сии годы необузданность Иоаннова явила новый соблазн в преступлении святых уставов церкви с бесстыдством неслыханным. Царица Анна скоро утратила нежность супруга, своим ли бесплодием или единственно потому, что его любострастие, обманывая закон и совесть, искало новых предметов наслаждения ...Шестою Иоанновою супругою – или, как пишут, женищем – была прекрасная вдова, Василиса Мелентьева: он, без всяких иных священных обрядов, взял только молитву для сожития с ней! Увидим, что сим не кончились беззаконные женитьбы царя, ненасытного в убийствах и в любострастии!»

Н. Лесков в «Тупейном художнике» описал измывательства орловского графа Каменского над крепостными актрисами:

«"Камариновые же серьги" у них был подарок и лестный, и противный. Это был первый знак особенной чести быть возведенною на краткий миг в одалиски владыки. За этим вскоре, а иногда и сейчас же, отдавалось приказание Аркадию убрать обреченную девушку после театра «в невинном виде святою Цецилией», и во всем в белом, в венке и с лилией в руках символизированную innocence [невинность (франц.)] доставляли на графскую половину».

Цирюльник Аркадий, попытавшийся спасти свою возлюбленную, заплатил за это жизнью, а расправа над дерзнувшей бежать актрисой свела ее с ума.

Императрица Екатерина II пошла дальше своих предшественников, устроив себе гарем из фаворитов, которые, после императорского «экзамена», становились влиятельными вельможами.

«Где скрылись ханы? Где гарем?» – вопрошал А. Пушкин в «Бахчисарайском фонтане». А историки литературы открывают нам все новые страницы его амурных похождений.

Л. Толстой пользовался своим положением помещика с завидным постоянством. Но в романах созда-

вал великие женские образы.

Вообще, классики знали толк в «женском вопросе». В их произведениях он отражен с революционным размахом – от эмансипации до самоубийства под колесами поезда.

«Подвиги» гаремного свойства сделали ярким историческим персонажем Григория Распутина. Французский посол в Москве М. Палеолог вспоминал: «Сцена имела место в салоне ресторана «Яр», в Петровском парке. Сильно разгоряченный, Распутин принялся рассказывать с циничным воодушевлением о своих любовных похождениях в Петрограде...».

Благодаря подобным подвигам, престиж его святости возрастал с каждым днем. На улицах, когда он проходил, падали на колени, целовали ему руки, прикасались к краю его тулупа.

Дар провидца и исцелителя, который приписывали Распутину, иногда находил удивительное подтверждение. Но даже если таковой дар у него и был, то пользовался им старец весьма расточительно.

Эстафету Распутина принял один из вождей советского государства Л. Берия. Высматривая новых наложниц из окон персонального автомобиля, он впечатляюще развил коммунистический лозунг о необходимости сделать общим все, включая женщин. Большинство подобных «спецопераций» все еще покрыты завесой тайны во избежание скандальных разоблачений известных исторических персон. Впрочем, описание амурных похождений других, не менее известных деятелей, принимают уже эпические размеры.

С гаремами публика познакомилась в фильме «Белое солнце пустыни», где моральной устойчивый красноармеец Сухов преодолевает немалые искушения. Хотя в мечтах все же уносился таки в гаремные дали. А с многоженством – по песенке «Если б я был султан» из «Кавказской пленницы». Почему герой Ю. Никулина хотел иметь именно три жены – непонятно. Возможно, слово «четыре» просто не укладывалось в песенный размер. Но суть выражена верно: «Столько бед и забот...»

Эти напасти миновали популярного киногероя. Но миллионам наших незамужних женщин приходится сталкиваться с ними каждый день. Им просто негде взять законных мужей, «Потому что на десять девчонок по статистике девять ребят», как пелось в популярной некогда песне.

Странно, что никто еще не догадался организовать «Партию незамужних». Вот где была бы сплоченная сила! С по-настоящему животворной национальной идеей, переизбытком нереализованной энергии и нерастраченных чувств.

Для начала неплохо бы провести референдум. Чтобы женщины сами ответили на животрепещущие вопросы «Вы за гаремы или против?» или «Спасут ли гаремы страну от вымирания?». Хотя почему одни женщины? Пусть и мужчины ответят.

Но, как говаривал красноармеец Сухов, насчет референдума «это вряд ли». Результаты могут потрясти устои. Кто поручится, что не найдется масса одиноких дам, которые бы предпочли стать второй женой состоятельного мужчины, чем влачить жизнь бесправной любовницы, терпеть в мужьях человека, не способного обеспечить семью, или вовсе сидеть в «старых девах» вопреки свой женской природе? Или что пугающее число мужчин не скажет гаремам «Да»?

Не получится провести референдум – можно попробовать разместить в газетах объявление: «Ищу вторую жену. Любовь и полное обеспечение». На количество потенциальных претенденток вполне можно заключать пари. Особенно на фоне регулярных скандалов, когда у знаменитостей обнаруживаются все новые семьи и наследники, не говоря уже о когортах любовниц.

Количество гаремов неудержимо растет. Юридические формальности никого не смущают. Любовь, как известно, преодолеет все.

Если вспомнить недавнюю историю, то бывали случаи, когда в деревню возвращался с фронта только один из ушедших на войну мужчин. А через некоторое время численность населения заметно увеличивалась, и российская деревня возрождалась в прямом и переносном смысле.

Во время Кавказской войны, чтобы облегчить участь вдов и одиноких женщин, имам Шамиль разрешил им выбирать мужа по своему усмотрению. Как писал С. Эссадзе: «Названный мужчина, холостой или женатый, обязан был жениться на той, которая его выбрала».

Такова уж природа людей, что четыре жены могут родить четырех детей от одного мужа, но обратная комбинация невозможна.

Нынешнее российское село испытывает схожие трудности. Парни уезжают на заработки в города и редко возвращаются. Оставшиеся без женихов невесты все чаще вынуждены становятся женами «на стороне». И права множащихся российских гаремов никто не защищает. В то же время закон не запрещает и многоженство. Если старый УК, действовавший до конца 1996 г., сулил год тюрьмы или исправительных работ за «сожительство с двумя или несколькими женщинами с ведением общего хозяйства», то действующий обходит этот вопрос молчанием, которое легко принять за знак согласия.

Надо полагать, злостные многоженцы или исправились, или их жены предпочитали оставаться соучастницами преступления, потому что процессов по этой статье никто не упомнит.

О том, что гаремная идея не столь уж чужда российским гражданам, свидетельствует и неожиданный успех сериала «Клон», где современные гаремные страсти были продемонстрированы во всем многообразии. Не говоря уже о захлестнувших экраны телевизоров ток-шоу, посвященных вопросу многоженства.

Выясняется, что гарем теперь не редкость. Все чаще приходится слышать, что кто-то взял себе очередную жену, но слышать о том, что первая жена подала на развод или невеста отказалась стать очередной женой, мне не приходилось.

Я знаю немало дам, которые не прочь поступить в современный российский гарем. Это образованные, достаточно симпатичные и отнюдь не бедные женщи-

ны, с детьми и без. Некоторые из них прямо просили поинтересоваться у мужчин, которые им приглянулись, не согласятся ли те взять их второй или даже третьей женой? Когда личная жизнь не удается, а годы идут, становится не до сантиментов.

Если этих разных женщин сближает желание влиться в семью, пусть даже полигамную, то их «избранников» объединяет совсем другое – высокий общественный статус и немалые состояния. Как правило, эти последние качества роднят большинство мужчин, которые уже обзавелись несколькими женами.

Встречаются весьма разнообразные гаремные формы. К примеру, такая: одна жена за границей, другая в Москве, третья в провинциальном городе, а четвертая и вовсе в деревне. Эта гаремная география, как правило, соответствует основным миграционным маршрутам главы семейства. У некоторых жен и того больше. Но раз уж таково положение вещей, неплохо бы прибавить любвеобильным супругам и юридической ответственности перед их семьями.

С гаремными перипетиями я столкнулся еще во время учебы во ВГИКе. Оказалось, что у дедушек некоторых студентов из Средней Азии было по нескольку жен. Затем студент-болгарин познакомился с аспиранткой из Канады, дочерью очень богатых родителей. Та в него влюбилась и предложила пожениться. Но болгарин был женат и не знал, как сообщить жене о таком предложении. Как оказалось, боялся он напрасно: узнав в чем дело, жена сама настояла на его новом браке, убедив мужа, что только так он сможет обеспечить достойное существование ей и их детям.

Разумеется, никакая женщина не рада сопернице, но жизнь намного сложнее, чем арифметика ревности.

Гаремы становятся обыденным явлением не только в России, но и в бывших южных советских республиках. Хотя и там это связано не столько с религией, сколько с тысячелетними национальными традициями. Легализацию гаремов сегодня поддерживают и многие женщины. С весомыми аргументами в пользу разрешения многоженства выступила президент Лиги мусульманских женщин Казахстана Амина-апай Абдукарим-кызы.

Также, как и у нас, вопрос этот поднимается в парламентах, но пока не находит поддержки большинства.

Гарем прочно ассоциируется с Востоком. А потому нелишне будет прояснить, каким был восточный гарем на самом деле.

Ислам вовсе не вменяет в обязанность заводить гаремы. Мусульманам разрешается иметь до четырех жен, но при этом жены наделяются равными правами как в отношении мужа, так и в делах наследства и прав своих детей. А тем, кто относится к своим женам несправедливо, обещано страшное наказание.

К тому же, чтобы завести новую жену, одного желания недостаточно. Как правило, для этого требуются серьезные причины (бездетность, нелюбовь, болезнь и др.). И жених должен еще подтвердить свою способность содержать новую семью.

Французский писатель Жерар де Нерваль, внимательно изучавший жизнь народов Востока, свидетельствовал: «Мужчина, который в состоянии прокормить и прилично содержать нескольких женщин, то есть предоставить каждой из них отдельное жилье, служанку и два комплекта нарядов в год, а также каждый месяц выдавать определенную сумму на ее содержание, и впрямь может иметь до четырех жен, но по закону он обязан посвящать каждой из них один день в неделю, что далеко не всегда столь заманчиво... Ну а если речь идет только о том, чтобы иметь любовниц, то, честно говоря, такая возможность есть и у всякого состоятельного мужчины в Европе.

...Их верования и обычаи настолько отличны от наших, что мы часто можем судить о них, исходя только из наших представлений об испорченности нравов. Достаточно сказать, что мусульманский закон не считает грехом чувственность; напротив, она необходима для существования этого южного населения, которое много раз косили чума и войны. Но при этом отношения мусульман к своим женам, вопреки сладострастным картинам, созданным нашими писателями восемнадцатого века, полны достоинства и даже целомудрия».

Что касается «классического» гарема, то здесь была иная картина. Султанский гарем был не только личным делом падишаха, но и государственным учреждением со своей строгой иерархией: мать-султанша, жены, фаворитки и простые наложницы, целая армия воспитательниц, прислуги и т.д. Отдельной статьей числились евнухи, черные и белые, которые часто обретали такую власть, что перед ними заискивали министры, как, впрочем, и перед женами султана, которые оказывали значительное влияние на государственные дела.

Этим обстоятельством успешно воспользовался генерал-поручик М. Кутузов, когда был послом в Османской империи. Осыпав жен Селима III дорогими подарками, он сумел добиться заключения союза Турции с Россией против революционной Франции.

По сути, гарем представлял собой нечто вроде драгоценного тюрбана, возвышавшегося над империей. По тому, какие немыслимые суммы платились за редких красавиц, добываемых специальными агентами по всему миру, а также на невольничьих рынках, судили о тонкости вкуса и могуществе будущего обладателя этих гурий.

«Какой же счастливый билет в земной лотерее – жизнь падишаха! – писал Теофиль Готье. – Что такое Дон Жуан и его mille e tre по сравнению с султаном? Второразрядный искатель приключений, обманутый обманщик, чьи скудные желания – капризы нищего – исчерпываются горсткой возлюбленных, только и ждущих, чтобы их соблазнили, в большинстве своем уже соблазненных другими, имевших любовников и мужей... А султан?! Он срывает лишь самые чистые лилии, самые безупречные розы в саду красоты, останавливает взор лишь на совершеннейших формах, не запятнанных взглядом ни единого смертного».

Но редким владыкам удавалось распоряжаться гаремом в точном соответствии с его назначением. На то он и гарем, чтобы лишать рассудка своего повелителя.

Гаремы жили своей тайной жизнью, вырабатывая свой особый этикет, развивая традиции, совершенствуя структуру и впитывая опыт всего света. В результате возникла своеобразная культура, которая уже тысячи лет цветет и плодоносит под сенью загадочных сералей.

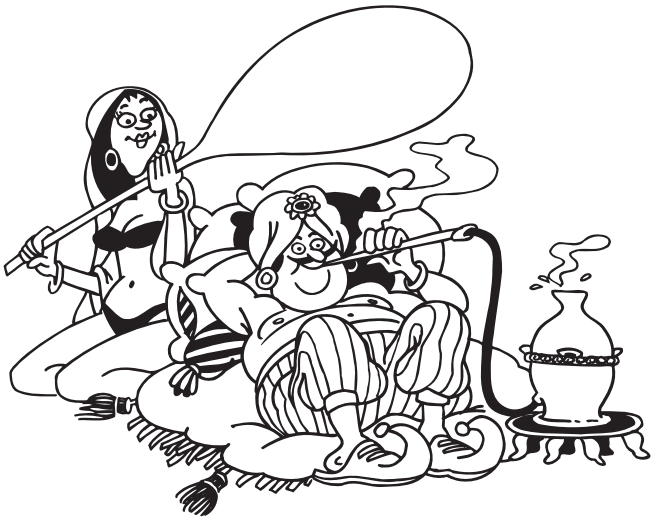
Внешне жизнь жен и наложниц султана, этой изысканной коллекции живых драгоценностей, была сказочной. Но под сенью «Домов счастья» ни на минуту не прекращалось самое изощренное соперничество. Понравиться султану и родить ему сына, который, даже если это ребенок бесправной наложницы, становился законным наследником и мог взойти на престол – эта цель оправдывала любые средства. Тем более, что налицо был головокружительный пример: султан Абдул-Меджид, правивший с1839 по 1861 гг., был сыном рабыни, состоявшей в гареме банщицей и удачно

попавшейся на глаза повелителю. После возведения сына на престол, бывшая банщица превратилась в первую даму государства с высшим титулом «Валиде-Султан».

В гаремных войнах в ход шли любовная магия и тайные снадобья, интриги и шпионаж, подкупы и предательства, отравления и убийства, в то числе и самих султанов.

Гаремы, по различным сведениям, насчитывали десятки тысяч наложниц. В «Книге рекордов Гиннеса» зафиксирован «официальный» рекорд: «Самым вместительным гаремом в мире был Зимний гарем Большого сераля в Топкапи, Стамбул, Турция, построенный в 1589 г. и имевший 400 помещений. Ко времени смещения Абдула Хамида II в 1909 г. количество его обитательниц сократилось с 1200 до 370 наложниц и 127 евнухов».

Во второй половине XIX в., под давлением европейской дипломатии, высшие турецкие чиновники пообещали произвести радикальную брачную реформу и перейти от многоженства к единоженству. Такой решительный отказ от гаремного коммунизма был воспринят как гигантский скачок в направлении европейского прогресса. Некоторые важные сановники действительно стали выезжать в свет с «единственными» женами, которые теперь именовались «госпожа». Эти дамы вдохновились реформами сильнее, чем вся Европа. Ведь таким образом они лишались молодых соперниц и становились единовластными владычицами сердца и состояния мужа.



Но очень скоро реформа обернулась громкими скандалами. Когда главный поборник моногамии скончался, оплакивать его прибыло несколько «тайных» жен с многочисленным потомством. Как оказалось, никто всерьез и не помышлял отказываться от привычки иметь несколько жен, просто жили они в разных домах. Это сохраняло семейный покой, а «прогрессивный» супруг делал им регулярные визиты, объясняя это «госпоже» служебными надобностями.

Если бы такое случилось сегодня, то возникло бы много дополнительных проблем. Так как официально возможен лишь один брак, то «неофициальные» жены и их дети неминуемо будут поражены в правах, если только эти проблемы не будут урегулированы справедливым образом, как то предписывает шариат.

Вместе с тем, гаремы – не изобретение любвеобильных султанов, они существовали везде и во все времена. И если ислам ограничил число жен разумными пределами – до четырех, то в окружающих странах полигамия практиковалась в невообразимых размерах.

Чудовищный темперамент римских императоров вошел в историю. Калигула строил публичные дома, возвел прелюбодеяние в ранг гражданской обязанности и брал с нее налог. «А по рынкам и базиликам были посланы глашатаи, чтобы стар и млад шел искать наслаждений; – сообщает Гай Светоний Транквилл, – посетителям предоставлялись деньги под проценты, и специальные слуги записывали для общего сведения имена тех, кто умножает доходы Цезаря».

Продолжатели дела предприимчивых цезарей заводили себе множество жен и почти официальные гаремы.

Генрих VIII, не получив разрешение Папы Римского на развод с опостылевшей женой, реформировал английскую церковь и был провозглашен главой церкви Англиканской. Но его шести женам легче от этого не стало, головы им рубили как простым смертным. Этот волнующий сюжет удостоился представления в музее Мадам Тюссо, где король наслаждается обществом всех шестерых жен сразу.

«Король-солнце» Людовик XIV, объявивший: «Государство – это я», украсил свои дворцы россыпью изысканных фавориток, купавшихся в щедростях лучезарного властителя. Фаворитки не только услаждали правителя, но и обретали политический вес, входя в государственные дела и ввергая короля в безумные траты.

Людовик XV пошел еще дальше, окружив себя роскошным гаремом на манер турецкого султана и провозгласив девиз абсолютного гедонизма: «После нас хоть потоп!». Его любовница маркиза де Помпадур обрела такую власть, что вошла в историю как самостоятельная фигура.

Маркиз Де Сад чудовищно «усовершенствовал» европейский вариант гарема, чем весьма гордился, живописуя свои «подвиги» в книге «Жюльетта»: «У меня два гарема: первый состоит из двух сотен девушек от пяти до двадцати пяти лет; когда они погибают, не выдержав жестокого обращения, я употребляю их мясо в пищу. Еще больше женщин от двадцати до тридцати лет во втором гареме и вы увидите, как я с ними обращаюсь».

Де Сад был заключен в Бастилию, где и писал свои мемуары. Освобождение его стало очередной гримасой истории: он вышел на свободу в результате Великой французской революции, символом которой стало разрушение Бастилии.

И.В. Гете писал в «Западно-Восточном диване»:

...Умел я песнями цветы
Срывать с их пестрой шали,
И жены, строги и чисты,
Мне верность соблюдали.

По популярной пьесе К. Брецнера «Бальмонт и Констанца» В. Моцарт сочинил оперу «Похищение из сераля». Талант композитора вкупе с экзотическим сюжетом и необычными героями (паша, евнух, янычары, рабы), принесли опере громкий успех.

Широкую популярность обрели сказки «Тысячи и одной ночи», которые открывали иной, чарующий мир, где сбывались мечты и самые сокровенные желания.

Европу охватила «восточная» эпидемия. Новые образы, чудесные краски, тягучие мелодии, кофе и опиум, прекрасные одалиски и свирепые евнухи, соблазнительные грезы и роковые тайны... Все это воп-

лощал в себе образ гарема, исполненный мистики и такой притягательный.

Каждый находил в нем свои потаенные желания, угасающее родство с первородными инстинктам или ностальгию по тем временам, когда красота имела достойную цену и утонченных ценителей.

До недавнего времени в США мормоны могли иметь до 10 жен. Их вынудили отказаться от этого обычая, хотя во всем остальном они являют достойный пример хозяйствования и воздержания от пороков вроде алкоголя и табака. Да и с многоженством, похоже, расстались отнюдь не все мормоны, и супруги их не выглядят от этого несчастными. Правда, самому рьяному поборнику традиции недавно присудили приличный тюремный срок, лишив семейного счастья его пятерых жен и около 30 детей.

Это еще можно было бы понять, если бы вместе с гонениями на гаремы в западном обществе не набирали силу тенденции по узакониванию однополых браков. Что-то тут не стыкуется. А теперь еще новая напасть – мода на асексуализм, то есть вообще без интима. Только работа, и никаких шалостей.

Помнится, попав в Европу, советские туристы первым делом отравлялись в публичные дома или на стриптиз.

В Амстердаме костел стоит у самого Красного квартала, на пороге, так сказать, вертепа. Согрешил с блудницей и тут же покаялся. Полный сервис. А между тем, Голландия – страна весьма пуританская, попробуй познакомиться с девушкой на улице, тут же получишь по всей строгости закона. Харасмент – новая победа феминисток, хотя и весьма спорная.

Современные европейские гаремы во многом похожи на российские. Есть деньги – есть женщины. Есть женщины – есть дети. Есть дети – пусть будут и семьи. Звезды этого не стесняются. Беспокоят их только иски, периодически вчиняемые обиженными супругами.

Что касается мигрантов, которых в Европе великое множество, то некоторые умудряются приезжать на заработки вместе со своими гаремами. Другие заводят себе европейских подружек, создают семью, получают гражданство, а затем привозят еще одну жену с исторической родины. У нас такое называлось фиктивным браком. Мигранты во втором или третьем поколении, уже равноправные европейцы, тоже порой вспоминают национальные традиции и заводят себе гаремы. Несколько таких семейств я видел в Лондоне и Амстердаме. Подозреваю, что в Европе таких неофициальных гаремов немало, учитывая размеры национальных общин. Судя по последним событиям, национальная самоидентификация выстояла под напором ассимиляции, а гарем – одна из самых живучих традиций. С гаремами приезжают и богатые гости. Но кое-кто предпочитает оставлять гаремы дома, чтобы обзавестись в Европе новыми.

Для более чем трети женщин большинства африканских и некоторых азиатских стран гарем – естественная и вполне законная форма семейной жизни.

В Саудовской Аравии, Сирии, Египте и некоторых других странах мне доводилось наблюдать типичную гаремную картину. К торговому центру подкатывает джип, напоминающий микроавтобус, из которого появляются жены и стайка ребятишек. Пока гарем занимается шопингом с оттенком развлечения, глава семейства скучает, покуривая сигарету или попивая кофе неподалеку от торгового центра. И в его глазах можно увидеть не только радость семейного счастья, но и печаль о том, что четыре жены потратят на покупки в четыре раза больше времени.

В таком же торговом центре я встретил и знакомую россиянку, которая радостно представила мне другую даму как вторую жену ее мужа.

В Индии меня уверяли, что женщин у них меньше, чем мужчин, а потому гаремы просто невозможны, несмотря на то, что «Камасутра» говорит об обратном. Однако там же один господин настойчиво предлагал мне временно обменяться женщинами. Девушки из нашей группы часто просили меня что-то перевести на английский, и этот многоженец, работавший в баре гостиницы, решил, что это мой гарем. Чем решительнее я отказывался, тем яростнее он нахваливал своих дам, особо напирая на прелести той, которая ждет его у гостиницы на заднем сидении мотороллера.

В том, что гарем – древняя индийская традиция, может убедиться любой желающий, посетив Храмы любви в Кхаджурахо. От фундамента до куполов храмы украшены скульптурными изображениями, иллюстрирующими все стадии восхождения к высотам чувственности. Когда я спросил у экскурсовода, что означает композиция, где принц услаждает сразу трех жен, стоя при этом на голове, экскурсовод с затаенной завистью ответил, что это уже не просто любовь, а медитация.

Роскошные и многочисленные гаремы и сегодня украшают владения некоторых правителей, диктаторов, племенных вождей, пиратов, наркобаронов и прочих могущественных господ.

Самые «продвинутые» гаремы пополняются уже не за счет жертв морского разбоя или работорговли, а вполне цивильно. Для этого создана целая индустрия. Специальные агенты, какие были и у турецких султанов, посещают самые престижные конкурсы красоты и прочие мероприятия, где «товар» предлагается во всей красе. Далее следуют заманчивые предложения и контракты. Похоже, контракты весьма впечатляющие, если такой элитной наложницей несколько лет была даже «Мисс США – 1992» Ш. Маккетик. Нынешние «рабыни любви» зачастую вполне довольны жизнью и высокими гонорарами.

Модернизированные серали, разумеется, не имеют того масштаба и значения, какие были присущи «классическим гаремам». Зато все чаще можно наблюдать, как вчерашние противники полигамии, сумевшие сколотить приличный капитал, уже не прочь порассуждать о том, что не такие уж варвары были эти древние, когда окружали себя самыми прелестными созданиями всех рас и народов. Ведь куда приятнее наслаждаться чудесным садом, чем топтаться на скучном аккуратном газоне.

Налицо контрреволюционная ситуация, когда низы еще только хотят, а верхи уже могут. А то, что можно верхам, со временем становится доступным и для остальных. Любопытно будет посмотреть, в каких формах это выразится. Полагаю, нас ждут большие сюрпризы.

Единобрачие, как показывает история, не всегда выдерживало испытание временем. Жизнь берет свое. И то, что противоречит ее ходу, неминуемо терпит поражение. Да и демографический кризис, несмотря на заклинания блюстителей моногамии, неудержимо надвигается.

ОТ РЕДАКЦИИ:

Тем, кто хочет узнать больше о гаремах, их истории, устройстве, тайнах и многом другом, рекомендуем прочитать популярную книгу Ш. Казиева «Повседневная жизнь восточного гарема», которая представляет собой своеобразную гаремную энциклопедию. (Издательство «Молодая гвардия», Москва, 2006 г.).

ОТЧЕГО РАСТУТ ДЕРЕВЬЯ

Вадим КЕРАМОВ

ВЕЧЕРИНКА

Когда стаканы отобьют
Двенадцать, гости поплывут
По комнатам, в хмельном дыму
Делясь попарно...

Не сыт, не голоден, не пьян
Остаток ляжет на диван,
Луна придвинется к окну
Высокопарно...

И по-есенински насквозь
Лизнет его хозяйский пес,
Просунет морду и давай
Лакать былое...

Про два кораблика в пруду,
Про две ракиты в том саду,
Про все минувшее, когда
Их было двое...

КОТЫ

Ты призналась, что Василий
Ровно год
Как скончался без усилий
И хлопот.

Был еще один, но, бестия,
Ушел.
Ты с Филлипом, и тебе с ним
Хорошо.

Дождь то капает, то хлещет –
Бестолков.
Я считал ушедших женщин,
Ты – котов.

Набрала в саду скамейка
В рот воды.
Годы бегают скорее,
Чем коты.

* * *

Отчего растут деревья?
От слезы горячей.
Отчего луна не греет?
Оттого, что плачет.

Разве плакать хорошо?
Хорошо, мой милый.
Отчего же хорошо?
Оттого, что в мире

Нет не плакавших, сынок, –
И не быть иначе.
Тайно от людей и бог
Молится да плачет.

ПОПРОШАЙКА

Я убегал из дома от судьбы,
Я побывал на всех дорогах мира,
Но жизнь всегда,
всегда проходит мимо –
Не проходите вы.

Раскройте зонтик мне над головой
Или возьмите
в теплую подмышку,
А если вы страдаете одышкой –
Дышите мной.

А если я пристану к каблукам,
Вы не крепитесь,
бейте сколько нужно.
И коли этим познается дружба –
Она крепка.

* * *

Ниже других этажей
В комнате сваренных окон
Я разлинованным оком
Жизнь познаю гаражей.

Дождь без усилия смыл
Краску твоих обещаний,
Я окружен вещами,
Потерявшими смысл.

Только дурак навестит
Эту гробницу духа,
Только шальная муха
Над головой свистит

В доме, где все “от и до”
Сделано из молчанья.
Грач, головой качая,
Мимо окна идет.

* * *

Так недолго свихнуться:
Глядеть и глядеть на часы –
Временем поперхнуться...
Ну, предположим, сын,
Дом, выходные на даче
И чемодан удач –
Буду ли я и дальше
Вас приглашать на плач?

Буду – и нет сомнений,
Так же, слагая стих,
Выть, обхватив колени,
Голову опустив.
Будет страшней и дальше
Время блюсти предел
На безымянном марше
Неунывающих стрел.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Заря вставала над селом,
Дорогу ночью замело,
По снегу с голубым отливом
Иду я первым и счастливым,
И грач, танцуя головой,
Идет за мной, идет за мной...

Ни петухов, ни детворы –
Дома пустые и дворы.
И тишина неуловимой
Догадкой проплывает мимо.
Все выше поднимался день.
Скажи плетень, где твоя тень?

Здесь я родился, здесь я рос.
Здесь обернулся в полный рост
На путь проделанный никчемный
Села глухого посреди.
Я был один и не один –
Ведь он стоял, не уходил:
Клювастый, маленький и черный.

СЕРДЦЕ

У меня болит сердце
По-настоящему,
Я пил водку с перцем
И ел горячее –
Не помогло.
Я читал-перечитывал
Поэтов кучу,
Видел боль нарочитую –
Мне не стало лучше.
У меня болит сердце
По-настоящему,
Я лежал целый месяц
Все ел горячее –
Не помогло.
В темноте помещений
При каждом случае
Я просил прощения –
Мне не стало лучше.
У меня болит сердце
По-настоящему,
Молодое деревце
Сыграло в ящик...

* * *

Солнце мое рукотворное,
Не покидай зенит.
Скоро, поверь мне, скоро
Буду я знаменит.

Буду стоять у парадного,
Книжечку теребя.
Солнце мое ненаглядное,
Как же я без тебя.

ОБЛАКО

Облако автономное,
Медленное и томное
Шло потайными тропами
К тополю.
Пар выдыхая, топая,
Руку об руку хлопая,
Я наблюдал за хлопьями.
Копьями
Встречено, изувечено
Бледное и не вечное
День напролет и вечером.
Комьями
Непосвященных радуя,
Падая, падая, падая
Город лишает облика
Облако.

КАЧЕЛЬ

Я был в саду в вечерний час
Качелью приглашен на вальс.
Сентябрь сыпал конфетти,
Мидас вслепую золотил
Скамью, аллею и меня.
Жизнь будто началась с нуля,
Едва качалась колыбель,
Но бьет копытами качель:
Дитя, расшатывая мир,
Желая знать, что там внутри,
Я наблюдал, восторга полон,
Великосветские дубы,
И поднимаясь в полный рост,
Я облаков тугую гроздь
Едва ухватывал в руке
И падал камнем вдалеке.
Луну, не выше головы,
Я называл на “ты” и “вы”,
Когда, глаза мои слепя,
Она толкала от себя.

* * *

Погляди, как снег идет,
Дым клубится в небе.
Курит Бог, на городок
Отряхая пепел.

Белым псом блестит гора,
Недовольна очень,
Что с утра вся детвора
Покататься хочет.

И, захваченный игрой,
Дядя в полушубке
Прыг да скок через сугроб,
Оставляя лунки.

А снежинки, погляди,
В стекла так и бьются –
Их не вынуть из груди,
К ним не прикоснуться.

* * *

Стянуты выси,
Неводом словно,
Плещутся листья
Скудным уловом.

В переплетеньях
Тонущей сети
Перипетия
Славы и смерти.

Машет, качаясь,
Клен мой случайный:
То ли прощаясь,
То ли встречая.

* * *

Ночью хорошо, когда один.
И фонарь, высокий господин,
Льет густую синюю гуашь
На тебя, деревья и гараж.

Ночью хорошо, когда звезда
Выпорхнет из своего гнезда,
Загадать желанье – все одно
Сбудется, не сбудется оно.

Ночью город, как младенец, тих.
Вот и время нагулять мне стих,
Золотые слитки на земле
Собирая на калым зиме.

* * *

Деревья треплются
о чем-то о своем.
Для тех,
кому ночами не здоровится,
Аллея разольется соловьем,
Прохожий остановится.
И высоко приветствует луна
И клен, мой конь,
ласкаясь, наклоняется.
И жизнь, казалось бы
допитая до дна,
До края наполняется.

* * *

Надо мной без перемен,
Листья, не кружите,
Завещала мать в письме
Жить и жить и жить и...

Я забрел к вам подобрать
Слово среди прочих,
Рифмовать на “умирать” –
Ничего нет проще.

Миллионы лет не врут
Истины простые:
Вспыхнули мы на ветру –
На земле остынем.

* * *

В черных фраках фонари
Выступают в ряд,
На дорогу до зари
Смотрят и горят.

Так же голову клоня
На свой черный фрак,
Вечером такого дня
Я сойду во мрак.

Обернусь и, как фонарь,
Брошу мертвый свет
На прошедшее и на
Шедшего вослед.

ТОПОЛЯ

Заира ГАДЖИБАЛАЕВА

Часть I
ХУДОЖНИК

Никто с утра не звонил. Казалось, утро еще не проснулось: его не потревожили шум птиц за окном, музыка, точнее, тупой монотонный гул, сочащийся сквозь потолок и стены, или монологи телевизионных дикторов, оттуда же, спешащих освежить новый, еще ничем не оскверненный день: терактами, падениями самолетов, предвыборными агитациями, птичьим гриппом, да мало ли еще чем может начаться апрельский день... Но было тихо. Даже Мэй не звонила. Марат потягивал горячий кофе у открытого окна. Как хорошо за окном движутся ветви тополей, растущие откуда-то снизу куда-то далеко в небо! «Шшшш, – а потом опять: – Шшшшш...». Еще голые, но уже воодушевленные весной, в предвкушении новой быстротечной жизни.

И тополя уходят –
Но след их озеристый светел.
И тополя уходят –
Но нам оставляют ветер. *

«И ветер... И ветер...» – не помню. Он закрыл скрипучее окно на щеколду, посыпалась облупленная белая краска.

Марат натянул холст, установил его на высоком стуле, служащем мольбертом. По звуку он определил, что вода, капающая из регистра, наполнила таз. Опорожнил его. Вернулся к холсту. Пальцы коснулись холста, – как слепец, пытающийся различить лицо на ощупь, они гладили каждую выемку, бугорок, бережно прочитывая будущий цвет, который здесь возникнет, текстура ткани говорила пальцам, какая мысль воплотится в образ, нашептывала грусть ли, тоска выльется в оттенках или, напротив, – радость уснет навек на этих простынях. Здесь, слева, охра превратится в розовую тень, как песочные часы пересыплется в трогательный, неуверенный изгиб, почти плачущий; справа цвет сирени настолько оживет, что заставит слышать запах этих цветов... Сирень взорвется, задушит в ветреном шумящем поцелуе и тихо в трепетной агонии угаснет. «Это будет здесь...» – шептал он судорожно, касаясь холста пальцами: «Здесь будет душа, она взовет, она заставит оглянуться, полюбить тебя или возненавидеть». Он писал весь день, и, только заметив за окном, как ветви тополей почернели на синем фоне, он вспомнил, что утро так и не проснулось сегодня: умерло во сне, и уже наступил вечер, а Мэй так и не позвонила. Марат надел пальто и вышел из дома.

Вечерние улицы – в яркий электрический горох фонарей, неоновых рекламных щитов, бесчувственных глазниц проезжающих авто – шумные, веселые, гулкие, с подвижными реками пешеходов растворяют в себе все. «Как растворимый кофе, – подумалось Марату, – через секунду и я стану – еще недавно крупица – общей массой крепкого непервосортного кофе».

В пальто было зябко, улица Ленина – бесконечна; он уже не помнил, зачем он идет по этой улице и куда, не осознавая, почему эти дороги, и груды фонарей, и кусты, старательно подстриженные, и разбитые лавочки называются улицей Ленина, которого никто не чтит, как он когда-то в детстве мог сразу дать абсолютно искренний ответ на дурацкий вопрос воспитательницы: кого ты любишь больше маму или дедушку Ленина, – «обоих». И за это она одаривала его своей широкой усатой коммунистической улыбкой. Так вдалбливалось это чувство восхищения и преданной любви к Ленину, что члены семьи Ульяновых были ближайшими родственниками, и не дай бог забыть день рождения купидоноподобного, зияющего в центре звезды мальчугана на синем школьном костюме – все! В пионеры примут в самую позорную последнюю очередь. А теперь стоит огромный, вроде даже симпатичный дядечка, широко взмахнув рукой и нет никому дела до него. И снести вроде как жалко, да и возводить кого?! Претендентов окажется не мало. Расул Гамзатов? Имам Шамиль – затасканный национальный герой? А может, еще кто? Так и стоит Ленин вне времени, вне конкуренции. А улица, знай себе, кишит мерседесами, да новостроями, так что название вроде как псевдоним, и от этого ненастоящего почему-то грустно. Внимание Марата привлекла цветочница, вернее не сама цветочница, а цветы – синие розы.

– Синие розы могут быть только в идеале, – сказал он женщине.

Она с подозрением покосилась на него, потом решила, что ослышалась, и свойственным ее ремеслу звонким голосом проорала:

* Ф.Г. Лорка. Прелюдия.

– Покупайте цветы. – Обратилась к Марату: – Молодой человек, купите розы для своей избранницы.

Он вынул содержимое карманов: хватило лишь на одну, купил и поспешил к Мэй.

Мэй была бледна и особенно красива сейчас: контраст бледной кожи и смоляных волос делал ее похожей на девушку со старинных японских панно, вот только футболка и джинсы выбивались. Этакая героиня Харуки Мураками.

– Привет, – сказал он и протянул ей розу.

– Синяя, – улыбнулась она. – Думаешь, вывели новый сорт?

– Надеюсь, что да. Если холстом могут служить и лепестки роз, то искусство не вечно!

Он не знал, что еще сказать, потупил взгляд в ее футболку, на которой был изображен логотип какой-то фирмы; он смотрел на него и вдруг подумал, что Мэй очень похудела, кажется, раньше этот значок был растянут, и сквозь краску проступала белая основа, а теперь он стал правильной формы.

– Ты не позвонила сегодня, я, кажется, скучал... И ты бледна.

Мэй спрятала какую-то зеленую тетрадку в стол.

– Со мной все в порядке.

Она сходила на кухню, принесла кое-какой еды, яблок. Они ели.

– Что ты писал сегодня? – спросила она лениво и уселась в мягкое кресло.

– Портрет твоего плеча.

Мэй перестала жевать, ее щеки порозовели, как яблоки в вазе. Всякой девушке к лицу стыд, или застенчивость – в этом осталась какая-то женственная трогательность, очень редко встречающаяся в современной женщине с сигаретой в алых губах, эмансипированной, идущей твердым шагом на работу, в офис зарабатывать деньги, завоевывать мир.

– Ты очень красивая, Мэй, – продолжал Марат с бутербродом в руке. – Очень хороша с этим румянцем. Но ты... похудела... немного... Нет, ты очень похудела! Ты не больна?

Мэй уронила чашку с чаем, и она разбилась вдребезги; недопитый чай залил часть журнального столика и пол. Они начали собирать осколки, неловко стукаясь друг о друга. В этих коротких стукающихся прикосновениях Марат чувствовал, как Мэй дрожит. Она всегда дрожала, когда нервничала, и еще у нее холодели пальцы, и он точно знал, что сейчас ее пальцы, как ледышки. Ему хотелось их согреть, но он почему-то не сделал этого.

– Я приду к тебе завтра, а сейчас уходи, – потом помолчала и добавила, словно ей кто-то перечил: – Да, я приду завтра.

* * *

Она пришла. Тихо вошла в комнату, чтобы не разбудить Марата, но он уже работал.

– Прости за вчерашнее, я прогнала тебя.

– А, Мэй, привет.

Он кажется не услышал извинений, указал на холст, ожидая отзыва. В комнате царил утренний, бессолнечный полумрак, но свет падал на холст и очень четко освещал его.

– Никогда бы не подумала, что у меня такое плечо, – прозвучало полурастерянно. – Оно переполнено цвета! Похоже на угол стены и на обкат волны... а еще... – Мэй приблизилась к нему настолько близко, что чуть не коснулась холста носом, а потом отошла на несколько шагов. Ее брови силились слиться в одну единую полоску, но вместо этого между ними рождалась едва заметная морщинка. – А еще на мое лицо.

Она уверенным движением сняла пальто и бросила его на диван, потом повернулась спиной к Марату и сняла свитер, приложила его к груди, так что из горизонта свитера бежали две черные дорожки и огибали ее плечи. Мэй посмотрелась в зеркало, старое, тусклое в ветхих пятнах. Опустила черные полоски на предплечья и повернулась к Марату.

– Вот.

Марат, до сих пор наблюдавший ее, теперь, вышел в другую комнату. Мэй услышала, как он выливает воду из таза – регистр все так же протекал – с грохотом установил таз на место и вернулся.

– У меня же холодно, почему ты не одеваешься?

– Мое плечо, вот оно.

– Я знаю его.

– Разве это то, что ты пишешь?

Марат обернулся на свою работу, потом опять внимательно посмотрел на ее плечо: оно было гладким, красивым, словно бледно-розовый мрамор.

– Я знаю твое плечо, одевайся, ты замерзнешь.

Не дожидаясь ее действий, он подошел и бережно, как на ребенка, стал надевать на нее свитер: сначала один рукав, затем другой, из горловины показалась ее растрепанная голова. Он погладил ее шелковые прямые волосы, коснулся губами – они пахли ромашкой. Марат вдруг заблудился в этом запахе, в этом ромашковом поле, где так спокойно и хорошо дышать им. Простоять бы так вечность, вдыхая запах ее волос!

– Мэй, может быть, кофе? – тихо спросил он.

Апрель выдался серым и сырым. От этого больше хотелось к морю. Марат бродил по пустому пляжу, ботинки зарывались в мокрый песок, иногда натыкаясь на пустую банку кока-колы или огрызок кукурузы, – в сезон их еще больше, оставленных после каждого «отдохнувшего коврика».

Волна догоняет... Догнала, промочила ботинки. Летом море напоминает человеческое пастбище, либо лежбище... Шумит, волнуется и опять – теперь уже ноги в ботинках хлюпают: «Хлюп, хлюп».

Пожалуй, холодно... Но и домой не хочется. Скоро потеплеет, и уже не остаться с ним вот так – один на один. Смотришь на эту гигантину и любишь ее вселенскую мощь. Пусть и холодно – озноб по коже, кулаки сжаты синие, а все равно хочется кричать в бескрайность, в ту самую полоску, разделяющую две стихии, в те самые воды, устланные у ног, страшные, прекрасные.

Дождь испещряет море точечными каплями, а оно ластится, ластится, да как ударит. Не в духе. Пальто на плечах отяжелело, шарф уже не греет, а студит. Пора домой. Марат взглянул на море сквозь газовую вуаль дождя. Но что это за белая точка в волнах?! То отдаляется, то вновь почти у берега. Чайка. Море дразнило его, завлекало, то, отбрасывая несчастное тельце куда-то далеко, то, пронося его прямо перед носом, – оно играло с ним, как избалованное дитя, признающее только свои правила игры.

– Ну же, отдай мне ее, – Марат шептал, как в бреду.

Он был уже по пояс в воде, пальцы окоченели, пальто тянуло упасть и забыться навсегда, а волны били со всех сторон в радостной иступленной истери-

ке. Вода залила уши, нос, глаза – тела уже, как будто и не было. Он ничего не чувствовал, кроме холода.

Глазам стало больно от света, хоть и приглушенного. Он увидел прикрытое тучами небо, почувствовал ветер на своем лице, и откуда-то доносился покорный шепот моря, похожий на шум в душе.

Марат попытался встать – все болело, тяжелая мокрая одежда липла к телу, мешая двигаться. Чайка лежала рядом, расправив крылья, как в полете. Марат огляделся вокруг – просторы пляжа были неописуемо одиноки. В воздухе витала весна, стерев все следы вчерашней осени. Он еле встал, взяв истерзанную птицу, и побрел вдоль берега. Под огромным черным камнем он выкопал ямку и уложил чайку, бережно, расправив ей перья белые-белые. А глаза у нее были маленькие, как будто с прищуром, как будто она жива. Закопал.

Мэй стояла у окна, глядя, как корявые тополя, изрытые глубокими морщинами, шатались в вальсе, так однообразно и тоскливо под аккомпанемент ветра. «Шшшшш...». Смотришь вот так из окна и кажется, что нет больше в жизни ничего, кроме этого ветхого иллюминатора и этого щемящего вневременного «Шшшшш...». Мэй нашептывала:

«И тополя уходят –
Но след их озеристый светел.
И тополя уходят –
Но нам оставляют ветер».

– Мэй, – раздался позади нее из глубины комнаты тихий голос. – Что ты шепчешь?

Она обернулась, все продолжая свой таинственный шепот: «И ветер умолкнет ночью, обряженный черным крепом. Но ветер оставит эхо, плывущее вниз по рекам».

– А я не мог вспомнить, – Марат с трудом улыбнулся. – «Но ветер оставит эхо», – повторил он, – «оставит эхо...». Мучают меня эти тополя, Мэй.

Его глаза наполнились влагой. «Вчерашнее море», – подумал Марат. Мэй подошла к Марату, она взяла его руку, ее глаза плакали, а губы шептали:

«А мир светляков нахлынет –
и прошлое в нем потонет.
И крошечное сердечко
раскроется на ладони».

– Вот видишь, мой художник, – она улыбалась, а глаза все же плакали. – Все в жизни так бесценно! Все имеет очень высокую цену и не имеет никакой цены.

– Я не мог иначе. А вдруг она оказалась бы жива? И даже если нет, я не мог оставить ее.

– Конечно, нет.

Слезы из глаз Мэй полились вчерашним дождем. Ее головка вздрагивала, и черные гладкие волосы тоже вздрагивали, как натянутые струны. Марат не пытался успокоить ее, он любовался ею, он задумал писать ее плачущие глаза, и слезинки, и эту музыку ее черных волос, он целовал ее ладони, белые и холодные. Вдруг она жестоко раскашлялась, она хотела скрыться, но Марат не выпустил ее рук.

Вечер тускло просачивался в квартиру, и совсем не хотелось видеть Мэй в такой печали. Марат предложил ей сходить в клуб, где собиралась так называемая богема, золотая молодежь, более или менее творческие люди, водящие дружбу с этой самой «богемой», более или менее. У Мэй тоже водились там знакомства и, наверняка, она развеется, думал Марат, хотя сам бывал там крайне редко.

Пальто просыхавшее, аккуратно разложенное на стуле, возле регистра, было еще совсем сырым. Пришлось идти в легкой ветровке. Джинсы старые, полувлажные башмаки, взъерошенная копна кучерявых волос, спадающих к плечам, шел он рядом с Мэй, красивой, благоухающей, слегка улыбающейся, с непроветренной печалью в глазах.

– Хорошо! Правда?! – сказал он.

– Да, хорошо... Мне хотелось бы, чтоб дорога никогда не заканчивалась.

– Чтоб дорога ни к чему не вела? – переспросил Марат.

– Чтоб дорога никогда не заканчивалась, – настойчиво повторила Мэй, делая ударение на слове «никогда».

Она засмеялась, но как-то не смешно было ни ей, ни ему.

– Вот мы и пришли. Слишком быстро, – неловкая улыбка на его лице говорила о сожалении.

Хотя он и бывал здесь не редко, ему всегда очень тяжело давалось вхождение, Марат не терпел взглядов, обращенных к нему сквозь смог. Он не любил этой праздности, жалея время. Устроились за столиком в полумраке, хотя свеча на столе и настраивала на некую романтичность, а музыка битлов воодушевляла на подвиги и чистосердечность, Марат чувствовал себя неуютно. Новопришедшие подходили к Мэй, девушки радушно прикладывали щеку к ее щеке, целуя воздух, и так рады были ее видеть! А их спутники, бросающиеся пустыми репликами, типа: «О-о-о, кого я вижу!» или «Ты необычайно хороша сегодня!» – не испытывая к данному объекту ни малейшего интереса, спешащие поскорее избавиться от встречных излияний, дабы занять еще пустующие в зале места, приводили Марата в замешательство. Он чувствовал ложность происходящего и не мог принять этих условностей, даже ради Мэй.

Мэй, казалось, немного повеселела, на ее щеках даже вспыхнул румянец. Марат был очень этому рад, но мало понимал, что общего между Мэй и этими людьми.

Все столы уже были окружены хороводом сидящих, хохочущих, курящих и о чем-то толкующих людей. Марат молча смотрел на нее, выплывающую из мрака, и освещенную желтым светом свечи. До него доносились обрывки фраз: «Я буду пиво... Не стоит внимания... Дура... Ненавижу эти сигареты... Хочу...», и он не мог осознать ее рядом с этими выкриками, рядом с хохотом и ржанием.

– Как ты можешь здесь, Мэй? – спросил он шепотом, слегка наклонившись вперед.

Она виновато улыбнулась, ей, кажется, стало неловко за этот клуб, за этих людей.

– Здесь бывают очень интересные люди, – ответила она также шепотом и тоже наклонилась.

Тут вошла шумная компания из четырех человек, они оглянулись по сторонам и, обнаружив свободные места лишь за их столиком, направились к ним. Последовало вышеупомянутое приветствие, и, не спрашивая разрешения, все они вторглись на их территорию – сели за их стол. Рядом с Мэй уселся молодой человек, изысканно одетый, немного смугловатый, с ослепительной улыбкой – в общем, красавец. Он сделал щедрый заказ и что-то шепнул Мэй на ухо, на что оба рассмеялись. Мэй явно его интересовала.

– О, Марат, это мои друзья, познакомься с ними, это – Камиль – он архитектор, – Мэй изобразила на лице нечто вроде просьбы быть полюбезнее. Камиль улыбнулся благосклонной улыбкой, обнаружив белоснежные зубы. У него были прекрасные манеры, держался он, как франт: вовремя улыбался, вовремя угощал, вовремя вставлял поговорку или пословицу (хотя часто она оказывалась как раз и не к месту). Безукоризненной белизны воротнички говорили о его безукоризненной, беззаботной жизни, и Марату становилось неловко за свою изношенную куртку, прошлогодние джинсы, руки с въевшимися в кожу красками. Затем Мэй представила Марату Диану, еще не выученную художницу – студентку, напоминавшую Джоконду Леонардо, такую же белесую, со скрытыми чувствами, неведомыми никому, даже ей самой. Ее подруга – Аида, просто подруга. И Арсен – юрист, немного интересующийся литературой, немного музыкой, немного фотографией, да всяким понемногу – тоже заядлый ходок по клубам. – А это Марат, – сказала Мэй, как-то очень просто и очень многозначительно.

– Тот самый Марат?! – воскликнула Аида и чуть не подпрыгнула на стуле.

– Марат?! – удивилась и Диана.

Марат немного растерянно стал оглядываться, не совсем понимая, что значит это – «Марат?! Марат?!».

– Вы что же не в курсе? – вмешался Камиль. – Я недавно вернулся из Парижа, побывал на выставке современного искусства, – он взглянул на Мэй и продолжил: – Теперь, я полагаю, мы можем открыть нашу маленькую тайну: Мэй отправила вашу работу...

Марат вопрошал.

– Помнишь, ты подарил мне «Красное»? Я отправила ее на выставку.

В ее глазах была просьба радоваться вместе с ней. Она обратилась к Камилю:

– Что же, Камиль, говори...

– Ваша работа, Марат, была признана одной из лучших работ молодых художников начинающегося столетия. Вы непременно получите извещение и, кажется, еще денежное вознаграждение.

Сидящие за столиком были так воодушевлены и так горячо поздравляли Марата! Решено было распить шампанского, и Мэй так веселилась и была так счастлива!.. Марат смотрел на эти желтые лица, выплывающие из темноты, веселые, и не мог понять их радости, что именно радует этих совсем чужих ему людей, и что общего между ними и Мэй.

– Ты не рад? – спросила она.

– Это был всего лишь мой подарок, Мэй, и он предназначался тебе. Теперь им владеют все.

Все умолкли на миг. Заиграла «Yesterday».

– Ты не рад? – снова спросила Мэй. Теперь ее голос звучал тише.

Марат оглядел всех за столом, удивленных, поверженных в смятение, и на Мэй – напуганную.

– Рад, Мэй, – он сделал над собой усилие – улыбнулся.

Снова зашевелилось, захохотало, закипело. Диана, уже немного захмелев, обратилась к Марату:

– Только одного я не могу понять. Как будущий художник, я должна спросить...

– Художник не может быть будущим или прошлым. Художник – это суть, – ответил Марат.

С бокалами шампанского, испепеляющих сигарету за сигаретой, всех заинтересовал этот разговор. Диану немного смутила эта ремарка, но вскоре самообладание к ней вернулось, и она продолжила:

– Я видела буклеты (Камиль и нам привез), так вот, на картине нет и мазка, сделанного красным цветом.

– И, что же? – недоумевал Марат.

– Почему работа называется «Красное»?

«Oh, I believe in yesterday...» – пелось в песне на фоне общего гула.

Он смотрел на девушку – художницу и чувство неоправданности и стыда мешало ему вымолвить и слово.

– Что ты, Диана! – воскликнула Мэй. – Средь стольких цветов и оттенков, средь стольких холодных мазков, передающих нам волнение, любовь, наконец, – страсть, нет единственного, самого пламенного – красного... – Она не говорила, она умоляла понять эти простые вещи. – И неужели работа не заставляет тебя вспомнить о красном? О самом страстном цвете? Ведь страсть можно передать и без него, без красного. Ее невозможно не почувствовать, глядя на картину – это же необыкновенно!

Мэй вглядывалась каждому в лицо, словно видела их впервые, в недоумении, с просьбой, она так была взволнованна, что кашель прерывал ее, ей стало трудно говорить, и совсем уже раскашлялась.

– Ну, конечно, Майя, – Камиль успокаивал ее, – конечно, так и есть.

– Выпьем за «Красное»! – воскликнул Арсен, – это мой любимый цвет, в конце концов.

Все дружно рассмеялись.

– Мэй... – обратился Марат.

– Хотел спросить тебя, Марат, почему ты обращаешься к Майе, как к «Мэй».

– Разве она не напоминает вам японку? – удивился Марат.

– И в самом деле, похожа, – расхохотался Арсен, – выпьем за Мэй.

А потом пили за будущее Дианы, как великой художницы, и за Аиду, как за подругу великой художницы...

Было поздно. Камиль развозил всех по домам и, так как Мэй жила ближе, ее довезли раньше. Марат не успел с ней попрощаться, как следует; его довезли последним – он жил дальше всех.

Проходили дождливые дни. Мэй не приходила. Марат думал о ней, но был занят работой: он писал новую картину для вернисажа. Каждый год проводился вернисаж, где принимали участие все художники – сколько-нибудь известные и именитые таланты. Это была очень серьезная выставка, работы попадали в Москву на следующий конкурс, а затем проводился всероссийский конкурс заветной платиновой кисти «Художника Нового Века». От всей республики отправлялась лишь одна работа. Мэй очень просила Марата принять участие в вернисаже. Он делал это теперь только ради нее. Время от времени регистр отвлекал своей слезливостью, дождь – своей слезливостью, тополя и те, обтекающие каскадом дождевых капель – своей слезливостью. Было очень сыро и холодно. Марат работал, медленно и трепетно перебирая холст пальцами, как пианист клавиши фортепьяно, и что-то шептал; в его воображении проходили застывшие картины или фотографии, что, так или иначе, оставит свой слепок в работе. «Осколки горы, нежный песок... Мудрец или ребенок?! Это – все равно... Тихо. Закат, рождающий ночь, и ночь, рождающая день. Ни времени года, ни века. Кто он этот ребенок

или мудрец?!» – проносилось в голове. Одна мысль опережала другую и застывала на холсте. Беззвучие... Величие... Иногда он вспоминал и бежал, но таз уже был переполнен и вода заливала прохудившийся коврик. Приходилось протирать пол, потом захлопывать раскрывшуюся форточку на кухне, сквозь которую пробирались ручища тополей. Холодно.

Вечером Марат почувствовал давящую боль в шее, плечах, спине. Он устало рухнул на старый диван, который, протестуя против его эксплуатации, заскрипел, закряхтел и грозился вот-вот развалиться на части.

Марат глядел на работу и думал о том, что не плохо было бы и перекусить. На кухне отыскалось кое-что съестное, выпил, обжигая губы, горячий кофе и поглядел в окно. Оно так разрыдалось, что и тополей не было видно. Неистовый дождь свирепствовал. «Холодно и одиноко», – пронеслась мысль в голове. И потом: «Мэй... Мэй...». Марат кинулся в прихожую, сорвал с вешалки пальто и шарф и бросился в сырую действительность.

* * *

Дверь открыла ее бабушка. «Старая японка», – подумалось Марату.

– Майя уже спит, Марат, – категорично заявила она.

– Кто там, бабушка? – послышался голос Мэй из соседней комнаты.

– Мэй, – рванулся Марат уже без спросу в ее комнату.

Мэй лежала в постели очень бледная и осунувшаяся, она поспешила спрятать под подушку тетрадку, которую Марат видел уже не однажды, но не имел о ней более никакого понятия. Его поразило ее уставшее выражение лица. Волосы спутались и были тусклы, бледные губы силились изобразить нечто вроде улыбки и в то же время не могли скрыть смущения.

Бабушка ворвалась в комнату вслед за Маратом.

– Ты весь промок, Марат! Ты навредишь ей этой сыростью! Ну, нельзя же так! – она еще, что-то громко причитала, пока он стягивал пальто и покорно вручил его заботливой женщине, которая тут же отправилась готовить чай.

Слезы полились из ее глаз.

– Ну, что ты... – укорял ее он. – Все сегодня плачет, и моя Мэй тоже.

Волнение привело к кашлю. Марат смотрел с любопытством на то, как она мучается в этом раздирающем ее кашле. Он долго молчал, рассматривая теснящиеся склянки от лекарств на тумбочке, эту спокойную и уютную комнату, в которой все говорило о том, что в ней живет болеющий человек: тень от торшера усугубляла этот эффект.

– На следующей неделе вернисаж, Марат. Выполни мою просьбу... Зная, как ты не любишь всяческие выставки, – человек, лишенный тщеславия, – я прошу тебя участвовать в ней, – она произнесла это на одном дыхании. – Я прошу тебя. – Мэй смотрела испуганно, уставшая, у нее не было сил даже просить.

Марат же не умел утешать, не умел подобрать нужных слов, не умел скрыть, как ему страшно видеть ее такой. Он обнял Мэй крепко, они долго так сидели в обнимку. Потом она уснула.

Наутро Марата рядом уже не было.

* * *

– Камиль! – Марат кинулся к нему, крепко пожал ему руку. – Камиль, мне нужно поговорить.

– Конечно, друг мой, говори, – и Камиль засверкал зубами, и эта улыбка показалась Марату в этот момент преступной. Он сидел в этом пресловутом клубе, прекрасный и роскошный, одухотворенный своими новыми духами, его тянуло пофилософствовать, делая вид, что он чрезвычайно творческая личность и совсем такой же, как и любой бедный художник, попивая «Martini» и не умея представить себе, чего порою стоит этому художнику приобрести тюбик краски. Он – эта «золотая молодежь» с сигаретой «Davidoff» в бесстрастной улыбке, беседует о каких-то тенденциях и веяниях в мире искусств и тут же спрашивает: «А эта машина имеет черти какие прибамбасы?». И во сколько она обойдется ему, такому же, как и художник, человеку. Зачем он здесь в этом клубе? Он не знает. Должно быть от скуки. Все в нашей жизни от скуки...

Марат оглянулся по сторонам: новые лица, всякие лица.

– Не здесь.

– Окей, – сказал Камиль, улыбаясь во все стороны, и последовал за Маратом к выходу.

Дождь разбушевался не на шутку. Они стояли под крыльцом входа, но он был так узок, что костюм Камиля промокал и Марат чувствовал в этом свою вину.

– Мэй очень больна... – Марат взглянул в лицо Камилю, желая увидеть, тронет ли его эта весть. – Ей нужна помощь... – Лицо оставалось бесстрастным. – Я подумал, может, ты сумеешь, как-то помочь ей.

Марату было очень тяжело просить, он никогда раньше не попадал в ситуации, зависящие от других людей.

– Я дам завтра объявление о продаже квартиры. У нее никого нет, кроме бабки. Может быть связями или деньгами...

На лице Камиля отобразились и ужас, и удивление – «Так много?!», но вслух он не произнес ни слова.

Марат продолжал:

– Я верну тебе деньги, но сейчас у меня их нет, может быть, связями или деньгами ты мог бы помочь... – Марат видел это холодное лицо, вдруг сделавшееся таким жестким, видел капли дождя, стекающие на его пиджак, и понимал, что пришел напрасно, но по инерции продолжал говорить: – Связями или деньгами...

Из клуба доносились романтичные битлы. Марат, разбитый, потихоньку пошел прочь. Дождь бил его нещадно, волосы завились колечками и прилипали ко лбу – мешали. Он шел в ожидании, что, возможно, его окликнут... Он обернулся: дождь колотил в закрытую дверь, крыльцо было пусто.

Все оставшиеся дни до вернисажа Марат ходил к Мэй. Целые дни напролет он ухаживал за ней, как самая заботливая няня. Приносил фрукты, особенно яблоки, она их очень любила, кормил из ложки и даже готовил обед, чему «старая японка» была очень рада. А ночью в ресторан – мыть посуду, выносить мусор, разгружать продукты питания. Часто повариха давала ему что-нибудь из еды с собой. Однажды Марат принес Мэй порцию страусиного мяса (клиенты сделали заказ, а сами не пришли,

и добрая, пыхтящая тетушка повариха угостила порцией страусятины «бедняжку», а вторую съела сама). Мэй, казалось, стало немного лучше, щеки ее порозовели, и аппетит появился завидный: она очень быстро расправлялась с деликатесом.

– Как это удивительно, что ты так вдруг нашел работу! – с набитым ртом говорила Мэй.

– Я и сам очень рад, – сказал Марат, но как-то очень грустно.

Мэй съела вкусный кусочек, но большую часть, оставила на тарелке, придвинув ее сотрапезнику.

– Нет, что ты, Мэй, я не буду, – Марат схватился за живот, и на лице появилась сытая улыбка (он даже вздохнул очень натурально, словно ел всю ночь). – Я на эту страусятину уже и смотреть не могу... – Он отодвинул от себя тарелку. – Только не страус!

Мэй с удовольствием поверила ему и доела оставшийся кусочек.

За окнами уже зеленело, солнце ласкалось как кошка. Мэй захотелось немного погулять. Она так давно не выходила из дома, что в такую погоду и «старая японка» посоветовала. Они собрались: Мэй укуталась поверх пальто в огромную шаль, на щеках проступил нежный румянец. Она так была счастлива, что вот, как и прежде, он идет рядом, держит ее под руку в ветхом пальтишке, с горящими черными глазами и лохматыми кудрями!

– Твои тополя теперь зеленеют, – с грустью отметила Мэй и опустила голову, словно говорила о каком-то очень незаметном, но очень важном фрагменте жизни, без которого, конечно, можно прожить, но как-будто и нельзя.

– Да, они почти зеленые.

– «И тополя уходят...», – прошептала Мэй.

На глазах заблестели слезы. Марат не умел утешать. Он стоял, смотрел, как капельки воды бегут по белой щеке и блестят на солнце, а потом исчезают, где-то под подбородком. Да и что можно сказать?! Не плачь, ты не умрешь?! У меня есть достаточно средств, чтобы помочь тебе?! Или пресловутое: «Все будет хорошо?!» – которому никто не верит. Лучше уж молчать.

Затянувшееся молчание мучило их обоих, но никто не решался его прервать: Мэй боялась окончательно расплакаться, а Марат сказать фальшивую фразу. Они сели на лавочку у парка, неподалеку стояла «девятка», из полуоткрытых окон которой Найк Борзов пел лучшую свою песню «Сиреневый мальчик».

– Ты знаешь, Мэй, свою работу я назвал именно так, – сказал Марат, обрадовавшись подходящей теме для разговора.

– Хотелось бы взглянуть на нее, но у меня не хватит сил – это путешествие не для меня. – Она тяжело молчала, потом спросила: – А работа окончена, Марат?

Работа не была окончена, на это не было времени. «И есть ли смысл? – спрашивал себя Марат. – Есть ли смысл писать картины, когда нет денег помочь Мэй?» Марат не отвечал на ее вопрос, он смотрел себе под ноги: на ботинок залазил жучок, он жил своей маленькой жизнью, не ведая, что твердь под его шестью ножками может погубить его в секунду.

– Смотри, вот идет жучок, и не пишет он никаких картин, и жизнь его прекрасна...

– Поэтому он и жучок, – твердо сказала Мэй и взяла его за руку. – Я прошу тебя, послезавтра выставка...

Марат не дал ей договорить:

– К чему все эти выставки, Мэй, эти признания, знаки отличия, когда я не могу помочь тебе купить нужных лекарств?! Не могу избавить нас от этого бессмысленного молчания?!

Глаза Мэй налились слезами, она очень силилась не заплакать, но не смогла.

– Ты гениальный художник, Марат, но ты еще не осознаешь этого. Все мирское уйдет – а ты останешься... У тебя есть естественная власть над временем, и ты просто не имеешь права так поступать... – Мэй говорила с надрывом. Спазм кашля душил ее, она покраснела.

Марат на руках отнес Мэй домой. Она не скоро успокоилась и уснула.

Выставочный зал союза художников – огромный резервуар пространства, где блуждают люди, кучки людей; одни из них смотрят внимательно, обсуждая между собой детально работу художника, погоду, Госдуму, курс доллара, житье-бытье и снова возвращаются к мазкам, рукам, и даже к раме. Другие – знакомятся, знакомят – рады общению. Это неплохой способ заводить нужные знакомства, и, чтобы скрепить это самое знакомство, непременно пригласите ознакомленного к себе в мастерскую, домой, в гости – пить чай, а там, может быть, и на выставку, которую новоиспеченный знакомый и спонсирует, и даже получит от этого моральное удовлетворение, что сделал в жизни благое, совершенно в этом самом благом не разбираясь.

Бывают, правда, и глубокомысленные молчуны – вот для них-то и нужно проводить выставки. Глаз радуют. Но лишь до того момента, пока в поле вашего зрения не попадут едва осмотревшие работы, но с нетерпением ждущие самого интересного – фуршета; и в ожидании этом бесцельно примыкающие, то к одному окну, то к другому.

А вот и комиссия – группа выразительных седобородых мужчин и женщин с огромными кораллами в ушах и на шее. Одета эта компания приблизительно одинаково: консервативно, потому что комиссия в основном состоит из людей немолодых. И думают они приблизительно одно и то же. Удивительно, как их мнения совпадают! Но трепет, внушаемый ими всем участвующим художникам, внушает и огромное уважение к их мнению. И если скажут какому-то художнику: «Ну, что это вы тут такое изобразили?! Да разве это так?! Надо было иначе», он непременно пообещает исправиться.

Работ было много: со всей республики прибыло художников – а работу выбирали одну. Средь блуждающих Марат увидел четверку знакомых лиц.

Он хотел скорее скрыться, но тут Диана бросилась к нему навстречу. Ретироваться было поздно не только Марату, но и Камилю. Все обступили Марата, были рады такому «мероприятию», тем более скоро фуршет.

– Как хорошо, что мы встретили тебя, Марат, – радовалась Диана и Аида заодно, – а где же твоя работа? – и девушки стали бессмысленно крутить головами.

Марат указал на противоположную стену: у окна висела небольшая работа (60 на 70), но ее почти не было видно – комиссия, как раз стояла возле нее и бурно что-то обсуждала. Похоже, на этот раз их мнения разошлись. Камиль смотрел по сторонам и неловко молчал. Арсен же чувствовал себя превосходно (он всегда чувствовал себя превосходно), он

спросил громким веселым голосом:

– Я что-то не вижу Май, она не пришла?

Лоб Камиля покрылся испариной, ему ничего не оставалось, как принужденно произнести:

– Да, где же она?

– Она не смогла прийти, – ответил Марат спокойным голосом. Ему не хотелось сталкиваться с этим взглядом, тревожным, прячущимся. Марат опустил голову.

– Странно, как же не смогла? А почему? – не унимался Арсен, спрашивая еще о чем-то, пыхтел по привычке, придавая огромное значение ничего не значащим вещам.

Женщина из группы людей, что называлась комиссией, вдруг обернулась к залу лицом и громким властным голосом спросила:

– Кто автор этой работы?

Воцарилась тишина, на фоне которой «Я» прозвучало пронзительно звонко.

– Не могли бы вы подойти к нам?

Это была женщина удивительной внешности. Лет ей было пятьдесят, не меньше, но в лице ее сохранилась почти детская простота: огромные голубые глаза контрастировали с черными волосами (которые она, скорее всего, красила), собранными в высокий пучок. И морщин почти не было, разве что у губ, когда они улыбались легкой материнской улыбкой. Образ, контрастирующий еще и тем, что из улыбки раздавался довольно-таки грубый голос – он настораживал. Она внимательно взглянула на Марата, даже для такого случая не потрудившегося привести в порядок бурную шевелюру, джинсы и ботинки. На это просто не было времени – работа была окончена за несколько часов до выставки. Насмотревшись вдоволь, она вдруг произнесла, словно вынесла приговор:

– Вот он, забытый образ несчастного художника!

Комиссия для приличия похихикала.

– Молодой человек...

– Марат, – представился он.

– Марат, – ее лицо сделалось заинтересованным, – вы внесли смуту в наши сердца. К какому направлению вы себя относите? И эта техника... – она оглядела окруживших ее коллег, ища в них поддержку.

– Я не отношу себя ни к одному из известных мне направлений… – Он не успел договорить, как раздался встречный вопрос:

– А где вы учились?

– Я не учился живописи. Я пишу так, как умею.

Небольшая горстка седобородых и кораллоносящих стала обрастать любопытными и интересующимися.

– Не хотите ли вы нам пояснить вашу работу? – предложила голубоглазая женщина.

– Нет, – отрезал Марат.

Раздались шипящие возгласы удивления и недоумения.

– Но, позвольте, молодой человек, ваша работа весьма оригинальна – она выполнена в одном цвете... Это удивительно, как тонко вы сумели разбить цвет на такое количество тонов и оттенков. Я не понимаю, почему вы прячетесь от нас, не хотите говорить.

Марату претило это липкое внимание. Единственное, что интересовало Марата в восприятии его работ это понимание или отсутствие этого восприятия совсем. Но чтобы обсуждать, как и для чего этот штрих лег здесь, а не там!..

– Я не понимаю, что именно вы хотите услышать от меня?

Из толпы выплыл мужчина, высокий лоб которого внушал уважение.

– Работа называется «Сиреневый мальчик», можно узнать, чей это портрет?

– Не знаю. Может быть мальчика потерявшегося в сирени... А, возможно, портрет сирени, заблудившейся в человеке. Разве я должен говорить об этом? Если я говорю о своей работе, значит, она ничего не стоит, и вы напрасно занимаете свое внимание и время. Возможно, найдутся достойные.

Марат хотел вырваться из толпы, он даже отвернулся от комиссии, чтобы уйти.

– Прошу вас, Марат, последний вопрос, – раздался уже знакомый властный голос. – Поверьте, ваша работа внушает многим из нас сомнения, но и восхищает, как тонко вы изобразили это лицо – лицо ребенка. Техника ваша непременно оригинальна и она-то нас и смущает, и все же – один вопрос:

– Хотелось бы вам, чтоб именно ваша работа оказалась лучшей?

Ответ не заставил себя долго ждать:

– Да.

И теперь толпа послушно расступилась.

* * *

Он стоял у окна, близился вечер. О Мэй он подумал сегодня три раза: в первый, когда увидел Камиля, во второй – когда ответил: «Да», и в третий раз он думал о ней сейчас. Солнце медленно садилось, нагоняя тоску, а, может быть, и страх. Страх перед таким вниманием к его работе. Что она, эта картина, – кусок холста и изображенные на нем сюжеты, – все, что пришло ему в голову, все, что сумела передать его рука. Люди думают о ней, обсуждают, пытаются выяснить какие-то моменты, а Мэй лежит в постели и умирает. И расскажи он сейчас всем присутствующим здесь людям о Мэй, то всех непременно охватило бы мимолетное смущение, немного тревоги, и у какого-то выступила бы даже морщинка на лбу, но через минуту, другую благополучно исчезла б, и ее обладатель стал бы дальше проживать свою жизнь.

Тень пробралась в этот зал. Картины никого уже не занимали, все жевали тортины или фрукты, пили кока-колу, или даже вино. Смеялись, радовались бессмысленному своему благополучию.

К Марату на подоконник подсел мужчина лет на двадцать старше него. Чистенький с небольшим брюшком, он держал в руках два пластиковых стаканчика с вином и один из них протянул Марату. Марат отказался. Мужчина, недолго его упрашивая, опустошил оба. Взгляд его был вкрадчив, и он никак не мог приступить к сути дела, рассказывая о какой-то беготне в его личной жизни, потом вдруг он переходил на живопись, потом опять о житейских делах.

– Вы не решаетесь мне что-то сказать? – просто спросил Марат, но потом осекся, подумав, что мужчине может показаться обидным подобное замечание.

Но тот напротив, был даже рад перейти к интересующему его вопросу.

– Марат, я очень уважаю ваш талант, поймите

меня правильно… – он подбирал нужные слова. – Я располагаю достоверной информацией... – он снова замялся, но вдруг выпалил и как будто сам испугался своих слов: – Я думаю, что ваша работа станет лучшей.

Он глядел на Марата, широко раскрыв глаза, и ждал реакции. Марат же не понимал цели откровения.

– И что же?

– Как, разве вы не рады?

– Рад, – спокойно ответил Марат.

Мужчина выглядел растерянным, Марату показалось, что он даже стесняется.

– Марат, отдайте мне это место, – голос его обрел ранее не чувствующуюся твердость. – Если вы снимете свою работу с конкурса, я заплачу вам любую сумму, только скажите... – Глаза мужчины горели, и его было жаль. Он продолжил: – То есть, я обладаю ограниченным капиталом, но у меня есть машина, я ее продам, а деньги, до самой копейки, я отдам вам.

Марат смотрел на этого разгоряченного человека, и ему подумалось, что попроси он в другое время у него взаймы, он наверняка отказал бы.

– А откуда же вы знаете, что победите именно вы?

– Я знаю, я знаю, – он пыхтел и краснел, и все повторял, – я знаю, я знаю. Если бы не вы – это был бы я.

Было бы смешно, если б не было так грустно!

Марат пошарил в карманах и вынул клочок бумаги, смятый, замусоленный, он был весь исписан. Он развернул его, протянул и сказал:

– Вот.

– Что это? – перебил мужчина Марата, схватил дрожащими руками, и губы его зашевелились в чтении.

– Это – рецепт. На это не уйдет вашей машины, но предупреждаю, что немалая ее часть понадобится. – И уже немного деловито добавил: – До объявления победителя, хотя это, может быть, буду совсем не я, осталось два часа. Купите эти лекарства, и я снимаю свою работу. Но только прямо сейчас.

Марат испытующее смотрел на эти по-бараньи круглые глаза.

– Вы не в силах ?

Мужчина пришел в себя и сорвался с места, выхватив бумажку из рук Марата.

Часы протекали медленно. Марату вспомнилось лицо Мэй, такое простое, и такое красивое, ее черные волосы, пахнущие ромашкой (он даже отчетливо почувствовал запах ромашки). «Мэй», – прошептал Марат.

Уставшие люди, насытившись и съестной, и духовной пищей с нетерпением уже ждали развязки. Марат смотрел на вход и ждал появления этого человека, как великого мессии.

Комиссия попросила внимания. Все утихли. Последовало предисловие к выставке, слова благодарности в адрес меценатов, отметили несколько работ...

– Принес... – резко раздалось за спиной у Марата.

Незнакомец вручил ему небольшой пакетик. – Ну и дорогущие они, – он тяжело дышал, – всем друзьям теперь должен.

Но кому они предназначены, его почему-то так и не заинтересовало.

– А вдруг не я? – спросил Марат.

Мужчина побледнел и потянулся за пакетом. Но тут громким женским басом произнесли:

– Первое место...

Раздался шепот в зале, даже волнующий гул, – получает... работа... «Сиреневый мальчик».

Раздалось хлопанье. Голубоглазая женщина так рада была назвать победителя, словно этим победителем являлась она сама. Она уже искала в толпе глазами Марата, как он сам сделал шаг из толпы.

– Я хочу снять свою работу с выставки.

Весь зал охнул.

– Как?.. – растерянно вопрошала голубоглазая.

– Я хочу снять свою работу с выставки, – повторил Марат более твердым голосом.

Он прошел к «Сиреневому мальчику», легко отцепил от стены, взял под мышку и невозмутимо направился к выходу. По пути он столкнулся с взглядом, сделавшихся еще больше в оправе очков, известного уже цвета глаз в недоумении, но еще больше с сожалением на него уставившихся.

– Извините, – прошептал Марат. Не мог он не извиниться перед ней.

Марат бежал домой сквозь прохожих, сквозь авто, бежал, и ему казалось – летел, и так он был счастлив, так радовали его люди, запахи весны, овладевающие улицами, запах свежего воздуха, ароматизированного цветами. Он даже купил охапку белых роз. Мэй очень любит белые розы.

Звонок в дверь. Долго не открывают. Звонок в дверь. Доносятся тихие шаркающие шаги бабушки.

«Должно быть, спят», – подумал Марат. Дверь открылась. На пороге бледная «старая японка». Она просто смотрела и молчала. Марат осторожно ступил на порог. Пакетик лекарств и букет он оставил на тумбочке в прихожей.

– Мэй, – прошептал он, и в этой тишине Марату показалось, что имя ее зазвенело. – Мэ-э-эй!

Никто не отвечал.

Часть 2

СТИХИ ИЗ ТЕТРАДКИ МЭЙ

Г. Лорка

И я приеду в жаркую Гранаду,
Ты будешь ждать меня и слез не оттирая,
В Аллее Грусти тихо умирая,
Лишь поцелуешь в яркую помаду.

Не упрекнешь, что я пришла так поздно,
Гирлянду роз[1] из рук моих робея
Возьмешь – и я дышать не смею,
И невозможно жить нам дольше розно.

И невозможно стонут в реках скрипки,
И лунный свет лимонового цвета:
Ты рассказал мне: «Люди шли за летом»[2]
– Но пальцы наши красные и липкие.

[1] Сонет о розовой гирлянде

[2] Люди шли ...

...ТЕАТР АБСУРДА...

Магомед-Расул МУРСАЛОВ

ПОЭТ И ДУША

Поэт и Душа –
Они из единого теста.
Живут сообща,
Совсем как жених и невеста.
И дышат одним
На двоих кислородом.
И оба они
Из детства счастливого родом.

За долгую жизнь,
За годы тоски и мытарства
Они не нашли
От боли сердечной лекарства.
Скорее всего,
Да простят меня Боги!
Не знает никто,
Как оба они одиноки.

Мир – слепок идей.
Бог времени снова и снова
К Нему или к Ней
Низводит архангелов Слова.
И каждый из них
Мир готовит на битву,
На яростный стих,
На кроткую с виду молитву.

Поэт и Душа!
Родимой природы двуликость.
Поститься – греша.
Грешить, но с божественным ликом.
А ночи и дни –
Время в подол упрячет.
Но оба они,
Чем дальше от жизни, тем ярче!

* * *

Посвящается А.С. Пушкину

Тысячи строк о любви и ни одной о боли;
Той, что причиняет она, вдруг оказавшись на воле.
Будто какой-нибудь зверь, жаждущий мяса сырого,
И у которого нет ни будущего, ни былого.

Тысячи глаз для любви, – ни одного для взгляда,
Ради которого, солнце утром восходит над садом.
В полдень сидит у реки, после садится за гору,
Словно ему не с руки открыться пытливому взору.

Так. Приблизительно так: ни больше и ни меньше!
Плоть изнуряем и душу изводим свою ради женщин.
А результата, пожалуй, не видно никакого
Не остается у нас ни будущего, ни былого.

* * *

Не отрицай. Не прекословь,
Уйти спеша.
Тебе нужна моя любовь,
Моя душа.
Тебе нужны мои мечты,
Надежды знак.
А я не знаю, кто мне ты:
Друг или враг.
Не позволяй мне умирать
От мысли той,
Что не могу никак понять
Твою любовь.
Но если нет любви, а жизнь
Большая ложь,
Ты, все-таки, не торопись,
Тоску не множь.
Я к боли издавна привык,
Я с ней на ты.
Без загогулин, закавык,
Без суеты.
Лукавый взгляд игривых глаз
И гордый лик
Я представляю каждый час,
Нет, каждый миг.
Так люди смотрят на огонь.
Боясь. Любя.
И я хочу увидеть сон,
То есть тебя.
На корабле моей любви –
Тебя одну.
Но вдаль морскую не зови –
Зови ко дну.
Для путешествий, для мечты
Я стар. Я груб.
И я не знаю, кто мне ты:
Враг или друг.

* * *

«Одиночество поэта –
знак деградации общества».
Октавио Пас

Напротив подъезда, откуда дыхание бездны
Сочится на серое лезвие асфальта,
Как будто ремарка из Кафка,
Стоит деревянная лавка.
За ней – допотопная бабка,
Торгует цветами.
Опавшей ольхи флюорограмма
в оправе окна. Чья-то мама
с ведром из-под мусора... Тени
бомжей торопящихся на
воскресную мессу в котельной.
Все это декабрь. Зима.
Разбитые вдребезги лица
Безудержных пьяниц. Милиция.
Бессвязные крики и ругань,
И ты, что зовешь меня другом, –
Все тот же театр абсурда
Где Бога играет Иуда.
Не стой у окна. Если верно,
Что мы не одни во Вселенной,
То все одиночество
Только красивая с виду наколка.
Не родинка, а иголка
в стоге сена.
Никто не захочет услышать
тебя. Одиночество дышит
в спину, а не на ладан.
У каждого в жизни своя эксклюзивная правда.
Какой-нибудь «завр», найденный в иле,
Чьи кости еще не сгнили
И тысячи лет пролежали, как тайного знанья скрижали,
в земле. Нас с тобою не хуже
Никто никому в этом мире не нужен!
А в том?
Впрочем, это не изданный том.
Его на земле не читают,
А тех, кто стремится к незримости,
Обратно не возвращают.
Прости, что я так привередлив!
Но, знаешь, курение вредно.
Как, кстати, и остальное:
Спиртное то или съестное.
Для нас все обходится дорого –
И Кесарево и Богово.
О чем я, да, вспомнил, о счастье!
О красоте и отчасти
О любви. Обо всем вкупе.
Но роза должна цвести на клумбе.
Когда же ее срывают, она увядает.
Так и любовь, – телесной
Не может быть долго, но честно
признаться нам в этом не хочется,
и прячем свое одиночество
в слова и вздохи,
как древние боги,
сами не веря в свои пророчества.
Как восхождение лифта имеет предел,
Так и кривда конечна.
Все зависит от высоты помещения,
Тут не приходится думать о взлете,
Главное избежать падения.
Смысл нахождения здесь и сейчас
Противоречит смыслу и концепции существования,
Ибо проспекция есть разрастание времени,
То есть осовременение знания.
Я могу ошибаться и
В этом мое преимущество перед Всевышним,
Так как чувствовать себя лишним
Гораздо полезней для разума,
Нежели чувство излишества.
Вход, как и выход, два положения взгляда,
Определяемые направлением. Но не надо
Полагаться на зрение. Зрение – это преграда
Между сознанием и временем.
И нереально в тетради вывести площадь кровати
И разделить ее поровну.
Разница между страстью и совестью
В том, что они друг на друга не делятся,
Той либо этой довериться
одинаково нецелесообразно:
«Совесть – избыток ума, страсть – недостаток разума».
Спи, дорогая, ты все равно не слушаешь,
Точнее, не слышишь. И тебе все равно!
Пригоршней моря высушивать,
Так же нелепо, как делать из воды вино.
Пусть у подъезда дежурит собака
И любовно мурлычут коты.
Стихотворение это – всего лишь литературная правка
мира глухоты.

ИРАК 2004

«Жить в эпоху свершений, имея возвышенный нрав,
К сожалению, трудно...»
И. Бродский

Жить на почве богатой, не имея ракеты крылатой
В этот варварский век
с виду и с расстоянья слащавый,
Можно только за пазухой некой великой державы,
Если даже расплатой станет эта надежда когда-то.
Мир – завистливый Каин!
Он не терпит краев и окраин
И как джинн, что однажды оставил пределы бутылки,
Он не смотрит назад,
лишь озлобленно дышит в затылки
поколений. Он знает,
кто единственный в доме хозяин.
Я не думал что время однородно, как и, – одномерно.
Несмотря на течение жизни и пафос природы,
Не могли и не могут жить
без распрей и войн народы,
Убивая мгновение жизни размеренно нервно.
Мы – красивые звери. Наша вера – суть, суеверие,
Ну а жизнь – крест прицела автомата или винтовки,
Скоро станет нас больше, чем тараканов в кладовке.
И безумная эра совсем уничтожит доверие.
Что прикажете делать?
Мир охвачен блатным беспределом.
Так живой организм суетится при близости смерти,
Становясь агрессивней от страха, как дикие йети,
Грубо и неумело беспокоясь душою за тело.
Я не знаю причину, на которую, будто на мину,
Наступает душа человека за тем, чтобы разом
Отринув, прижаться к прикладу виском,
к прицелу глазом,
Стреляя в такого, как ты сам,
несчастнейшего мужчину.
И все-таки, наверно, мир не был придуман неверно,
Просто никто не считает, что, убивая другого,
Мы убиваем себя. Ничто в этом мире не ново,
Тем более скверна!

Лариса ШАРИПОВА

ВОСЬМАЯ НОТА

НЕВЕДОМОЕ

Переплестись бы с веткой, веткой став.
Переплестись бы с веткой молнии.
Чуть уколоться месяцем-косой
И наблюдать шептанье струйной крови.

Пронзить сознанье кончиками трав,
Повиснуть колокольчиком в безмолвии.
Побыть внутри росы и стать росой,
Внутри которой тайна в полуслове.

ЗАКЛИНАНИЕ ОТ СТАРОСТИ

Как серебряная ржавчина, сединка
Съела волос, не один, а целых три!
Серебро ползет от корня к серединке.
А у глаз такие робкие морщинки...
Убери же, время, когти. Убери!

Убери! Уйди в сторонку. Там забавней.
Посмотри: вот этот злится, этот враг
Чей-то мстительный; увяз в обиде давней.
Отойди-ка! Я закрою двери, ставни.
Ты не властвуй здесь, где я. Да будет так!

* * *

Мысли бешено несутся, сорванцы.
Оторвались, разлетелись бубенцы.
Погодите же, родные, не спешите.
Ненароком разбежитесь, кто куда,
Опустеет дерзких планов слобода.
Вы спокойнее, касатики, дышите.

Я хочу... Безумно многого хочу.
Спички чиркаю и комкаю свечу.
О большом мечтая, радуюсь полушке.
Отвергаю, ну а после размышляю.
Говорю себе: «Не спи!». И засыпаю.
И рассвет люблю, когда лицо в подушке.

Утром ужинаю, завтракаю ночью.
Пустяками разрываю дни на клочья.
Жаль скотинку ту, что кормят на убой.
В то же время с аппетитом ем котлеты.
Суеверности стыжусь, но чту приметы.
И людей люблю, но легче быть одной.

Мысли, что же вы теперь остановились.
Рты открыли? Неужели удивились?
Да, такая я, родные. Не судите.
Ну, давайте, подбирайте бубенцы.
А в дорогу, вот, возьмите леденцы.
И бегите же, касатики, бегите...
Нагая себя изломала, раскрошена,
Под тяжестью горьких мыслей спрессована.
Но не погибла и в силу хорошую –
В смелость перекована...

У ВАС ТАК БЫВАЕТ?

В душе копошится такое что-то,
Как будто немая восьмая нота.
Ее опишешь, она растает.
А у вас так бывает?

А у вас такое бывает?
Планы почкуются и вырастает
Цветик-восьмицветик. Желание – вот!
Но получается наоборот.

Тянет к кому-то, нравится кто-то,
Но я борюсь до восьмого пота
Против того, кто об этом не знает.
А у вас так бывает?

А у вас такое бывает?
На небе восьмом мой Друг обитает.
Я здесь одиночка, но рядом со мной
Всегда кто-то есть не чужой, родной.

В восьмом поколении хочется снова
Мне возродиться красивой, здоровой,
И без стараний быть первой в стае.
А у вас так бывает?

А у вас такое бывает?
Всегда мне восьмого дня не хватает.
Неделя промчалась, еще бы день.
Не выросло дерево. Снова – пень.

Один раз отмерю, раз восемь отрежу.
Дорогу меняю, а камни все те же.
И Кто-то тихонько мне все прощает.
А у вас так бывает?

* * *

Я начинаю жизнь с осеннего листа,
Еще зеленого, с упругими прожилками.
Еще внутри та золотая красота
Пылает над разбитыми копилками.

Еще у ветки. А от ветки – до ствола,
До корня, до глубин земли питающих,
Где страхи и два адовых крыла,
Или не адовых, а так... Но не взлетающих.

Все стрелки, вилки, ложки – на Восток!
Все выдохи, ползки, рывки и топот
Туда, где золотистый шепоток,
Чудесный колокольчиковый шепот...

ПОКА

Я касаюсь танкетками улиц московских.
Исподнизу в подошвы мне дышит метро.
Мягко-тихо так дышит, как змеи.

О лицо ударяется холод московский –
И ломают изящные руки, бедро
Те снежинки, которые – феи.

Кольца московские...
Переулки-полочки...
Тут и там высокие
В блестках треуголочки.
Ухи, притопы. А мороз с характером!
Пока, Москва! Пока...

МЕЖСЕЗОНЬЕ

Весенняя чуть видимая почка,
Нежная, как шубка у шмеля,
Проклюнулась в мизинце февраля.
А он все лечится холодною примочкой.

До головокруженья снегом дует,
Бинтуется, клубится и пыхтит.
А город пробками по горлышко набит.
А в городе февраль себя бинтует...

В ОБЛАКАХ

Я спрячусь за облачным храмовым кругом,
Под облачной ивой в прохладной кувшинке,
И буду беседовать с Милым Другом
О разных духовных новинках.

О том, как из мелкого, хрупкого, тонкого
Сделана прочная твердая целость.
Все время вперед, ни назад, ни в сторонку.
Она – это смелость.

Она – это трусость на горьком распятье,
Себя пристыдившая, собой недовольная.
Она – это трусость, снявшая платье
Перед судом, хоть и больно ей.

На пике восхода, за облачным кругом,
В розово-белом сиянии
Об этом беседовать будем с Другом.
И смелость почтим молчанием.

ИЗ ДЕТСТВА

Я помню, в детстве в украинское село
Мы часто ездили. Там маленькая речка...
Там хату белым цветом замело,
Вокруг все ароматилось, цвело.
А в хате – сто икон и чудо-печка.

Колодец с удивительной водой
Манил к себе, притягивал магнитом.
И чтобы не склонялись (ой-ой-ой!)
Мы, дети, над холодной глубиной,
Пугали дядькой, что всегда сидит там...

Мне нравилось то белое село.
Там гномы жили в щелях рам оконных.
Там лунным цветом хату замело.
И оживали по ночам иконы...

НА ПЛЯЖЕ

Чуть-чуть разжать бы кулачище города,
И чтоб перешагнуть через порог.
Иди сюда же, Ветя-ветерок.
Так жаль мне этот стоптанный песок.

Гляди, как мусором заваленное золото
Скукожилось и робко посерело...
Куда ты, Ветя? Я же не хотела...
Ты сразу плакать... Разве это дело?

А море расплодилось волнами,
Как виноград огромный, лучеядный.
А ты, безмолвный и прохладный,
Лежишь на нем ничком.

Раскинул руки и губами полными
Кусаешь, Ветя, синюю лозу.
А на щеке живучую слезу
Все давишь кулаком...

А...

Как хорошо, что я сказала: «Нет, не надо.
Не надо в этот день идти со мной».
Ведь не заметила бы я, когда ты рядом,
Вот этой улицы чудной.

Здесь клумбы, словно мальчики из хора,
Причесанные все и отутюженные.
А домики в объятиях забора –
Как шеи в шарфиках простуженные.

Здесь желтый лист срывается – не тужит,
Ложится ровно, не измяв наряда...
Но даже этой золоченной лужи
Я б не заметила, когда ты рядом.

МАРКС И БОБИК

Сугури УВАЙСОВ

– Эй, ты, псина! Не рычи на меня и не тявкай! Если я одет плохо, не брит и стар, думаешь, можно на меня рычать и тявкать? Пойми, безмозглая тварь, что я – человек, а ты просто собака. Что смотришь? Думаешь, я – вор? Я не вор, хотя и мог им быть, не бандит, хотя и им тоже мог стать. Во-первых, я не так воспитан, во-вторых, знаешь, сколько мне лет? Не знаешь. А мне уже семьдесят пять, к твоему сведению. Понятно? А ты рычишь на меня.

Собственно, кого ты от кого защищаешь? Кому служишь?.. Ладно. Служи кому хочешь – это твое собачье дело. Но рычать на меня перестань! А ты, случайно, не бродячая?.. Точно – бродячая. Ишь ты, паршивый хвост! Как можешь на меня тявкать? Тебе не тявкать, а хвостом вилять надо передо мной. Я – Человек! А ты можешь угодить на мыло. Но если смолчишь, хоть кость заработаешь в благодарность для своей голодной утробы. Да ты бери пример с меня! Я такой же бродяга, как ты. Я – бомж: хожу, где хочу, ночую, где придется, ем, что подадут. Но, в отличие от тебя, я не лаю, не кричу ни на кого, обидят – терплю, чтобы прокормиться, хожу с протянутой рукой, притворяюсь хромым, слепым, глухим. Понятно тебе?

Что смотришь? Думаешь – артист? Нет, дружище, не артист я, а инженер. С высшим, между прочем, образованием... дорожным, так сказать... был. Строил дорогу... в коммунизм… Ты, псина, наверное, тоже слышала. Ну, вот, оказывается, не ту дорогу строил. Вот и очутился на обочине. А артиста из меня сделала перестройка. Что смотришь? Хочешь узнать, как? Могу рассказать. Но кому? Кто будет меня, бродягу, слушать? А как хочется! Столько накипело… Чего смотришь? Вам, собакам, не понять, что такое человеческое горе… Чего мордой воротишь? Знаешь, как страшно, когда нет рядом человека, с которым можно поделиться? Вам, собакам, что, а у меня такое состояние, что вот-вот лопну, если не выскажу, что на душе. Может, хоть ты выслушаешь?

Прекрати рычать! Я тебе вреда не желаю, ты такой же, как и я, обиженный. Нам бы подружиться... Я не против, а ты? Кстати, как тебя зовут? Тарзан? Шарик?... Что смотришь? Ах, да – ты же псина бродячая, а бродячим зачем имена? Меня тоже по имени не называют, как раньше. Нам надо обязательно восстановить имена. Давай-ка я тебя буду называть Бобиком. Лады? А я – Маркс, это раньше звали меня Марксом. Знаешь, это имя великого человека. Мои родители хотели, наверное, чтобы и я тоже стал великим, поэтому имя такое дали. К сожалению, ни счастливым, ни великим я не стал, хотя мечтал с детства. Вам, собакам, не понять, что такое мечта. Это, Бобик, удивительное слово. Нет, это даже не слово, а звезда, которая сияет в вышине и к себе манит. Все люди стремятся к этой звезде, но достигают ее лишь счастливчики. А я – не счастливчик. У меня, Бобик, не было никого, кто бы мог мне руку подать. Я, как тот несчастный божий сын, который не умел плавать, оказавшись в жизненном океане, цеплялся за все, как мог, чтобы не утонуть, и вот выброшен на берег.

Была, Бобик, у меня мечта с детства: хотел получить образование, жениться и купить машину. Ты слушаешь? Ну, хоть ты послушай. Образование я получил, но на этом моя мечта и кончилась. С женитьбой тоже не получилось. Что поделаешь... Не судьба! Не обратили женщины на меня внимание. Ты только не думай, что я был каким-то уродом. Как видишь, мужчина я нормальный, а в молодости был даже красивым. Могли в меня и влюбиться. Был даже случай, когда я познакомился с одной немкой. Она сама русская, но училась на иностранном факультете. Изучала немецкий язык. Бывало, скажет мне по-немецки: «Их либе, дих», а я ей отвечаю: «Их ферштейн нихт», и мы дружно

смеялись, но... Эх, это «но» всегда стояло на моем пути, как шлагбаум.

Как-то раз немка пригласила меня в кино. Тогда шел кинофильм «Серенада солнечной долины», про любовь. Я согласился, был благодарен богу, что случай такой подвернулся. Мчался к ней как на крыльях. Даже галстук надел впервые в жизни, взял в общежитии у соседа, студента, без его ведома, так бы он мне его не дал. Он был сыном богача, а в учебе – дуб дубом. А я, дурак, из библиотеки не вылезал. Ну и что? Тот папин сыночек сидит в кресле, а я вот тут перед тобой и в таком качестве. Так, что, Бобик, благодари бога, что тебя природа родила не человеком.

Ну, ладно, прости, что отвлекся. Так вот, помчался я на свидание. Как она смеялась, когда увидела меня в этом галстуке, поверх рубашки и без костюма. Костюма у меня вообще не было. И мне говорит: «Иди за билетами и места возьми поближе». «Куда?», – спрашиваю я вне себя от неожиданности. «Как куда? За билетами. Ферштейн?» – повторяет она. «Нихт, – говорю я. – У меня денег нет».

Бобик, ты бы видел, как она на меня посмотрела – лучше пощёчина, чем такой взгляд. Постояла она, повернулась и ушла… Ушла навсегда. Что я мог сделать? В то время у меня ломаного гроша не было. Жил я на стипендию, а она у меня за неделю до этого кончилась.

После того случая стал я бояться подходить к девушкам, да и они тоже меня вниманием не баловали. Понял я, что сила мужчины – в тугом кармане. Стал я мечтать только о машине. Копейка к копейке, рубль к рублю, не доедая, не допивая, стал копить деньги. Завел сберкнижку, заносил туда свои трудовые рубли, и душа трепетала от сладостного предвкушения, что сумма эта, хотя и не быстро, но растет. В таких сладостных мечтах, Бобик, прошли мои годы. Вместе с суммой в сберкнижке еще быстрее росли цены на машины. И тут я вдруг заметил, что постарел. И заболел. Когда пришёл в себя, задумался и сказал себе: «Вот, друг, домечтался до инфаркта. Вот тебе и машина. Зачем теперь тебе эта игрушка? Пора теперь думать о смерти. А кто будет тебя хоронить? Кому ты нужен?..»

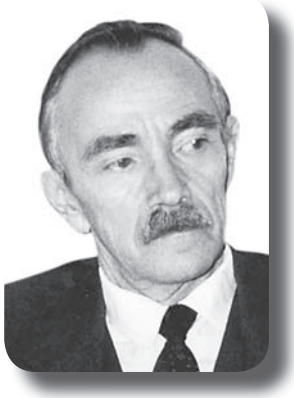
И встала передо мной, Бобик, страшная картина одиночества и смертного позора, если не доставлю сельчанам возможности достойно себя похоронить. «Нет, – сказал тогда я себе, – хоть бедно жил, но умру достойно. Пусть сельчане знают, что я тоже был человеком». И стал я с тех пор жить, проводя время со своими сверстниками, рассуждая о житье-бытье.

Представляешь, Бобик, однажды на годекане вездесущий Исмаил говорит: «В стране происходят большие перемены. Горбачев придумал какую-то перестройку. Может, кто объяснит?». Все стали смотреть друг на друга. «Пристройка – это, когда к дому пристраиваешь сарай или наоборот», – сказал строитель Хасан. Учитель русского языка Махмуд его поправил: «Это не «пристройка», а «перестройка», это, значит – разрушить дом и на его месте построить сарай или крепость». «А чтобы построить крепость, нужны большие деньги,– заметил почтенный Сулейман. – Откуда такие деньги?» «Значит, строить будут те, у кого большие деньги, а деньги есть только у воров», – заявил бывший прокурор, а теперь пенсионер Халил. «Деньги государство найдет, – уверил финансист Абдурахман. – Старые деньги заменят новыми. Такая операция уже началась. Так что, мой вам совет: превращайте свои деньги в драгоценности».

Знаешь, в чем моя беда? Я всегда был очень доверчивым. В сберкассе сказали, что беспокоиться не надо, они сами обменяют деньги на новые. А потом я узнал, что деньги мои, которые всю жизнь копил, превратились в жалкие рубли, и я получил второй инфаркт. Эх, Бобик, что было потом... страшно вспоминать. Много было всего. В конце концов, я потерял все, нет теперь у меня ничего. На голове ношу чулок, на теле – лохмотья, на ногах… Эх, что говорить? Судьба… Собачья судьба.

Вот так, Бобик. Пошли, друг, обследуем мусорные ящики, пока их содержимое не увезли на свалку…

И Маркс пошел к громоздившейся неподалеку куче заполненных хламом железных ящиков. Бобик за ним не последовал. Он давно перестал рычать и тявкать, заслушавшись исповедью единомышленника. Он тоже был из породы безвольных существ, больше рассчитывающих на халяву, чем на собственную инициативу. И хотя был собакой, а не человеком, все же подумал: «Бедный Маркс… Может, это из-за своего имени он не разбирается в экономике… Нет чтобы делом заняться, а не штаны на годекане просиживать… Я собака, мне простительно, и то понимаю…»



ПО МОТИВАМ ЛИРИКИ РАСУЛА ГАМЗАТОВА

Константин ЗАЧЕСОВ

* * *

Когда с горы случайный камень
Сорвется из-под каблука,
Пусть Бог тогда пребудет с вами,
Вам руку даст издалека.

Когда нежданною порошей
Вам время остудит виски,
Пусть Боже, добрый и хороший,
Не отстранит от вас руки.

Но коль любовь вас покидает,
Шагнув от вас через порог,
Я ничего вам не желаю:
Ведь тут бессилен даже Бог…

МОРЕ И ГОРЫ

То с томной и нежною лаской,
Склоняясь к коленям гор,
Лепечет тихонько сказки
И робкой любви укор.

То с гневом задетой чести
В твердый каменный лед
Море из женской мести
С болью волнами бьет.

С болью и со слезами,
Чтобы потом опять
Безропотно под ногами
Бесчувственных гор лежать.

* * *

Друг друга «другом»
мы не называли.
И редко вместе видел кто-то нас.
Встречаясь,
мы друг друга не лобзали.
И только руки жали каждый раз:

– Ну, как живешь, старик?
– Да жив как будто!
– Зайдешь ко мне?
– Да нет… Вот, как-нибудь…
И, запахнувшись
в кожаные куртки,
Мы продолжали
прерванный свой путь.

Все было некогда:
дороги да печали.
Еще наговоримся, жизнь длинна.
То на вокзале он,
то я уж на причале,
То «Я бы ничего, да вот жена…»

Лишь я подчас
в кругу мужчин и кружек
Иль за банкетным
праздничным столом
Любил пофилософствовать
о дружбе,
Себя воображая знатоком.

Нас разносил
сырой осенний ветер,
Для встречи нашей
не нашлось и дня…
Но я вчера узнал,
что нет тебя на свете,
И что в бреду ты долго звал меня.

Вот так и «встретились».
И что всего ужасней,
Так это мысль,
что ВЕЧЕН твой покой.
А сколько времени,
ушедшего напрасно,
Что мы могли бы
провести с тобой!..

И я с тех пор,
с последней нашей «встречи»,
Не говорю о дружбе ничего.
Но знайте, знайте,
что друзья – не вечны.
И – берегите друга своего!

* * *

Когда орел с седой вершины
Взмывает вверх, крестом паря,
То в приступе слепой гордыни
Я сразу думаю: «Вот Я!!!»
Когда с горы трусливый заяц
Мчит вниз, испуга не тая,
То часто, честно вам признаюсь,
Я тоже думаю: «Вот я…»

Наверно, так идет от века.
Кто с человечеством знаком,
Тот ведает: быть человеку
Случалось зайцем. И – орлом.

* * *

Да, в мире есть и смерть и кровь.
И одиночество до краю.
Но все же женская любовь
Мужчин спасала. И – спасает.

Любовь ли мамы. Иль жены.
Иль дочери. Но всюду блещет.
А мы, мужчины, – что ж, должны
Склониться
перед ликом Женщин!

* * *

Младенцы плачут одинаково.
И одинаково смеются.
Хоть гений, хоть дурак ли он,
Авось в грядущем разберутся!

И пусть любой
он будет цветности,
Но маме равно драгоценен.
Ее святой великой верности
Дай Бог,
чтоб каждый был бы верен!

Младенцы все мы!
Даже в зрелости
И в старости. Здесь, за горами,
Нам мамы не хватает верности.
Но – нет уж нашей мамы с нами.

И некому сказать иначе,
Что зря друг с другом
часто бьемся,
Что одинаково мы плачем.
И одинаково смеемся.

ДАГЕСТАНСКАЯ ТРАГЕДИЯ

Памяти погибших в борьбе с бандформированиями

* * *

Какое смешное названье –
Ослиное Ухо. Гора.
Без мата. И без отпеванья.
Без стона. Без крика «Ура!»

Я молча шагнул здесь под пули
Для Жизни. Себя не щадя.
На смерть мою только аулы,
Пустые аулы глядят.

Ни встреч мне уже, ни прощаний.
Все пусто. С утра до утра…
Какое смешное названье –
Ослиное Ухо. Гора.

Я молод был. Люди, поверьте!
Россию любил. И друзей.
И вовсе не думал о смерти.
О маме я думал моей.

Еще о любви. О свиданье.
О том, что настанет пора…
Какое смешное названье –
Ослиное Ухо. Гора.

Пробитое сердце не бьется.
Уснули и радость и грусть.
Аул-то, наверно, проснется,
А я – никогда не проснусь.

Ни счастья уж мне, ни свиданий.
Все в прошлом.
Как в детстве игра…
Какое смешное названье –
Ослиное Ухо. Гора.

Вся жизнь как пустая затея.
Так много успеть я хотел!
И думал, что все я успею…
А вот – ничего не успел.

И нет уже больше желаний.
Нет воздуха. Пыль и жара.
Какое смешное названье –
Ослиное Ухо. Гора.

Не надо смеяться на тризне.
Навек я недаром уснул.
Чтоб к ЖИЗНИ!
Вы слышите? К ЖИЗНИ!
Проснулся вот этот аул!

Глаза мои пусты и сухи.
И нет в них ни слез, ни огня…
У склона Ослиного Уха
Вы вспомните, люди, меня…

БАЛЛАДА О МАЛЬЧИШКАХ ДАГЕСТАНА

Ждала затмения природа.
Так было Солнцу суждено.
На миг исчезнуть с небосвода
В тот день должно было оно.

На миг исчезло Солнце. Сразу
Вернулось. Это не беда.
Но для отважных братьев разом
Оно померкло навсегда.

Кто знает: пуля ли бандита?
Иль дрогнул пульс на вираже?
Теперь уже навеки скрыто.
Да и не значимо уже.

Не в этом суть. Не в этом дело.
А в том, что вдруг разверзся ад.
В том, что сердца заледенели
От этой гибели ребят.

Четыре юных, смелых брата
Дерзнули и решить и сметь
В холодном пламени заката
Узнать,
что в жизни значит смерть.

Нет, не без смысла, не без цели!
Они спешили, как могли,
Чтоб защитить родную землю,
Честь отстоять родной земли!

Межа проложена Судьбою.
И нет страшнее той межи…
Но не годами и покоем
Мы меряем достойных жизнь.

Ведь мы на самой горькой тризне
Ушедшего чтим по тому,
Что сделал для земной он жизни,
Что удалось успеть ему.

Они – немногое успели,
Сыны родной своей Земли.
Но главное – они сумели!
Но главное – они смогли!

Дать знать, что жили не напрасно.
Оставить чистый в жизни след.
И – память. Ту, что так прекрасна,
На много, очень много лет.

С Кораном или без Корана,
За мужество, за честь и ум.
Вас поздно помянут иль рано
Родной аул, родной тухум.

Лет позади не так уж много,
Не много за спиною миль,
Но помнить будет та дорога
Тебя, Артур. Тебя, Шамиль.

И Магомеда. И Руслана.
Отважных мальчиков своих,
Сынов надежных Дагестана
И сердце доблестное их!

Пусть память эта жжет, как рана.
Но нет почетней этих ран.
Они – святыня Дагестана!
Им памятником – Дагестан!

Мальчишки нынешние! Эту
Запомните святую боль!
На дагестанской вам планете
Нелегкая досталась роль.

Они – ушли. Вы, к счастью, живы.
Теперь, и помня и скорбя,
Пусть очень трудно, но счастливо
Вам жить за них и за себя!

Затменье Солнца – что ж, проходит.
Затменье Жизни – никогда.
Беда останется бедою,
Как эта страшная беда.

Затменье Солнца не впервые.
Затменье Жизни без конца…
Вы – Дагестана часовые.
Бессмертие его лица!

МАГОМЕДУ БЕРЦИНАЕВУ

Ты был врачом. Спасал людей,
Любя их всех любовью брата.
Во имя той любви твоей
Принес ты клятву Гиппократа.

Спасти людей! Людей спасти!
Врач должен быть таким от века!
И смерть и ужас отвести
От гибнущего человека.

Но если человек несет
Собою эти страх и ужас,
То в руки автомат берет
Тот, кому скальпель больше нужен,

Привычен больше. А зачем?
Затем, что клятва эта свята.
Чтоб защитить ЛЮДЕЙ. И тем
Исполнить клятву Гиппократа.

Свой долг исполнил ты стократ
С высокой, благородной силой…
Главу склонил бы Гиппократ
Перед твоею, ВРАЧ, могилой.

Магомед-Наби ХАЛИЛОВ

Халилов Магомед-Наби Магомедович родился в 1941 году в селении Нижнее Казанище Буйнакского района. В 1959 году окончил в родном селе среднюю школу, затем служил в армии, окончил Дагестанский политехнический институт. В течении 35 лет работал на различных промышленных предприятиях столицы республики. Он – автор четырех поэтических сборников: «Живой мост» (1993), «На гребне жизни» (1999), «Мой мир» (2003), «Бозигит» (2005). Его лучшие произведения вошли в антологию кумыкской поэзии, многие стихотворения и поэмы переведены на русский язык. Лауреат республиканского литературного конкурса, член Союза писателей России предложил нашему журналу произведение, названное им поэмой. Но его можно назвать и очерком в стихах, поскольку в нем фигурируют реальные люди. Судить читателю.

КОЧАП КАМАВ

поэма

Роскошной шубой, дорогою
И неуемной болтовней
Никто не стал еще героем;
Герой и в рубище – герой...

Йырчы Къазакъ

1

Случалось, я нередко слышал
Да и молва о том гласит:
Любой озден из Казанища
Хоть чем-нибудь да знаменит!

Сегодня ж цель повествования –
Судьба героя моего,
Дела, достойные преданья,
И годы детские его.

Среди ровесников, и – старше
Кочап Камав[1] был ярче всех,
Ему, в делах его бесстрашных,
Всегда сопутствовал успех...

Когда война людей косила,
А голод мучил и душил,
Камав, упорный как двужильный,
И смерть, и голод победил.

Покамест гнал отец на запад
Фашистов, не жалея сил,
Чуть свет он, с сонными глазами,
На помощь матери спешил...

Но эхо той войны, победной,
Гремит в очаре на камнях.
Камав с мальчишками об этом
Готовы слушать; их манят

Рассказы воинов в шинелях;
Один из них, чтоб грусть унять,
Спросил
– ну, кто тут самый смелый,
Кто в схватке может устоять?

Из всех, кто вызвался бороться,
Один Камав сильнее всех,
Откуда сила в нем берется
Бессменно праздновать успех!

По просьбе старших, раз за разом,
Мальчишек, рвущихся к борьбе,
Не дав «борцам» моргнуть и глазом,
Он припечатывал к земле...

2

К жаре и к холоду привыкший,
Не пропускал уроков он,
И был,
на зависть всем мальчишкам,
Как сталь, прошедшая огонь.

Камав, любя учебу страстно,
Одни пятерки получал,
И знал (был старостою класса),
Что труд – начало всех начал...

Случилось раз, из школы выйдя,
Услышав возгласы и смех,
Парней он спорящих увидел –
Кто бросит камень дальше всех.

И парни мальчика заметили,
Невозмутимый приняв вид,
И как глаза Камава светятся,
И то, как с завистью глядит.

Смеются: подрасти немножко.
Ведь камни крупные бросать
Трудней,
чем управляться с ложкой,
Сложней, чем двойки получать...

Камав без слов, и – без сомнений
К парням неспешно подошел,
Поставил сумку на ступеньки
И ждал, пока черед пришел.

Тяжелый камень взяв рукою
Поставил мягко на плечо
И бросил с силою такою,
Как будто камень был мячом.

Подняли парни шум ужасный –
Мальчишка их опередил:
Победу празднуешь напрасно,
Ты дальше линии ступил!

Бросай по-честному, не сможешь
Ты нас опять перехитрить;
Такого вправду быть не может,
Чтоб мог мальчишка победить...

Пять раз бросал
Камав тот камень,
Пять раз рекорд улучшил свой!
Потом уставшими руками
Взял сумку, и – пошел домой.

3

И жизнь налаживаться стала...
Как конь, не знающий удил, –
Уже учебы было мало,
Камав работу полюбил.

Камав, примерный сын народа,
Нигде усталости не знал,
Свои опережая годы,
Коня стального оседлал.

Учился мой герой охотно,
Ему на все хватало сил:
Он днем на тракторе работал,
А в школу вечером ходил.

Владея силой непомерной,
Он где труднее выбирал,
И вымпел красный – знак примера,
Коня стального украшал!

Камав, кумир красавиц местных,
Познал еще с незрелых лет
Успех у девушек прелестных,
И радость трудовых побед.

С Камавом юноши любезны,
Поскольку каждый был знаком
И с хваткой рук его железных,
И с силой мощной кулаков.

Успех Камава не испортил,
На ерунду не тратил сил,
Всегда охочий до работы,
Табак и водку обходил.

На помощь слабому готовый,
Ни в чем соперников не знал,
Тяжелой гирей двухпудовой
Камав, как перышком играл.

4

Камав подобен сказочному нарту,
И конь его стальной – ему под стать,
Любое испытание с азартом
Встречают вместе, им ли пасовать!

И в житнице – на поле Карантая[2],
Где труд кипит горячий,
круглый год
Трудились люди, отдыха не зная,
И наш Камав совсем не устает.

Камав на Карантае сутки
Пахал и сеял, и – косил,
Не тратил попусту минутки,
Трудясь, пока хватало сил.

Лицо под солнцем потемнело,
А руки трактор «подчернил»,
Но наш ударник, крепкий телом,
И духом твердый, полон сил.

И только в полдень люд уставший
Сойдется в стан перекусить,
В труде семьей единой ставший
Народ, не любящий тужить.

Пойдет веселье, прибаутки,
Покамест шум работы стих,
Потом пойдут незлые шутки
Девчат и юношей лихих.

Ни зной не может, ни усталость
Веселью юных помешать,
На Карантае ярче стало,
На поле этом – благодать!

Камав, увидя у дороги
Стальную трактора деталь,
Подбросил, к удивленью многих,
И выжимать, как гирю, стал.

Лишь выжав сотню раз железку,
Вспотев, вздохнувши глубоко,
Поставил он ее на место,
И то – по просьбе земляков.

5

Мой нарт бывал в Шуре[3] и в детстве –
Пешком, а то и на арбе,
Теперь рассвет у склада встретил –
Нужны запчасти для ДТ.

Он, не найдя того, что ищет,
Пошел невесело назад,
И вдруг, как зов судьбы услышал –
На дом громадный бросил взгляд.

То был
спортивный зал роскошный
С «матрасом толстым» на полу,
– Хватай за пояс, дай подножку! –
Вовсю болельщики орут.

Тогда Патах[4], известный тренер,
Героя нашего узнав,
Сказал Камаву с нетерпеньем:
– Давай, рискни и ты, Камав!

Ну что ж, пусть будет то, что будет,
Кто не проигрывал в бою.
Хоть и не знаю, что я людям
Скажу, коль вдруг не устою...

Потом, избрав борца повыше,
Сильнее и крупней него,
Схватил Камав, и, как мальчишку,
Подмял, играючи, его.

Затем другой борец, покрепче,
Камава вызвал; зал притих.
Была еще короче встреча –
«Крепыш» держался только миг.

Когда же был повержен третий,
Минуту выстояв всего,
Весь зал овациями встретил
Триумф героя моего!

6

Был председателем колхоза
Даид[5] в те годы, и народ
Его ценил, хотя и грозно
Он брал лентяев в оборот.

Даид всегда ценил Камава,
Следя за парнем с давних пор:
– Трудяга, честен, судит здраво.
И пригласил на разговор:

Камав, ты стал уже известным,
И я сказать тебе хочу,
Таким, как ты, трудягам честным
Любое дело по плечу!

Хотя земля обильна наша,
Но все же люди нам нужны,
Кто может поднимать и пашни,
И повести народ должны.

Тебе, конечно будет трудно
Осуществить мечты свои –
Закончить вуз, домой вернуться,
И стать помощником моим.

Непросто будет все вначале,
Но верю – не свернешь с пути,
Какие б бури ни встречались,
Их победить сумеешь ты!

Благодарит Камав Даида
За слово доброе, и – честь,
Стараясь не подать и виду,
Что эта мысль давно в нем есть.

Пришел домой
в волненьи сильном,
И радость каждому видна;
А мать то счастлива за сына,
То вновь заботами полна.

7

Вот мой герой в столичном вузе,
В мечтах взлетая высоко,
Хурджуны знаниями грузит,
Хотя ему и нелегко.

Камав, привычке старой верный,
Не ждет подарков от судьбы,
Ему дает столичный тренер
Уроки новые борьбы.

Покамест тренер не прогонит
(И семь потов сойти должны)
На тренировках непреклонен,
Готовясь к первенству страны.

Стоит, как вылитый из стали,
На всех коврах, в любом бою.
И удивляться перестали
Борцы в родном его краю.

Однажды, так уж получилось,
С борцом, что славою блистал,
С рукой травмированной бился,
И верх над венгром одержал.

Камав гордился альма-матер,
А вуз его – боготворил,
Отбоя не было от нартов,
Набраться опыта и сил

Мечтавших под его началом;
Ведь каждый бой его – урок,
Ему иначе не пристало –
Он подвести сельчан не мог.

В учебе, спорте и поступках,
Какое б дело ни решал,
Хорош любой его поступок,
И благороден каждый шаг.

8

Камав вернулся агрономом
В село и принялся опять
За тяжкий труд, давно знакомый –
Родную землю оживлять.

Теперь их председатель бывший
Район возглавил, и – опять
О подвигах Камава слышать
Он, как и прежде, очень рад.

И, делу предан непритворно,
На части время разделил
Между трудом и между спортом,
И вновь на все хватает сил.

Камав наш
сельский клуб невзрачный
В дворец спортивный превратил,
Десятки мальчиков вчерашних
На путь борьбы благословил.

С какой идут охотой парни
В спортзал, довольные собой,
Забросив курево и праздность,
Своей счастливые судьбой.

Камав к ним добр, но очень жесток,
Он спуску лодырям не даст,
В его устах для всех подростков
Любое слово – как приказ.

Гоняя до седьмого пота
В спортзале юных сорванцов,
Он им привил к труду охоту,
И – зависть к подвигам отцов.

Пусть слава их гремит не очень,
Пока – не далее села,
Зато сильны, Камав им прочит –
Узнают все про их дела!

9

Но грянул час, герой наш тоже
Тропой любви шагает сам –
Давно покой его тревожит
Любовь к красавице Марьям.

Опять Камав в Шуру к любимой,
Закончив все дела, спешит,
Он знает, взгляд ее счастливый
Все раны сердца заглушит.

Сидят, не смея шелохнуться,
В кино два пленника любви,
Боясь от счастья задохнуться,
С огнем, играющим в крови.

Закончен фильм, они тревожно
Подходят к домику Марьям,
Она войти домой не может –
Стоит машина чья-то там.

Внутри – надравшиеся в стельку,
Горланит куча молодцов,
Для них и море – по колено,
Шесть буйных пьяных наглецов.

Камав не стал просить проходу,
Но и с дороги не свернул,
За перед взял машину с ходу,
Поднял и просто повернул.

В его руках машина «Волга»
Всю тяжесть «сбросила» свою...
Камав раздумывал недолго –
Свернул, как шею бугаю.

Юнцы мгновенно отрезвели –
Тотчас же хохот стих, и гул.
Камав, простясь с своей газелью,
К себе направился в аул.

10

Творцом начертанная свыше
Соединила их судьба,
Марьям с Камавом в Казанище
Семьей счастливой зажила.

И, как букет цветов весенних,
Для всех была приятной весть,
А удостоить посещеньем
Их дом – любой считал за честь.

С душой открытой и широкой,
Камав притягивал людей,
Из Белоруссии далекой
Приехал друг его, Медведь[6].

Борец, известный всей планете,
Не мог и в мыслях допустить –
На зов Камава не ответить,
И радость с ним не разделить.

Чтоб дорогого гостя встретить
Пришел к Камаву целый род,
Делили радость до рассвета,
Гордился гостем весь народ.

Недолго длился праздник встречи,
Медведь «ораторам» внимал,
От сердца сказанные речи
Без перевода понимал.

И два прославленных атлета
Подобны братьям-близнецам,
То утро у Чиркея встретят,
То снова видят чудеса.

Однажды даже так случилось –
По Казанищу слух прошел,
Медведь к Камаву в дом явился –
Из лесу зверь к нему пришел.

Узрев же сказочного дива,
Непобедимого в бою,
Народ, уставясь, как на диво,
Ему являл любовь свою.

11

Поскольку нет боев без раны,
Перепадало и ему,
И все ж Камав, «забыв» о травмах,
Шагал наперекор всему.

Сегодня – день махачкалинцев,
В спортзале – целый Дагестан,
С утра – ковер, где будут биться,
А к ночи – голубой экран...

Камав – в бою, противник – снизу,
Дожмет соперника сейчас;
Марьям же дома, в телевизор
Глядит, не отрывая глаз.

Закончен бой, а в центре круга
Борцы уставшие стоят,
Судья поднял Камаву руку
И начал громко объявлять.

Его соперник – знаменитость,
Привыкший только побеждать,
«Отдав» победу в честной битве,
Не стал Камава поздравлять...

Он вместо этого Камава
Ударил в грудь что было сил.
Закончил бой борец бесславно,
Чем всех ужасно возмутил.

Марьям, подумав лишь мгновенье,
Не в силах совладать с собой,
Быть с тем решила непременно,
Кто предназначен ей судьбой.

И, несмотря на время суток,
И, тьмы кромешной не боясь,
Она, не медля ни минуты,
В столицу, к мужу подалась...

Таксист не тратил слов ненужных,
Не первый видел рейс такой...
И, лишь найдя здоровым мужа,
Марьям вздохнула глубоко.

12

В селе жара и духотище,
Сегодня просто не узнать
Дворец культуры Казанища –
Там негде яблоку упасть.

И ни дела, ни воздух знойный
Не могут их остановить –
Народ идет встречать героя,
Иначе и не может быть.

Темев[7], наш старец бородатый,
Доживший до волос седых:
– У нас всегда водились нарты,
Кочап Камав – один из них!

И Абакар[8], молчун известный,
Неторопливо произнес
Слова, как он с Камавом вместе
На поле сеяли "Гёк гёз"[9].

Как их прицеп в кювет свалился,
И трактор их остановил,
И, как с прицепом он ни бился,
А сдвинуть с места – выше сил.

Стоим в пути, прицеп – в кювете,
На помощь некого позвать,
Пять тонн зерна, в мешках
в прицепе,
А в поле сеялки стоят...

Уходит время золотое
Часов "горящей" посевной,
Самим им дело непростое
Решать, нет помощи иной.

Тогда Камав, как див из фильмов,
Прицеп, натужась, подхватил
С нечеловеческою силой
И – на дорогу опустил!

Немало было слов хороших
В тот вечер в праздничном кругу,
Веселье, до глубокой ночи,
Народ продолжил на лугу.

13

В сей жизни
слыть женой достойной
Не каждой женщине дано,
Но Саламат, сестру героя,
Такою знали все давно.

Хотя была постарше брата,
Воздав его папахе честь,
Она блюла всегда, и – свято
Обычай наш, какой он есть.

А если изредка случалось
Ответить брату невпопад,
Она весь день потом страдала –
Уж не обиделся ли брат...

Всегда и всюду неразлучны,
Как пара братьев-близнецов,
Им друг без друга было скучно,
Не видя близкое лицо.

Услышав, что в селе недальнем
Внезапно умер родич их,
Камав с сестрою в путь собрались
Утешить в горести родных.

Пробыв у близких сколько надо,
Сестра взялась домой идти;
Не стала дожидаться брата,
Авось, догонит по пути.

Шагает Саламат с опаской
По краю узкого шоссе,
Но избежать судьбы несчастной
Кому под силу? Знают все...

Удар был страшным
и – нежданным,
Машина сбила Саламат;
Лежит в крови
и – шепот странный:
Ну, где же ты, любимый брат?

Бедняжку люди окружили,
А тут и брат ее пришел,
Но Саламат лежит без силы –
Сестру погибшею нашел.

Не зря подмечено народом,
И это каждый замечал –
Беда одна нечасто ходит,
Камав вдруг зренье потерял!

14

Годами месяцы сменялись,
Травой могила заросла,
Тупее боль с годами стала,
Что смерть Камаву нанесла.

Теперь Камава брат известен
(Не силой рук, не мощью сил) –
Куда он только с ним ни ездил,
К кому Камава ни возил!

Нет исцеления для брата,
Кто брату зрение вернет?
И где живет теперь Филатов?
И кто пути к нему найдет?

Переносил Камав спокойно
Удары страшные судьбы,
И вел себя всегда достойно
Борца, любимца всей страны.

Благодарит Творца за то, что
Полвека ярко жизнь прожил –
И на ковре держался прочно,
И пользу людям приносил.

За Гульжанат Творца лишь молит,
За дочь любимую свою,
Что с золотой медалью школу
Закончив, в тот же ходит вуз.

Потом пошла в аспирантуру,
Отцовской линии верна –
Его бойцовскую натуру
Переняла, но – не одна.

И сыновья – Абдул с Мурадом,
Камава верные сыны,
Идти, родне своей на радость,
Стезей отцовскою должны.

Камав, никем не побежденный –
Кочап, борьбой привыкший жить!
Пускай недугами сраженный,
Им не дает себя сломить.

Не сдался «сахарной болезни»,
Не покорился слепоте,
Остался воином, как прежде,
Навеки преданный мечте.

15

Ах, если б к людям выйти мог он,
К скольким на помощь бы пришел,
И скольким он в беде помог бы,
Свое подставил бы плечо.

Проверкой юношей на прочность
Опять бы стал борцовский зал,
К нему бы каждый шел, кто хочет.
Ведь он не все еще сказал.

Законам чести знавший цену,
Он мненье б высказал свое,
И, воспитав достойных смену,
Узду надел бы на ворье:

Кто и не сеет, и не пашет;
Вздохнуть народу не дает –
Разворовал богатства наши,
И земли наши продает...

Но не дают подняться беды
Во весь его могучий рост,
Познать привычный вкус победы,
Узреть – кто честен, кто – прохвост!

Камав, поднявшись еле-еле,
Не видя даже, кто стоит,
Друзьям, стоявшим у постели,
Поведал помыслы свои:

Никто не вечен в этом мире,
Исчезла юность вдалеке;
А жизнь, как дикий конь в пустыне,
Покорна воле, и – руке.

Я жизнь свою прожил недаром;
Не все случалось, как хотел,
Страшны мне не судьбы удары,
А мысль, что много не успел.

Меня, ослепшего, к несчастью,
Родные улицы манят,
Они, как райский сад, прекрасны,
Навеки в сердце у меня.

Мне жить осталось, мало, люди!
И к вам одна лишь просьба есть –
Пускай всего дороже будет
Для вас села родного честь!

16

Стоит на кладбище, у вяза
Надгробный камень – часовой,
На камне надпись тонкой вязью:
Камав нашел здесь свой покой.

Идут друзья сюда молиться
За упокой его души.
Колышет ветер мягко листья
В ночной кладбищенской тиши.

Прошу – сверши, Создатель, чудо –
Прости Камаву все грехи!
Пусть за него молитвой будут
И эти скромные стихи...

Перевел с кумыкского
Динислам КАРДАШЕВ

---

[1] Камавов Камав – (1937-2000) – мастер спорта СССР, многократный чемпион Дагестана, России и СССР по вольной борьбе.
[2] Карантай – полеводческий участок Нижнего Казанища.
[3] Темирхан-Шура – дореволюционное название города Буйнакска.
[4] Казимагомедов Пат – известный борец и тренер.
[5] Даидов Даид – председатель колхоза, первый секретарь Буйнакского РК КПСС, секретарь обкома партии.
[6] Медведь Александр – Заслуженный мастер спорта, многократный чемпион мира и Олимпийских игр по вольной борьбе.
[7] Темеев Магомед – председатель Нижнеказанищенского сельского Совета.
[8] Татаев Абакар – известный механизатор колхоза Нижнего Казанища.
[9] Гёк гёз – название колхозного участка Нижнего Казанища.

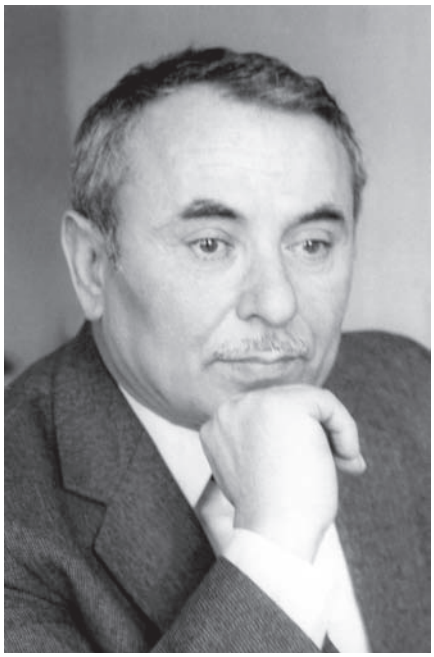
Зарема КАЗБЕКОВА

К 75-летию замечательного дагестанского прозаика и кинодраматурга Ахмедхана Абу-Бакара публикуем две статьи, уже увидевшие свет много лет назад. Но тем они и ценнее, что максимально были приближены по времени к писателю. Первая написана вскоре после его ухода из жизни, вторая уже позже. И они как нельзя лучше дополняют друг друга. Что подтверждает и вдова литератора.

МИР ЛЮБВИ, ДОБРА И БОЛИ

Ахмедхан Абу-Бакар – талантливый прозаик, представитель так называемой «литературной волны семидесятых» – остался в истории нашей культуры как личность, соотнесенная с духовными и творческими исканиями своего времени.

Именно так вошел в мировую литературу Абу-Бакар, представляя свою «землю, величиной с почтовую марку». Более 30 раз на различных иностранных языках печатал его произведения журнал «Советская литература», издание, работавшее на зарубежного читателя; его книги большими тиражами выходили в издательстве «Прогресс», выполнявшем ту же функцию; Абу-Бакара читали на тамильском, урду, суахили, арабском, чешском, словацком, польском, финском, английском, испанском, французском, албанском... Его имя прочно вошло в зарубежные обозрения по советской прозе, ему посвятили свои труды и такие видные зарубежные специалисты и издатели, как Герберт Кремпиен, Алена Мёкель, Сэм Тэнкел, Стефан Стоянов, Павел Штевчек, Руси Шемельков, Иозеф Щадей, Вангюш Цико, Ива Вацулин, Ирина Питляр и другие. Его переводили и в таком традиционном издательстве, как «Народная культура» в Болгарии, и в новом американском «ССЛ», и в берлинском «Дер Морген», и в «Словацком писателе» в Братиславе, в книгоиздательстве «Георгий Бакланов» в Варне, в берлинском «Уленшпигеле», в «Словацком обозрении», в пражском «Свет Совету» и многих других.



В канун юбилейных торжеств писателя, которые мы проводим, увы, без него, мы особенно остро ощущаем его преждевременный уход, значение его творческого вклада в отечественную культуру, значение его таланта, в чем нас наглядно убеждает и антология мнений зарубежной критики.

«Его заметили миллионы людей, и между ними и литературоведы, которые по праву ему отводят место среди самых многообещающих молодых писателей Советского Союза» (Р. Шемелеков, 1967). «Дагестанский писатель Ахмедхан Абу-Бакар – один из наиболее ярких творцов современной советской многонациональной литературы» (предисловие к сборнику «Ожерелье» болг. яз., 1978). «Талант его проявил себя бурно и особенно ярко в великолепных повестях, овеянных свежестью и красотой любимого Дагестана» (Стоянов, 1971). «Это действительно талантливое, веселое и увлекательное произведение, во многом новаторское, свежее, свидетельствующее о характерных сдвигах в современной дагестанской прозе» (о повести «Снежные люди», И. Питляр, 1967). «Это гимн во славу солнца, щедро изливающего свет на любое живое существо, это мощный колорит южной палитры, это рука талантливого акварелиста, умеющего возвести романтические мосты над пропастью банальности» (о повести «Солнце в гнезде орла», «Советская литература», 1975). «Игра фантазии, меткий восточный юмор определяют талант художника; все, о чем он пишет, услышано в жизни, в особенной жизни горных районов, и потому правдиво» (А. Мекель, 1984).

В архиве писателя множество писем, адресаты которых разбросаны по всему свету, письма самые разные, их авторы высвечивают те смыслы и проблемы, которые созвучны им, которые зиждятся на встречном интересе. Так, американские издатели «Короткого рассказа» благодарят за неожиданное

для советских авторов «внимательное и доброе отношение к своей религии, религиозным памятникам, теплое отношение к верующим» (речь идет о «Солнце в гнезде орла», 1978). Из Тель-Авива Ева Шевадиева благодарит автора «Ожерелья для моей Серминаз» за «тронувший до глубины души образ представителя своего народа, нарисованный вами так же тепло, как герои, в которых вы влюблены» (1969). «Я – учитель тегеранской школы, – пишет Али Хамадан, – прочитав повесть «Мама, зажги солнце», был потрясен, тяжелая судьба мальчика, детство которого прошло в войну, – это моя судьба... Спасибо за душевную доброту и щедрость к своим маленьким героям» (1985).

А вот письмо из Парижа от чеченки Патимат Дату: «С удовольствием прочитала на французском «Снежных людей». Сколько улыбки, нежности, любви к людям! Я бы очень хотела, чтобы повесть была переиздана у нас, и чтобы ее иллюстрировала моя дочь – художница. Вот было бы здорово! Добрые снежные люди глазами француженки» (1970). «Поздравляем с выходом замечательной книги «Пламя родного очага». Спасибо за умную, ценную и нужную книгу. Благодаря ей мы еще раз побывали в вашем прекрасном крае», – писали издатели «Дер Морген» (1971). «С удовольствием читал "Даргинских девушек", а вот "Чегери" стала для меня откровением. Сколько мудрого вымысла, жизнелюбия, радости в этом повествовании, схожем с серебристым журчащим ручейком, в котором отражаются солнечные лучи», – признавался албанский писатель Вангюш Цико. И еще одно письмо-признание, связанное с «Дедушкой Хабибуллой из долины садов», переведенном на чешский язык: «Восхищался, как ребенок, – сообщал чешский прозаик Ива Вацулин. – Здорово сделана композиция, а последняя часть «Театр глиняных кукол» – это просто находка для детских театров. Жму твою талантливую руку» (1982).

А. Абу-Бакар и Х. Авшалумов

Зарубежная судьба писателя была на редкость счастливой, начисто лишенной какого бы то ни было негативизма, критической тени, и это не случайно, ибо он был принят, прежде всего, как автор национального мира, психологически не обжитого в той новой тональности, которую предлагал тогда еще молодой дагестанский прозаик. Абу-Бакар наконец-таки сошел со столбовой героико-эпической, философски напыщенной дороги дагестанской литературы, сделав существенный шаг в сторону ее жизнеподобия, жизнеподобия ее героев и характеров. Ему удалось «поймать время», войти в современность, уйдя из вневременья литературной дидактики и вымученного экзотизма, оставаясь в то же время глубоко национальным художником.

Сейчас, уже в другую эпоху, возвратившись к повестям писателя, как бы заново открываешь для себя мир, созданный этим веселым печальником, этим печальным балагуром. Традиционное восхищение писателем связано со смеховой стилистикой его творчества, но чем больше смеется автор и его герои, тем больше ощущается контекст исстрадавшегося сердца, – где раны военного детства, несытой юности, гражданских битв за справедливость оставили свои непроходящие меты. Абубакаровский смех «амбивалентен», и это классическая формула художественной литературы, но нравственный императив его мира не знает амбивалентности. Доброта, добро, доброе входят в национальную атрибутику его образов органично и естественно, вне всякой попытки идеализации, как бы отражая черты «национального времени», определенно замедленного и сохраняющего традицию и детскую наивность в восприятии мира. Таковы его снежные люди, Паганини из Харбука, дедушка Кунде, бабушка Айбала и многие-многие герои его «добрых» повестей: «Да озарит тебя надежда», «Паганини из Харбука», «Жизнь в стремени»...

Генрих Бёлль как-то заметил в контексте общих споров между элитарной и массовой литературой, что советская литература не может «проиграть», так как здесь не утратили своего значения десять заповедей, на которых все еще держится мир». Проза дагестанского писателя – убедительное тому подтверждение. Его мир – это мир любви и добра, нежности и боли, надежды и сочувствия ко всему, что происходит вокруг. О чем бы ни писал Абу-Бакар: о мальчике, сбитом машиной, черном галчонке в желтых трусиках, повисшем у него на руках, как подбитый птенчик («Паганини из Харбука»); о трагической судьбе уникальных надгробий, святотатственными руками вырванных из могил («Меня нет и не будет»); о покинутом людьми ауле «Снежные люди»), – он писал с сознанием драматичности существующего мира. «Люди оставили в горах свою историю. А история неравнодушна к тому, как человек к ней относится», – с другой стороны, Абу-Бакар – эпик, носитель эпического мышления. В блестящей повести «Снежные люди» проявились черты «всеобъемлющего повествования», стремление к «идеалу всеохватности». Здесь сделана попытка изобразить Шубурум некой автономной моделью мира. Шубурум, затерявшийся у снежных вершин, Шубурум, где туман садится на крыши и вползает в старые сакли, Шубурум, как маленькая планета, что, в относительности времени

«прожив», угасает на наших глазах, отстояв право на память, утвердив свою версию бытия.

Повесть «Снежные люди», как и все творчество писателя, – о глубокой и настоящей любви к родным местам и людям. Замечательные пейзажные акварели писателя – тоже часть этой любви. Как говорил Абу-Бакар, «в горах даже гром гремит от восторга», так прекрасна его маленькая земля. «А в долине Шумари горят костры осени. Пламя, известно, ярче вспыхивает, прежде чем погаснуть, так и природа не поскупилась на красоту – прежде чем притушить зелень, пурпурным пламенем зажглись на склонах молодая поросль груш и кусты терна, клен сбрасывает почти что прозрачные золотые листья с ладонь величиной. То там, то здесь блестят кисти красной калины и барбарисовые сережки. Ак-су начисто прикрывают большие раскидистые шляпы лопухов, над ними, как свечки, высоко взметнулись фиолетовые султанчики, осыпанные белыми цветами. Порой кажется, что если ничего и не было бы в жизни, одно удовольствие созерцать и ощущать в душе такую красоту – за глаза человеку. Природа не могла не создать разума для того, чтобы понять эту красоту и сказать слово восхищения» («Корнями – в землю, ветвями – к солнцу»).

Да, красота спасает человека. Может быть, именно в этом, абубакаровском смысле она спасет и мир. Во всяком случае, это версия к пониманию неапокалиптической формулы Достоевского. Красота спасает человека, а человек спасает красоту. В особенности, если он – настоящий художник, каким был Ахмедхан Абу-Бакар.

«Снежные люди»

СУДЬБА ПОВЕСТИ И СУДЬБА ПИСАТЕЛЯ

Фатима АБАКАРОВА

Воспоминания об Ахмедхане Абу-Бакаре приводят меня, как и всякого, к ключевому событию в его творческой жизни – к повести «Снежные люди». Многие считают, что из всех повестей А. Абу-Бакара в «Снежных людях» наиболее ярко проявились характерные особенности манеры его письма: остросюжетность, романтическая условность, живописное описание природы и быта, искрометный юмор и афористичность.

Повесть излучает добро, каждая ее страница искрится шутками, смехом. Автор любовно высвечивает островки сохранившегося еще традиционного мира с его ярко выраженным юмористическим началом. «Хохотали, до слёз, до колик, до изнеможения, хлопая в ладоши, от смеха надрывали животы», – пишет он. Но сердце автора сжимается от острой боли при виде того, как умирает оставленный людьми аул. Эту боль усиливает плач ветра, сдувавшего «остатки золы из очагов, возле которых грелись когда-то веселые семьи горцев... Ни дымка, ни лая собаки, ни мычания идущей с пастбища коровы, ни звучного рыдания осла...»

Переживания жителей аула Шубурум сродни проблемам людей из любого высокогорного аула, в действительности переселявшегося на равнину, так как переселение с гор – событие воистину драматическое. Нелегко покинуть землю, родное гнездовье, могилы отцов и дедов и уехать в незнакомые места. И неудивительно, что об этом автор говорит с грустью и печалью. Горцы спускаются в низину, к Каспию, на плодородные равнины, но перед ними еще множество нерешенных вопросов: как бросить родной очаг, как покинуть предков, «чьи могильные надгробные

А. Расулов, С. Рабаданов и А. Абу-Бакар

резные камни в рост человека, словно собрались и смотрят, окаменев от боли разлуки, клонятся к дороге, бегущей с гор».

«Снежные люди» – повесть глубокой и нежной любви к родным местам, к жителям Шубурума, в душах которых нетронутой нежности больше, чем снега на вершинах гор. «Снежные люди» – добрые люди, а «снежность» его героев – это их святая патриархальность и добрая наивность. Хотя та же «снежность» была поставлена в обидный упрек писателю. Простодушные герои повести даже не подозревали, сколько неприятностей принесли они своему автору.

Злобное, бессмысленное обсуждение, вернее, осуждение повести «Снежные люди» оставило в памяти людей горький след. В чем только ни обвиняли автора: в анахронизме, осмеивании родного народа, недооценке успехов республики и т.п. Но эту душевную боль за поруганное дитя своего творчества автор перенес мужественно, так же, как переносил многие удары судьбы.

А. Абу-Бакар и М. Митаров

Естественно, отношение к «Снежным людям» было неоднозначным.

Как бы ответом послужило обсуждение повести на специальном заседании Союза писателей РСФСР в Москве 6 мая 1967 г. Председательствующий писатель Ф.Н. Таурин сказал, что повесть «Снежные люди» на родине писателя встретили отрицательно, считая, что она порочит и осмеивает народ автора. Такое восприятие повести вызывает самое глубокое изумление, отметил он. Выдумать, что автор поставил задачу высмеять собственный народ, опорочить его, – это плод какого-то грустного недоразумения или элементарного недомыслия. Кроме чувства огорчения такая оценка повести ничего вызвать не может. В этой повести талант, причем «светлый» талант, проявился наиболее ярко. Повесть написана с исключительной любовью, уважением, желанием показать всю мудрость, оптимистичность своего народа. Писатели С. Сартаков, Л. Ленч, С. Баруздин, Г. Бровман, Г. Багандов и другие подчеркивали национально-самобытный, светлый, лиричный характер юмора Абу-Бакара. По словам Г. Багандова, «Снежные люди» – характерное произведение для писателя. Если бы я читал, не зная, кто автор, я бы все равно догадался, что это Абу-Бакар. Решение проблемы в юмористическом, теплом, комическом плане – стиль таланта Абу-Бакара. Повесть глубоко национальна. Манера рассказа – народная. Вне шутки не существует рассказа у даргинцев».

«Читаешь, и иногда вырывается: ах! Просто здорово! Лучше не придумаешь!

То, что сделал Абу-Бакар, сделал хорошо. Весь бытовой антураж, от сакли до одежды, люди – все национально. Пейзаж – это часть настоящего национального произведения прозы», – восхищался Л. Ленч. «Повесть где-то смыкается с «Вечерами на хуторе близ Диканьки». Здесь нет подражания. Но чувствуется, что автор любит Гоголя, есть родственная связь» (А. Васильев).

Много добрых слов было сказано в адрес этой повести. Но особенно трогательной была оценка повести, данная Ахедом Агаевым: «Дорогой Ахмедхан! Я с огромным наслаждением прочитал повесть «Снежные люди» и если о чем-нибудь жалею, так о том, что ты несколько лет потерял на вещи, которые скорее сковывали твое доброе дарование, чем позволяли его раскрытию. Но, может быть, это и было детской болезнью роста, которой надобно переболеть, чтобы по-настоящему возмужать.

Хороши, поэтичны и мужественны обитатели повести. Восхищаешься очень тонко подмеченным преображением Хевы, трогает до слез ее беседа с Айшат. Непосредствен и чист в своей горской первозданности Хажи-Бекир.

Надо думать, история с каптаром, как умный художественный прием, оказалась более чем уместной. Она позволила раскрыть с доброй усмешкой характеры людей, их предрассудки, позволила двинуть сюжет без натяжки и искусственности.

Дай Аллах, чтобы ты принес в литературный Дагестан много новых людей с чистыми, снежными характерами, суровостью и мужеством наших гор и пробивающейся через них поэтичностью. С глубоким уважением Ахед Агаев. 15.2.67 г.»

Отгремели громы и молнии, когда через несколько лет на «Мосфильме» был поставлен фильм «Адам и Хева» по повести «Снежные люди». Нельзя не вспомнить без ностальгической благодарности тогдашнего первого секретаря Дагобкома КПСС М.-С.И. Умаханова, который на просмотре задал добрый тон и сердечно поздравил сценариста и снимавшихся в фильме таких знаменитых актеров, как Ф. Мкртчян, Е. Васильева, Г. Гегечкори и других.

Повесть была издана за рубежом на многих языках. «У повести «Снежные люди» счастливая зарубежная судьба. Зарубежные издатели считают эту повесть самой большой творческой удачей автора», – пишет исследователь проблемы «Дагестанская литература за рубежом» З.Г. Казбекова. «Болгарский критик Стефан Стоянов, – пишет она, – восхищаясь искрящимся остроумием, легкой иронией, изобилием комических ситуаций, фантазией автора, отмечал: «Когда прочтешь эту повесть, испытываешь приятное чувство как после разговора с умным, проницательным собеседником, который глубоко познал жизнь, обычаи народа и желает ему вовек добра и мудрости и дней еще более счастливых, нежели прожитых».

Судьба повести «Снежные люди», как и судьба писателя, – трудная, но счастливая, потому что, в конце концов, и жизнь, и творчество Ахмедхана Абу-Бакара состоялись. Состоялось признание в большом времени нашей литературы, нашей культуры, наконец, нашей истории.

МАГОМЕД-РАСУЛ

В прошлом номере журнала была опубликована статья о патриархе дагестанской поэзии Юсупе Хаппалаеве. Республика отметила его 90-летний юбилей. И вот горестная весть: поэта не стало. Свое отношение к его творчеству редакция попросила высказать народного писателя РД Магомед-Расула.

СЛОВО О «ЧЕКАНЩИКЕ СЛОВА»

Известный переводчик и литературовед Н.В. Капиева довольно точно и емко выразила суть творческого кредо народного поэта Дагестана Юсупа Рамазановича Хаппалаева, назвав его «Чеканщиком слова».

Как это понимать?

Попытаюсь продемонстрировать на примере одного стихотворения:

Я родился в том краю,
Где, как гром, обвал грохочет
И во тьме гроза свою
Молнию о скалы точит.

Где на склонах сеют рожь,
А в долинах – рис для плова,
Ценят острое, как нож,
К месту сказанное слово.

Где с природой наравне
Жизнь сурова. И не новость,
Что родимых гор во мне
Отпечаталась суровость.

Где на скачках скакуна
Ждут порою знаки славы,
Где нередко чабана
Выручают волкодавы.

Где бросается, как рысь,
Речка колесу на лопасть,
Где трусливым не родись,
А не то сорвешься в пропасть.

Где скупая на слова
Дружба, но не первым встречным,
Выразит себя сперва
Красноречием сердечным.

Где струя из родника
По трубе течет в кувшины
И к шоферам облака
Лезут в жаркие кабины.

Где папаху набекрень
Носят парни Цудахара,
Где фиалка и кремень –
Символическая пара.

Как известно, в наше время каждый, кому не лень, пишет стихи или рассказы. В этом, наверное, нет ничего удивительного: так было и сотни лет назад, так, наверное, будет и впредь. Но не каждое стихотворение или рассказ становится произведением искусства.

Что же такое сказал Юсуп Хаппалаев в этом стихотворении, чтобы назвать его «Чеканщиком слова», то есть мастером, маэстро своего дела?

Любой может сказать, что он живет в том краю, где гром гремит, а молнии рассекают небо – и он будет прав. Однако это никого не удивит, ибо для этого не надо быть ни поэтом, ни художником, ни философом.

Но чтобы горный обвал сравнить с громом, чтобы вообразить и изобразить, как «во тьме гроза свою молнию о скалы точит», надо быть чеканщиком слова, художником слова, мастером.

О. Бальзак писал: «Литературное искусство состоит из двух отличных частей: наблюдение – выражение».

Верно подмечено. Но мастерство поэта заключается не только в умении наблюдать и образно выразить обычную мысль, но и в том, чтобы обыденное, привычное слово употребить к месту так, чтобы оно засверкало своими первозданными красками. Поэтому поэт, не мудрствуя лукаво, говорит о том, что он родился в том краю, где на склонах гор сеют рожь, а в долинах – рис, где высоко ценят к месту сказанное, острое, как нож, слово.

Поэт не витает в облаках. Он живет земной жизнью, где люди, рачительные хозяева земли, обрабатывают не только просторные долины, но и скудные склоны гор. Люди эти, пахари и жнецы, не бросают слов на ветер. Слово для них все равно, что сеятелю семенное зернышко.

Сказать о том, что он живет в том краю, где природа сурова, может каждый, но не каждый додумается обобщить: суровость этих гор отпечаталась в нем самом. Дело не только в образном, метафорическом мышлении автора, но и в том, что душа его находится в полной гармонии с окружающим миром.

Вот почему «на скачках скакуна ждут порою знаки славы» и «нередко чабана выручают волкодавы».

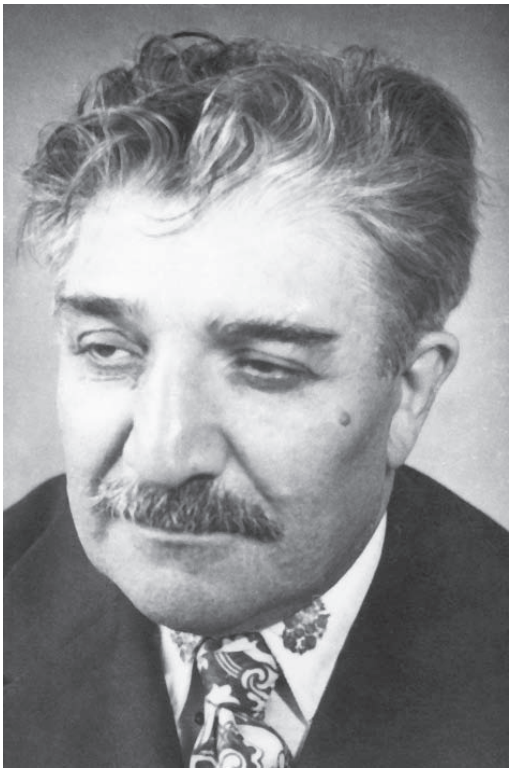
Многие ли чувствуют такое единство с природой? Не в результате ли нарушения этой гармонии происходят непредсказуемые катаклизмы в природе

и человеческом обществе?

Естественно, поэт не говорит об этом прямо. Но на то он и поэт, что «к месту сказанным словом» дает простор мыслям читателя, что авторский текст его богат подтекстом.

Это единство природы и человека вытекает из естественной сути поэта. Этим и объясняется тот антропоморфизм, который присущ многим произведениям художника слова.

Поэтому и речка на лопасть колесу бросается, как рысь, а трусливых ждет возмездие от самой природы – им уготована пропасть.



В краю этом все ценится на вес золота. Если дружба, то она «скупая на слова», но настоящая, непорочная, священная. Здесь неуместен «ненужный хор пустых похвал», но это вовсе не означает, что дружба эта не может быть облагорожена «красноречием сердечным».

Одним из главных достоинств большого таланта является его способность живописать так, чтобы читатель мог чувствовать и видеть то, о чем он пишет, словно бы это происходит с ним самим. Для этого недостаточны хорошее знание законов стихосложения, эрудиция, профессиональные навыки. Нужна еще какая-то интуиция, тайная сила, божественное видение, присущие мастеру и сподвигающие его на священный акт творчества.

Вот и видим мы, как «струя из родника по трубе течет в кувшины и к шоферам облака лезут в жаркие кабины», как «папаху набекрень носят парни Цудахара».

Еще одна из особенностей поэтического дара Юсупа Хаппалаева видится в том, что он, в отличие от современных новомодных поэтов, такие атрибуты национальной принадлежности, как папаха, кинжал, бурка, джурабы и др., употребляет не в расчете на внешний эффект, а как органически присущие. Горы и долины, чабаны и волкодавы, гром и грозы, фиалка и кремень, папаха и скакун создают целостную картину горного края, в котором живет и творит поэт. Вместе с тем автор не замыкается в узконациональных рамках, идеализируя свой край, свой народ. Край его и народ его – часть мироздания, вселенной, человечества. Мысль эту прозорливо выразил Ф. Достоевский, заявив: «Чем более мы будем национальны, тем более мы будем европейцами (всечеловеческими)».

Примечателен заключительный аккорд стихотворения. Строчки о символической паре – фиалке и кремне – приобретают философский смысл: неповторимое своеобразие сурового края, его красота и сила объясняются не только мужеством храбрецов, но и милосердием отзывчивых и благоразумных женщин. Краю этому, людям его ничто человеческое в его исконном смысле не чуждо.

Стихотворение это на русский язык перевел большой друг дагестанских писателей, другой чеканщик слова, незабвенный Яков Абрамович Козловский. Он блистательно справился с поставленной задачей. Во всем чувствуется рука профессионала, мастера переводческого дела.

Я. Козловский, как это нередко происходит со многими переводчиками с национального, не русифицировал стихотворение Ю. Хаппалаева, а бережно сохранил его национальный дух, неповторимый колорит. В чем-то и его ритмику.

Вместе с тем, как мне представляется, в некоторых деталях оригинал сохранил свое превосходство над переводом. И обратился-то я к оригиналу после того, как показалось: какие-то слова не укладываются в поэтические рамки автора. Юсуп Рамазанович по природе своей человек немногословный. В строках «где на склонах сеют рожь, а в долинах – рис для плова» последующие за «рисом» слова «для плова», звучащие как комментарий, мне показались излишними. В оригинале их и не оказалось. А понадобились они переводчику из технических соображений – для необходимого количества слогов, для рифмы.

У переводчика цудахарские парни носят папахи набекрень, у автора - не просто папахи, а серо-синие папахи. Казалось бы, мелочь, но такие мелочи в поэзии всегда играют немаловажную роль и во многом определяют достоинства того или иного произведения – его живописность, образность, экспрессивность.

Отнюдь не умаляя значение этого превосходного перевода, хочется заметить: сказать о том, что фиалка и кремень – символическая пара, не совсем то же самое, что сказать: фиалка, распустившаяся в расщелине, превращается в кремень. Или сказать «на склонах сеют рожь» и – на склонах размером с ладонь, расположенных на уступах скал, сеют рожь.

О чем все это говорит?

Да о том, что лучшие произведения поэта Ю. Хаппалаева ждут еще своих новых переводчиков – переводчиков разных и талантливых.

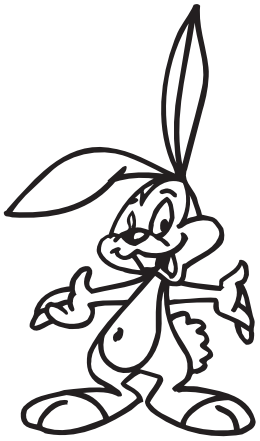
И последнее, чем бы хотел завершить свое слово о Юсупе Хаппалаева. Гению русской поэзии Пушкину принадлежат слова «тьмы низких истин мне дороже нас возвышающий обман».

Большая часть человечества по сей день продолжает оправдывать пророческие слова поэта. В их числе, к сожалению, и я. Но среди нас есть и те, кто не подвержен возвышающему нас обману, а отдает себе отчет в том, что есть что и кто есть кто. Не об этом ли говорил И. Гете, когда писал: «Большая ошибка мечтать о себе больше, чем следует, и ценить себя ниже, чем стоишь».

Мудрость ушедшего от нас патриарха дагестанской поэзии, отметившего недавно свое 90-летие, заключается в том, что он ни в молодости, ни в свои достопочтенные годы, не превозносил себя больше, чем следует, но и не ценил себя ниже, чем он того стоит.

А стоит он многого!

О ЗАЙЦЕ



Айша КУРБАНОВА

… И БУЛЬДОЗЕРЕ

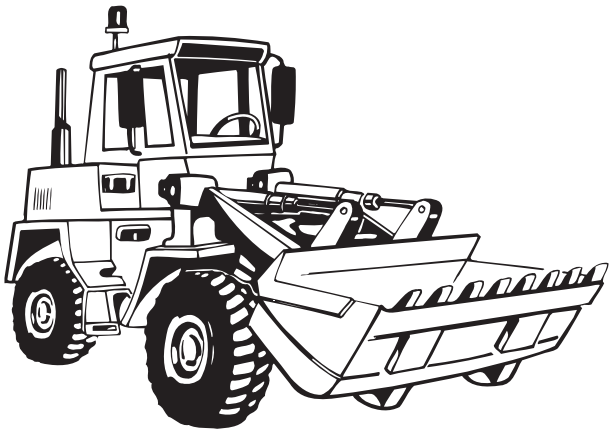
Однажды до спящего сладким сном зайчонка донесся страшный грохот, переходящий в истошный рев. Зайчонок задрожал от страха и заморгал косыми глазами. Поднявшись на задние лапки, стал всматриваться вдаль: рычащее чудовище, называемое людьми бульдозером, снимало пласты цветущего луга, переворачивая их вверх дном вместе с зацветающими луговыми цветками. Железное чудовище шумело, скрежетало, а там, где ему попадались камни, оно еще истошнее орало.

«Видимо, это чудовище расширяет дорогу к каменному карьеру. Вай-вай-вай! Какой ужас! Эти камни падают как град с неба. Надо уберечься …»

Стараясь не сорваться в пропасть и не попасть под град летящих сверху камней, зайчонок скакал от одной кочки к другой и не заметил камня с острыми углами. И вдруг камень, подпрыгнувший словно мяч, врезался ему в бок. Зайчонок, потеряв сознание, распластался на земле.

Усилившийся рев бульдозера привел его в чувство: «Какой я глупый – мне жалко трав на лугу, а кто теперь меня пожалеет? И зачем я далеко ушел от мамы…».

От боли в разодранном боку зайчонка стало лихорадить. Перед глазами стали мелькать звездочки и круги. Он в отчаянии зажмурил глаза. Открыв их вновь, зайчонок решил осмотреться, не поджидает ли его новая опасность, и что еще вытворяет этот страшный бульдозер.



«Вах, что же это такое? Обезглавленная змея? Бедняжка… Думал, что я – самый несчастный. Оказывается, есть несчастнее меня. Рана-то моя заживет. Но змее никогда уже не поднять срубленную голову. Бедняжке, как и всем, хотелось еще жить. Змея коварная, говорила мама, а я думаю, каждый, если его преследовать, может стать коварным. Только не дано знать, с какой стороны подступит беда. Да, человек не задумывается, каково нам от его вмешательства в природу… Как сообщить ему об этом?..»

… И ВОЛКЕ

Однажды в морозный ветреный день заяц засмотрелся на белочку.

«Какая она красивая – эта белка, оранжевая, как теплое солнышко. Шерсть у нее так и переливается… А хвост! Сама белка маленькая. И ушки у нее крохотные, не то что у меня… А хвост… Он такой пушистый, такой большой. Наверное, хвостом белка греет себя. Укроется, как пуховым одеялом, и… никакого холода. Везет же белке…»

– О, аллах, дай же и мне такой хвост, как у белки, – взмолился заяц вечером, когда мороз стал просто лютым. – С таким пушистым хвостом я никогда не замерзну. А то ни теплого дома, ни пушистого хвоста – ничего у меня нет.

Заяц присел под кустами и незаметно для себя уснул крепким сном.

Проснувшись под утро, заяц очень удивился: его спину грел огромный, как у белки, хвост. Он тут же побежал на покрытую зеркальным льдом реку. Рассматривая себя в гладком, отражающем, как в ог-

ромном зеркале, окружающий мир льду, заяц не заметил, как подкрался к нему голодный волк. Увидев его уже совсем рядом, заяц во весь дух помчался через застывшую реку. Волк погнался за ним. И ему удалось схватить зайца за хвост. Новый заячий хвост не выдержал и отвалился.

Оставив его в зубах зверя, заяц мигом исчез в кустах.

И тогда заяц поклялся, что больше никогда не будет завидовать тому, что есть у других. Аллах и так дал ему способность выживать, спасаться даже в самых опасных ситуациях, подарив ему достаточно теплую и пушистую, меняющую свой цвет, шубу и очень короткий хвост...

… И МЫШИ

Однажды голодный зайчонок заметил, как полевая мышь тащила в нору подмоченные дождем колосья.

– Видимо, у нее есть запасы всякой еды,– принюхался он к норе.– Дай-ка, я разрою нору и поем досыта.

И заяц принялся за дело. Наконец, он добрался до мышиного склада. Подмоченные дождями пшеничные колосья были мягки, а некоторые даже проросли. А те, что лежали на дне, были покрыты плесенью.

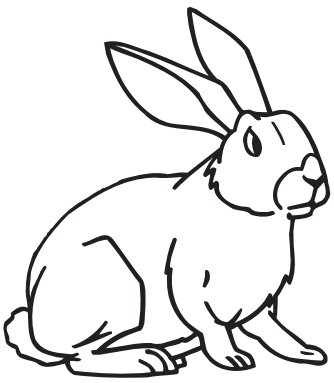
– Как можно есть такую дрянь? – отвернулся было заяц. Но в голодном желудке заурчало. Запах свежеподмоченных зерен возбуждал аппетит. – Какая разница, – подумал он, – главное покушать. Голова кружится от голода – сил уже нет. Так и быть, поем что есть. Заяц стал выбирать зерна посвежее, но он так проголодался, что съел и заплесневевшие зерна.

После еды желудок стал таким тяжелым, глаза зайчонка стали закатываться, в них замелькали «огненные змеи». И он упал в обморок.

Когда он пришел в себя, живот был вздут, тверд и, казалось, был больше его самого. Изнемогая от боли, и в ужасе от размеров своего вздутого живота, заяц взмолился:

– О Аллах, о всевышний, всевидящий и всезнающий, спаси меня на этот раз: и я никогда больше не позарюсь на чужое.

… И КРОЛИКЕ



Как-то зайчонок забрёл на околицу села и столкнулся с кроликом. И загляделся на него: «Такой красивый, упитанный, чёрный мех отливает блестящим бархатом. А я такой тощий, невзрачный. Надо бы узнать, отчего он такой ухоженный».

– Эй, Косой, скажи, пожалуйста, почему ты так храбро держишься здесь, возле людей?

– А мы, кролики, живем не просто возле, – ответил тот, – у нас свое место во дворе хозяина. Он нас и кормит, и поит, и клетку за нами убирает, на прогулку выпускает.

– Вы, наверное, очень счастливы? – с завистью спросил зайчонок.

– Ты что, мы даже боимся поправиться, поесть лишнего: хозяин в первую очередь продает самых упитанных. Нас, кроликов, много. Но хозяин с нами, со всеми упитанными, расправляется быстро. Так что сытость – это ещё не счастье.

«Ну, тогда я им не завидую, – прошептал зайчонок. – Лучше сам буду добывать себе корм и жить на свободе».

… И МЕДВЕДЕ

Однажды зайчонок, убегая от волков, угодил в медвежью берлогу. В занесенной толстым слоем снега берлоге было тепло. А медведь крепко спал. Боясь разбудить его, заяц выбрался из берлоги и кинулся прочь. Обессилевший от бега, он вдруг опомнился: «Зачем я бегу? За мной ведь никто не гонится. И я так устал, что нет сил. Дай-ка я тоже залягу в зимнюю спячку... Тоже перестану думать о корме и, уснув, дождусь весны.

Долго искал заяц себе берлогу. Наконец наткнулся на яму, вырытую когда-то кабанами. Разгреб зайчонок лапками снег, выбрал из листьев те, что были посуше, уложил ими дно «берлоги» и залег «в зимнюю спячку»: «Вот здесь я и буду спать. Проснусь, когда на грядках вырастет вкусная морковь».

Устроившись поудобнее, зайчонок стал внушать себе: «Я засыпаю... Спят мои уставшие от бега ноги... Спит мое исхудавшее за зиму тело... Спят мои покрасневшие от искрящегося снега глаза... Я сыт... Доволен всем... Мне ничего не хочется делать, кроме как спать... Я уже засыпаю...»

Но зайчонок в неуютной норе стал мерзнуть. В животе у него от нестерпимого голода урчало. Зайчонок дрожал, как в лихорадке. Какой тут сон?! «Нет, зимняя спячка не по мне, – подумал он. – Что со мной происходит? Я же был шустрым, никогда не унывающим зайчонком. Мог всегда себя прокормить. Смогу и сейчас. Что это я ленюсь? Нет! Довольно! Лень никогда и никому не приносила радость...»

ЭКСТРИМ В НЕБЕ НАД ГИНТА

Светлана АНОХИНА

- Вон, гляди, гляди! Летят!
- Да нет же, это орлы...
- Какие там орлы, балда, орлы вон где, а это самые они! Парапланы!

Парапланы снились каждую ночь. С того самого момента, как на столе у главного редактора обнаружилось приглашение на открытие Первой Дагестанской парапланерной экспедиции «Золотой сапсан». Они не давали покоя, вторгались в сны, заключая привычные ночные кошмары в скобки легких разноцветных крыльев. Передавали весточку через воздушный шарфик на девичьей голове, через подхваченный сквозняком целлофановый пакет. Так что вопрос ехать или нет – не стоял. Конечно же, ехать, а по возможности и непременно прыгать! …Или летать? Ну, это уж, кому как повезет.

И вот 7-го сентября с утра пораньше, несколько машин, набитых стосковавшимися по экстриму журналистами, отправились в Акушинский район. Правда, экстрим начался раньше, чем ожидалось, и уже за селением Гинта веселья у журналистов поубавилось. Дорогу из-за прошедшего накануне дождя развезло и перспектива рисовалась пугающая – взбираться в гору на своих двоих, сетуя на непривычные для городского избалованного жителя физические нагрузки. К счастью, провидение в лице организаторов «Золотого сапсана» послало за журналистами квадроциклы, так что подкатить к пункту назначения удалось не без шика.

Возможно, через пару лет здесь действительно будет горнолыжная база «Чиндирчеро» со всей полагающейся инфраструктурой, несуетливые туристы, загорелые и на зависть спортивные, гостиницы, подъемники, уютные кафешки, магазинчики сувениров... Но пока это видит только президент Российской сервисной компании «РИНКО АЛЬЯНС» Гаджи Омаров, которому и принадлежит идея организации в Акушинском районе туристического центра. А сторонний взгляд отмечает только пологий склон (как утверждают знатоки, очень подходящий и для горнолыжного спорта, и для зимнего кайтинга), разноцветные палатки и трепещущие на ветру 11 флагов, похожих на перья. А еще, конечно, парапланы.

27 человек (из них – 3 девушки), 27 лучших парапланеристов России из клубов Москвы, Санкт-Петербурга и Новороссийска съехались сюда, в Дагестан, чтобы «попробовать ветер», или, говоря казенным языком, «отыскать и изучить районы, благоприятные для развертывания центров экстремальных видов спорта». Это был только первый день. Экспедиции предстояло проверить, как там обстоят дела с восходящими потоками воздуха в других районах Дагестана и определить, кто возьмет «Золотого сапсана» – медаль за полет на 50 км. Забегая вперед, скажем, золотая медаль не досталась никому. Не повезло спортсменам с погодой.

Признаться честно, когда, задыхаясь от зависти, следишь с земли за полетом, говорить о парапланеризме как о спорте совсем не хочется. Это вольное парение кажется свободным, естественным и единственно достойным человека состоянием. А расстеленный на земле крест из красной материи, он же «мишень» для соревнований на точность приземления, смотрится как чья-то художественная причуда, как яркое цветовое пятно, призванное уравновесить композицию.

К сожалению, полетать никому из журналистов не удалось. Шамиль Алиев, дагестанский парапланерист, на которого возлагались в этом отношении большие надежды, сослался на технические сложности, другие отшучивались. И только Андрей Сабетов из Питера сказал прямо, мол, был уже печальный прецедент с журналистами: одна предприимчивая девушка, напросившаяся в полет с инструктором и неаккуратно приземлившаяся, тут же, потирая ушибленную пятую точку, бросилась в суд. С тех пор парапланеристы с нашим братом осторожничают. Эх, коллега… Обкорнала крылья мечте.

Фото Г. ВИКТОРОВА

Саид Тихилов (см. стр. 5,6, 12-13)